

С. Д. КАЦНЕЛЬСОН

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКА
И РЕЧЕВОЕ МЫШЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. Д. КАЦНЕЛЬСОН

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКА
И РЕЧЕВОЕ
МЫШЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1972

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая	
К постановке вопроса	5
Глава вторая	
Морфологические категории и их редуционный анализ	17
1. Задачи функционально-семантического редуционизма	—
2. Опыт редуционного анализа морфологических категорий	21
а) Категория грамматического рода или класса	22
б) Категория числа	27
в) Артикль	35
г) Категория падежа	39
д) Категория падежа (продолжение)	57
3. Некоторые выводы	73
Глава третья	
«Скрытая» грамматика и формы ее обнаружения	78
1. Грамматика «явная» и «скрытая»	—
2. Формы обнаружения и функции скрытых категорий. Вещественные и категориальные компоненты лексических значений	83
3. Некоторые выводы	93
Глава четвертая	
Мыслительные и коммуникативные основы грамматического строя	95
1. Язык, речь и процессы речемыслительной деятельности	—
2. Язык и сознание	108
3. Речемыслительные и универсально-языковые основания традиционных частей речи	127
4. Речемыслительные и универсально-языковые основания традиционных членов предложения	177
5. Некоторые выводы	213

Соломон Давидович Кацнельсон

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Редактор издательства
Н. Г. Герасимова

Художник
Я. Г. Таубвурцель

Технический редактор
И. М. Кашеварова

Корректоры
Н. В. Лихарева и Г. А. Мирошниченко

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Сдано в набор 30/VIII 1971 г. Подписано к печати 23/XI 1971 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Печ. л. 13¹/₂ = =13.5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15.20. Изд. № 4269. Тип. зак. № 467. М-36309. Бумага № 1. Тираж 4400
Цена 1 руб. 20 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука».
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

7-1-2

190-71 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей работе рассматриваются некоторые общие вопросы грамматической теории, представляющие насущный интерес для контенсивной (т. е. «содержательной», ориентированной на содержание языковых форм) типологии. Это, во-первых, вопросы анализа грамматических форм в целях отграничения универсальных элементов в их содержании от идиоэтнических и, во-вторых, вопросы анализа традиционных частей речи и членов предложения в целях выявления мыслительных и универсально-языковых элементов в их универсально-значимом содержании.

Ни контенсивная типология, ни речевое мышление не относятся к числу понятий, имеющих широкое хождение в науке о языке. Хотя первые опыты в области контенсивной типологии были предприняты уже очень давно, еще в XVII—XVIII вв., — мы имеем в виду универсальную, или философскую, грамматику в ее рационалистических (картезианских) и эмпиристических вариантах, — контенсивная типология все еще не является сложившейся лингвистической дисциплиной. Как показали новейшие исследования (Н. Хомского и др.), универсальная грамматика предвосхитила ряд существенных идей современной теории языка, впервые поставив вопрос о соотношении универсальных и идиоэтнических элементов в содержательной стороне языка и закономерностях процессов образования предложений. Если тем не менее последующее развитие науки не подхватило этих начинаний и даже вовсе отвернулось от них, то причиной этому явилась общая неразработанность методики анализа содержательных функций, обрекавшая грамматику на рабскую зависимость от логики и психологии.

И все же живое ощущение органической связи языка и мышления полностью не покидало лингвистов. Вопрос о мыслительных, или «понятийных», категориях, лежащих в основании системы

языка, в наш век поднимался многими исследователями. Достаточно напомнить в этом отношении об исследованиях Ф. Брюно, О. Есперсена, И. И. Мещанинова. Антименталистические тенденции, возобладавшие в новейших лингвистических направлениях 40-х и 50-х годов, на время затормозили семантические исследования. Но в последнее время, когда четко обозначилась неудача теорий, односторонне ориентированных на внешнюю форму, интерес к содержательной стороне языка, к его «глубинным» структурам снова возрос.

Долгие годы засилья логицизма и психологизма в грамматике и антименталистические настроения новейших течений помешали развитию собственно лингвистических методов содержательного анализа языка. Но при всем интересе современных специализированных наук о мышлении к лингвистической проблематике ни одна из них не может предложить языкознанию готовый набор речемыслительных категорий, образующих ядро универсального компонента языковой структуры. Вынесенный в заглавие книги термин «речевое мышление» призван подчеркнуть то обстоятельство, что речь идет о специфических мыслительных категориях, которые лингвист вынужден добывать самолично путем кропотливого и многоступенчатого анализа одному лишь ему «подведомственного» материала. Термин «семантика», шире употребляемый в науке, пожалуй, слишком расплывчат для того, чтобы заменить термин «речевое мышление». Семантику понимают то очень узко, как науку о значениях слов, то слишком широко, как науку о всех содержательных функциях языка, не только мыслительных.

В заключение считаю необходимым поблагодарить всех тех, кто помог мне в настоящей работе. Особенно многим я признателен ныне — увы! — уже покойному профессору И. М. Тронскому и доценту С. Е. Яхонтову, постоянное общение с которыми стимулировало исследование и способствовало более полной аргументации отстаиваемых положений.

Иллюстративный материал из области русского синтаксиса, широко представленный в данной книге, заимствован главным образом из Словаря русского языка АН СССР (в четырех томах).

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Понятия «типология языка» и «речевое мышление», фигурирующие в заглавии настоящей книги, не отличаются достаточной ясностью и нуждаются в расшифровке. В меньшей степени это относится к первому из них, о котором по крайней мере известно, что это область языкознания, занимающаяся сравнением языков в целях выявления общих закономерностей языкового строя. Значительно хуже обстоит с понятием «речевое мышление», которое кажется совершенно расплывчатым и безнадежно скомпрометированным годами господства логической и психологической грамматики.

Трудности с типологией начинаются с момента, как только мы задаемся вопросом о целях и задачах этой лингвистической дисциплины. На этот счет существуют различные мнения, и мы на них коротко остановимся, чтобы лучше оттенить нашу позицию в этом вопросе.

Некоторые ученые считают типологию наукой по преимуществу классификационной. В одном из новейших терминологических словарей она так и определяется как «раздел языкознания, исследующий принципы и разрабатывающий способы классификации языков».¹ Подобная трактовка навеяна различными вариантами морфологической классификации языков, унаследованными от науки XVIII—XIX вв. В наши дни, пожалуй, никто уже полностью не разделяет старых представлений, связанных с морфологической классификацией. Но стремление подлатать эту классификацию и по возможности очистить ее от предвзятых суждений не оставило, по-видимому, многих исследователей.

Классификации XVIII—XIX вв. строились исходя из предположения, что выделяемые ими морфологические признаки существ-

¹ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 476.

венны в плане не только морфологии, но и строя языка в целом. Технические средства грамматики рассматривались в то время как прямое отражение глубоких различий в содержании грамматических форм. Эта теоретическая установка отчетливо проглядывает уже в первых исследованиях этого рода, например в трактате знаменитого экономиста и социолога Адама Смита о происхождении и развитии языков.² Отмечая развитие английского и французского языков от синтетического строя к аналитическому, Смит усматривал в этом проявление прогресса мысли и способности к абстракции. Древние синтетические формы, как например падежи и числа, он считал более конкретными по содержанию, чем соответствующие им в строе позднейшего языка аналитические формы. Предлоги, сменившие падежные формы, он расценивал как формы, по природе своей более абстрактные и «метафизические». Смит, впрочем, был непоследователен в этих суждениях. Выясняя общие условия перехода от синтетического строя к аналитическому, он вместе с тем допускал, что причиной развития явилось интенсивное смешение языков.³

Если Смит рассматривал флективные формы как технику отсталого, не способного к абстракции мышления, то исследователи первой половины XIX в. — Фр. Шлегель, В. Гумбольдт и др. — возводили флексию в ранг наиболее высокого и совершенного грамматического средства, третируя языки, не имеющие синтетических форм, как «аморфные», т. е. начисто лишённые грамматического строя. Традиционные варианты морфологической классификации языков давно уже осуждены наукой,⁴ и сейчас вряд ли найдется исследователь, который стал бы настаивать на всех связанных с ними положениях. Стремление противопоставить флективный строй европейских языков аналитическому строю китайского языка, как «аморфному», носит на себе явную печать европоцентризма. Недостатки традиционной классификации языков не исчерпываются, однако, этой порочной установкой. Неправильен сам подход к морфологии как прямому выражению существенных различий. Такой подход зиждется на убеждении, что в системе языка все признаки взаимно уравновешены и однозначно определяют друг друга. Только руководствуясь таким убеждением, можно допустить, что один из способов выражения грамматических функций предопределяет весь грамматический строй и его

² A. Smith. Considerations concerning the First Formation of Languages and the Different Genius of Original and Compound Languages. Опубликовано в качестве приложения к работе: A. Smith. The Theory of Moral Sentiments, II. London, 1970.

³ O. F u n k e. Englische Sprachphilosophie im späteren 18. Jahrhundert. Bern, 1934, S. 29—30.

⁴ См., например: Н. Г. Чернышевский. О классификации людей по языку. — В кн.: Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 848; И. А. Бодуэн де Куртене, Избранные труды по общему языкознанию, т. II, М., 1963, стр. 182.

функциональное содержание, весь «тип языка», а также уровень мыслительного развития, отражающийся в его формах.

Конечно, понятия синтетизма и аналитизма, а также флексии и агглютинации, на которые опиралась морфологическая классификация языков, в известных границах сохраняют свое значение. Но всякая классификация языков, оперирующая понятием единого образного «языкового типа», не может претендовать на научную значимость, поскольку она игнорирует структурные особенности языка. Система языка сложна и противоречива. Структурные подразделения этой системы связаны между собой многообразными опосредованными связями. Особенно сложны отношения между формальной и содержательной сторонами языковых форм. Ни один структурный признак, изъятый из системы языка и рассматриваемый в отдельности, не может поэтому отразить все многообразие элементов языкового строя и его типологические особенности.

Сказанное, разумеется, относится не только к старым морфологическим классификациям, но также к любой новой классификации, основанной на том же принципе. Оно относится, в частности, и к вариантам синтаксической классификации, разработавшейся, например, сторонниками учения Н. Я. Марра. Различие эргативной и номинативной конструкций несомненно отвечает реальности многих синтетико-морфологических языков. Но расширительное толкование этих конструкций как репрезентантов целостных языковых структур в единстве всех их формальных и содержательных моментов воспроизводит на синтаксическом «уровне» порочный принцип морфологической классификации языков.

Конечно, не всякая классификация языков опирается на принцип идеального языкового типа. Деление языков на падежные и беспадежные, эргативные и номинативные, языки со слоговой акцентуацией и без таковой и т. д. имеет под собой реальную почву. Основанием для выделения подобных классов служат признаки изолированные, не дающие представления о системе языка в целом. Поскольку внешние признаки языка, как правило, не связаны между собой жесткими и однозначными отношениями, постольку становится очевидным, что всеобъемлющую классификацию языков на этой основе построить нельзя.

Пытаясь усовершенствовать классификационный метод, Э. Сэпир предложил ряд новых признаков, пользуясь которыми можно охарактеризовать морфологию языка с разных сторон.⁵ Но такая процедура не дает единой классификации. К тому же она заранее ориентирована на морфологию, а не на строй языка в целом. Задача охарактеризовать морфологический строй языка с разных сторон, в сущности, выводит нас за пределы собственно классификационной типологии. Сознвая непригодность классификационного метода, И. А. Бодуэн де Куртенэ давно уже заметил: «В этой

⁵ Э. Сэпир. Язык. М., 1934, гл. VI.

области мы должны стремиться не к „классификации“ языков, а к их сравнительной характеристике». ⁶ В наше время этот вывод решительно сформулировали пражцы. В представлении VI Международному лингвистическому конгрессу они писали: «Между разными языками существуют самые разнообразные черты сходства и различия. Все эти черты связаны чрезвычайно сложными отношениями, и поэтому приходится отказаться от надежды построить классификацию языков, точно так же как невозможно построить классификацию людей с антропологической точки зрения. Можно, однако, разработать типологию языков, что отнюдь не равнозначно их классификации. Типология учитывает общую структуру языка: избегая обращения к изолированным чертам сходства или различия, типология рассматривает все особенности языка в их иерархии». ⁷

Классификационной типологии в приведенных высказываниях резко противопоставляется типология, основанная на разностороннем описании отдельных языков. Примерами таких типологических описаний могут служить «характеристики главных типов языкового строя», принадлежащие Х. Штайнталу, Н. Финку и Э. Леви. ⁸ Исследования этого типа оказались, однако, не менее уязвимыми для критики, чем классификационные схемы.

От простого описания строя отдельных языков характерологическое описание отличается тем, что его объектом являются не заурядные языки, а специально отобранные языки-эталоны, призванные репрезентировать отдельные типы языков. Понятие «тип языка» претерпевает при этом существенные изменения. Если в морфологических (в том числе и синтактико-морфологических) классификациях языков это понятие опиралось на несколько внешних признаков грамматического строя, то теперь оно стремится охватить грамматический строй языка в целом. Но так как системное описание языка еще недоступно науке этого времени, то подробный анализ грамматического строя, во всем переплетении характеризующих этот строй универсальных и идиоэтнических черт, она подменяет описанием особенностей небольшого числа «типовых языков». То, что интересует «характеролога» в первую очередь, это отличительные особенности данного «языкового типа».

Но особенное — это относительное понятие, постигаемое только в соотношении с общим и единичным; специфические черты,

⁶ И. А. Бодуэн де Куртене, Избр. тр. по общему языкознанию, т. II, стр. 182.

⁷ Й. Вахек. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, стр. 224. (Русск. пер.).

⁸ H. Steinthal. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1860; T. N. Finck. Die Haupttypen des Sprachbaues. Leipzig, 1909 (3. Aufl. — Leipzig, 1936); E. Lewy. Der Bau der europäischen Sprachen. — Proceedings of the Royal Irish Academy, XLVIII, Section C, № 2. Dublin, 1942.

отличающие языки одного типа от других, имеют достаточную определенность лишь при условии, если определены признаки, общие для всех языков, и признаки, отличающие индивидуальные языки от общего и частного в их структуре. Можно было бы поэтому ожидать, что характерологическому описанию типовых языков будет предпослано теоретическое введение, определяющее общие основания классификации языков по типам. Но характерологическая типология этого не дает. Отбор языков на роль репрезентанта того или иного типа производится ею наугад, без попытки обоснования степени репрезентативности того или иного языка. Известный чешский типолог В. Скаличка справедливо заметил по этому поводу: «Этот метод имеет один существенный недостаток: он не обладает прочной теоретической базой, которая позволила бы ему оценивать различные явления не в зависимости от их своеобразия, а в соответствии с их ролью в общей системе языка, оценивать их на основе точных и определенных критериев».⁹

Коренные недостатки классификационного и характерологического методов, ставшие вполне очевидными к середине нашего века, побудили многих ученых отказаться от сопоставления целостных структур и искать решения типологической проблемы в кропотливом изучении закономерных связей частных элементов языкового строя. Так, еще академик Л. В. Щерба подчеркивал важность изучения «взаимобусловленности отдельных элементов языковых структур». В качестве примеров подобной взаимобусловленности он приводил связь свободного порядка слов с развитой флективной морфологией в таких языках, как латинский, связь богато развитой системы согласных с бедной системой гласных в таких языках, как абхазский, а также связь противоположения согласных по силе с отсутствием противоположения по звонкости в таких языках, как грузинский.¹⁰

Закономерности этого рода получили позднее в науке имя «универсалий».¹¹ От ранее рассмотренных типологических методов метод универсалий выгодно отличается своей эмпирической обоснованностью. Количество обнаруженных исследованием универсалий уже весьма велико и непрерывно растет. Конечно, не все сформулированные универсалии имеют одинаковую ценность. Некоторые из них, как констатации типа «Все языки имеют фонемы» или «Нет языков, которые не различали бы грамматический строй и

⁹ В. Скаличка. О современном состоянии типологии. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963, стр. 28.

¹⁰ Л. В. Щерба. Очередные проблемы языкознания. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1945, вып. 5, стр. 173.

¹¹ См.: *Universals of Language. Report of a Conference Held at Dobbs Ferry. New York, April 13—15, 1961*, ed. by J. H. Greenberg. Cambridge (Mass.), 1963. Подробное освещение относящихся к данному направлению вопросов можно найти в кн.: Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965.

словарь», являются, в сущности, аналитическими суждениями с минимальной познавательной ценностью. В большинстве случаев, однако, универсалии фиксируют типологически существенные связи между структурными единицами языка.

Отказавшись от погони за идеальными типами языков и фиксируя свое внимание на частных закономерностях языковых структур, новое направление фактически порвало со старыми представлениями о внутренней организации языка. Установленные этим направлением универсалии показали, что язык не жесткая система, все элементы которой связаны между собой сквозными однотипными отношениями. Уже сама возможность выявления закономерных связей, объединяющих определенные элементы системы, свидетельствует о том, что данные элементы образуют особую микросистему, обладающую относительной автономностью. Даже в рамках одной микросистемы отношения между элементами могут быть разнотипными. Так, универсалия, утверждающая, что если в системе языка имеются формы двойственного числа, то в ней обязательно имеются и формы единственного и множественного числа, имплицитно содержит в себе указание на то, что отношения между формами грамматического числа неоднотипны. Зная, что в языке имеются формы двойственного числа, мы можем заключить, что в нем даны также формы единственного и множественного числа, но не наоборот: из наличия форм единственного и множественного числа не следует, что в языке имеется и двойственное число. Конечно, форма единственного числа не существует вне оппозиции чисел, она необходимо предполагает формы, выражающие «не-единственное» число. Но сколько таких «не-единственных» чисел в языке, заранее знать нельзя. В одном языке их может быть несколько (например, двойственное, тройственное и множественное число), в другом же — лишь одно обобщенное «не-единственное» число. Таким образом, помимо строго обязательных, или «жестких», закономерностей в системе языка действуют и закономерности вероятностного порядка, предполагающие ряд возможностей, по-разному реализуемых в строе языков.

Типология универсалий не делает, впрочем, общих выводов из своих наблюдений. Она ограничивается исследованием микросистем и мало интересуется системой языка в целом. В результате такой атомизации языкового строя она превращается в пространственный список единичных и независимых друг от друга универсалий. Типология этого типа часто называет себя «структуральной», но структурную точку зрения она проводит непоследовательно, так как закономерности, характеризующие систему в целом, выпадают из ее поля зрения. Как правило, такая типология не идет дальше констатации универсалий; место данной универсалии в системе, ее внутрисистемный «смысл» остаются невыясненными.

Метод универсалий расширил сферу действия типологии, подключив к морфологии, которой преимущественно интересовалась

традиционная типология, еще и фонологию. При этом, однако, за кадром типологических исследований во всех случаях остается содержательная сторона языка.

Вовлечение содержательной стороны в орбиту типологических изысканий необходимо хотя бы потому, что и в области содержания языки обнаруживают черты как сходства, так и различия. Если под типологией понимать учение о единообразии и многообразии, тождестве и несовпадении, инвариантности и вариантности языковых структур, то содержание языковых форм также окажется в «ведении» типологии. Уже универсальная грамматика XVII—XVIII вв., ставившая себе целью вскрыть «основания того, что обще всем языкам, и главных встречающихся в них различий»,¹² знала, что различия имеются также в содержательной стороне языков. Проблемы содержательной (контенсивной) типологии, которая в первую очередь интересует нас в данном исследовании, разрабатывались с тех пор многими поколениями лингвистов, а в известной степени также философов, логиков и психологов.

Проблема общего и единичного, универсального и идиоэтнического в строе языков решается в контенсивной типологии не так, как в формальной. В плане формы, или выражения, единство языков проявляется в общих принципах их построения и в частичном сходстве строевых элементов, колеблющемся от языка к языку. В плане содержания оно выступает в виде универсального компонента языковой структуры, необходимо присутствующего в любом языке. Последнее нуждается лишь в оговорке относительно уровня языкового развития. Языки, находящиеся на приблизительно одинаковом уровне развития, проявляют в этом отношении больше сходства; в менее развитых языках некоторые элементы универсального компонента могут отсутствовать. Все это нуждается в подробном обосновании, что не входит в задачи настоящей работы. Здесь важно лишь отметить, что в содержании каждого языка необходимо различаются два компонента — универсальный и идиоэтнический, из которых один общ всем языкам, а другой характеризует каждый язык в его индивидуальной своеобразии.

Универсальная грамматика, впервые предпринявшая попытку разграничить типологические компоненты в содержании отдельных языков, считала, что универсальный компонент сводится к мыслительному ядру грамматических форм. Картезианская универсальная грамматика пыталась определить конкретное содержание этих форм, опираясь на понятия формальной логики. Суждения рассматривались ею как глубинные формы, из которых путем их преобразования формируются предложения, а учение об объеме и содержании понятия служило ей средством экспли-

¹² R. Donzé. La grammaire générale et raisonnée de Port-Royale. Contribution à l'histoire des idées grammaticales en France. Berne, 1967, p. 35.

кации универсальных моментов в основных грамматических категориях. Эмпиристическая универсальная грамматика («Гермес» Дж. Хэрриса) стремилась получить универсальные категории индуктивным путем, вычленив общее в грамматических категориях разных языков.

Хотя, как показало исследование Н. Хомского,¹³ в картезианской грамматике содержалось много интересных идей, тем не менее утвердившееся в лингвистике отрицательное отношение к логической грамматике во многом оправдано. Никакая формальная логика, ни классическая, ни даже современная, не может быть использована в готовом виде как учение о мыслительных категориях языка. Логическая грамматика, пытавшаяся сблизить логику с грамматикой, потому и потерпела крах, что в своей интерпретации языкового содержания она либо игнорировала конкретное многообразие языковых форм, либо давала им произвольное и искусственное толкование. В этих условиях становилось понятным стремление эмпирической грамматики выводить универсальные категории языкового мышления непосредственно из форм языка. Для этого, однако, нужна была специальная методика, которую только теперь разрабатывает наша наука.

Антитеза универсального и идиоэтнического в содержании языка получила заостренное выражение в философско-лингвистической концепции В. Гумбольдта. Из типологических понятий, которыми он оперировал, широко известно понятие «внутренней формы языка», покрывающее всю совокупность идиоэтнических элементов в содержании форм одного языка. Менее известно его учение об универсальном компоненте, что объясняется психологической ориентацией ближайших последователей Гумбольдта, Х. Штайнталя и его единомышленников, отбросивших все, что им казалось пережитком логицизма в концепции их учителя.

Взгляды Гумбольдта на сущность и содержание универсального компонента можно резюмировать следующим образом. Универсальные категории — это по большей части мыслительные формы логического происхождения. Они образуют систему, являющуюся общей основой языка, но непосредственно в строй языка не входящую. Вместе с тем и собственно логическими назвать их нельзя, так как, будучи обращены лицом к грамматике, они обнаруживают специфические черты. Можно сказать, что они составляют область «логической грамматики», которая по существу не является ни логикой, ни грамматикой; это идеальная система, не совпадающая с категориями отдельных языков. В каж-

¹³ N. Chomsky. Cartesian Linguistics: A Chapter in the History of Rationalist Thought. N. Y., 1966, p. 33—34; см. также: N. E. Brekle. Die Bedeutung der Grammaire générale et raisonnée — bekannt als Grammatik von Port-Royal — für die heutige Sprachwissenschaft. — Indogermanische Forschungen, B. 72, 1/2 Hf. Berlin, 1967, S. 4 ff.

дом отдельном языке категории идеальной логики преобразуются в конкретные грамматические категории.¹⁴

Логическая грамматика, в понимании Гумбольдта, — это, следовательно, не грамматика, ориентированная на готовые логические схемы, а идеальная система мыслительных элементов, которую еще только предстоит воссоздать. Какова должна быть методика ее обнаружения, Гумбольдт прямо не говорит; он лишь намекает на это, утверждая, что конкретные грамматические категории, как они предстают перед нами в индивидуальных языках, являются преобразованиями и перевоплощениями универсальных категорий. Мы смогли бы, следовательно, их обнаружить, если бы нам удалось восстановить важнейшие фазы их преобразования. Из причин, обуславливающих отклонение категорий языка от лежащих в их основе идеальных категорий, он в числе прочих называет «обратное воздействие звуков» на мыслительное содержание,¹⁵ но механизма этого воздействия не выявляет.

Предложенное Гумбольдтом понятие универсальной «логико-грамматической» системы не получило развития в дальнейшей истории языкознания. Психологические тенденции, возобладавшие в языкознании второй половины XIX в. и долго еще сохранявшиеся позже, исключали всякие поиски универсального компонента в содержании языка. Антиментализм, в той или иной форме утвердившийся затем во многих структуралистических течениях, также препятствовал развитию этой идеи. Впрочем, одно из течений, вышедшее из лона структурализма, — мы имеем в виду порождающую грамматику Н. Хомского — вплотную подошло к идее универсального компонента.¹⁶ Сам Хомский, однако, отрезал себе путь к дальнейшему продвижению, исключив семантику из синтаксиса и представив ее в виде «семантической интерпретации» абстрактных синтаксических схем, совершающейся где-то вне пределов порождающего процесса. Нужно, впрочем, заметить, что у некоторых приверженцев порождающей грамматики, критически переоценивающих концепцию Хомского, понятие «глубинной структуры» все больше насыщается семантическим содержанием и становится в известной мере эвфемизмом для универсальных мыслительных структур.

Реконструкция универсального компонента языковой структуры является актуальной задачей современной теории языка,

¹⁴ Высказывания Гумбольдта на эту тему встречаются в разных работах. Суммарно они изложены в кн.: H. Steinthal. *Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft*. Berlin, 1871, S. 63—65; см. также: E. Husserl. *Logische Untersuchungen*, II, 1. Halle a. d. S., 1922, S. 342; E. Cassirer. *Philosophie der Symbolischen Formen*, I. Die Sprache. Berlin, 1923, S. 102.

¹⁵ W. von Humboldt. *Schriften zur Sprachphilosophie*. — *Werke in fünf Bänden*, III. Berlin, 1963, S. 651.

¹⁶ N. Chomsky. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge (Mass.), 1965.

в решении которой заинтересована не только типология, но и описательная грамматика индивидуальных языков. Сложность этой задачи определяется тем обстоятельством, что ни традиционная грамматика, ни логика в готовом виде не дают нам систему категорий, образующих универсальный компонент языка. Единственный путь, ведущий к этой цели, — это анализ грамматических форм с целью выявления их функционального содержания и отслоения универсальных элементов в этом содержании от идиоэтнических.

Содержание языковых форм представляет собой амальгаму универсальных и идиоэтнических функций. Это значит, что содержательный план языка включает в себе и такие функциональные категории, которые непосредственно не входят в обязательный для всех языков категориальный минимум. Появление необязательных в типологическом отношении и до некоторой степени «избыточных» идиоэтнических категорий является следствием своеобразных и противоречивых отношений, складывающихся между планами выражения и содержания в языке. Эти противоречия проявляются уже в отношении между звучанием и его содержательной функцией или, как выразился Соссюр, между «означающим» и «означаемым» в простейшем языковом знаке.

Означающее и означаемое необходимо предполагают друг друга. В качестве членов знакового отношения каждый из них немислим вне этого отношения, вне связи со своим коррелятом. Но взаимная зависимость компонентов языкового знака не исключает их автономности в некоторых, довольно широких, границах. Отношения внутри знака могут стать весьма сложными и асимметричными, так как компоненты знака внутренне чужды один другому. В знаке их связывает не общность внутренних свойств, а лишь совместное участие в выполнении коммуникативной функции. В звучании, как таковом, нет ничего такого, что предрасполагало бы его к выражению именно данного, а не какого-либо иного означаемого, так же как и в означаемых нет ничего, что побуждало бы выразить их означающими строго определенного рода. Соссюр говорил в этой связи о «произвольности» или «немотивированности» лингвистического знака. Более точно, думается нам, квалифицировал эти отношения А. А. Потебня, назвав их «традиционными». «Между звуком и значением, — писал он, — в действительности не бывает другой связи, кроме традиционной».¹⁷

Социально-историческая обусловленность связи между звучанием и его содержательной функцией, отсутствие естественных внутренних связей между членами знакового отношения, становится источником неизоморфности планов выражения и содержания. К этому присоединяются дополнительные причины — отста-

¹⁷ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 31.

вание звуковой стороны в процессе развития от содержательной и некоторые другие. Как отмечал Потебня, «звуковых знаменательных сочетаний в языке несравненно меньше, чем представлений и значений, так как на одно такое сочетание приходится сплошь и рядом несколько значений. Другими словами, изменчивость и подвижность мысли в языке гораздо более изменчивости звуков».¹⁸ В итоге возникает полифункциональность единиц плана выражения и омофония единиц плана содержания, что дало С. Карцевскому основание говорить об «асимметричном дуализме лингвистического знака».¹⁹

Асимметрия между планами содержания и выражения в языке часто усложняется настолько, что дуализм языковых планов нарушается, уступая место многослойной структуре с рядом промежуточных образований. Именно так обстоит дело в языках, где на базе синтетической морфологии возникает гипертрофия форм и формальных грамматических функций. Подробнее об этом см. в гл. II.

Появлению промежуточных планов сопутствует образование новых полуформальных функций, как падежность, видовость и т. п. Конечно, члены падежной или видовой парадигмы, т. е. отдельные падежи или виды, несут на себе большую и существенную в типологическом отношении нагрузку. Но к универсально значимым категориям, выражаемым формами падежей и видов, присоединяются в этих формах еще особые идиоэтнические функции падежности и видовости, которые ничего существенного к функциям первого рода не добавляют. Усложняя грамматический строй, они нередко обрастают немаловажными стилистическими функциями, которые хотя и обогащают выразительные возможности языка, но к универсальному компоненту прямого отношения не имеют.

Неизоморфность планов выражения и содержания, а также многослойность грамматической структуры делают типологический анализ грамматических форм делом нелегким и кропотливым. Чтобы добраться до логико-грамматических или речемыслительных категорий, образующих ядро универсального компонента, необходимо прежде всего выделить все содержательные функции грамматических форм и отделить в них идиоэтнические элементы от универсальных. В дальнейшем анализ универсальных категорий должен показать, в какой мере они могут быть охарактеризованы как речемыслительные категории и нет ли среди них таких категорий, которые вытекают не из природы речевого мышления, а из некоторых универсальных свойств языка, как специфической знаковой системы.

¹⁸ Там же, стр. 21—22.

¹⁹ S. Karcevskij. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. — *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1. Prague, 1929, p. 88 et sqq.

В настоящей работе мы рассматриваем лишь некоторые, только самые общие вопросы, относящиеся к проблематике контенсивной типологии. Это, с одной стороны, вопросы методики выявления единиц универсального компонента языковой структуры и, с другой, вопросы выделения универсальных компонентов, содержащихся в традиционном грамматическом учении о частях речи и членах предложения.

Специфическую особенность языков синтетического строя образуют, как известно, особые синтетико-морфологические категории, такие как падеж, число, грамматический класс или род, глагольный вид и т. д., слабо представленные или вовсе отсутствующие в аналитических языках. Что же представляют собой эти категории? Являются ли они показателем более высокой степени развития, как думали авторы многих вариантов морфологической классификации языков, или же это — вторичные морфологические образования, вырастающие на базе особой техники и в принципе сводимые к функционально-грамматическим категориям аналитических языков? В настоящее время никто уже, пожалуй, не разделяет мнения о превосходстве синтетического строя над мнимой аморфностью аналитических языков. Тем не менее методы анализа морфологических категорий с целью отграничения содержащихся в них универсально-типологических функций от идиоэтнических все еще не выработаны. Рассмотрению относящихся сюда вопросов посвящена гл. II.

Вычленение универсальных речемыслительных категорий часто усложняется вследствие того, что многие из них не получают прямого выражения в формах языка. Наряду с «явной» грамматикой существует еще грамматика «скрытая», категории которой, весьма существенные в типологическом плане, обычно ускользают от внимания исследователя. «Скрытые» категории имеются в строе любого языка. Особую остроту они приобретают для языков аналитического строя, грамматический строй которых кажется обедненным как раз потому, что он широко прибегает к приемам «скрытой грамматики». Рассмотрению данного вопроса посвящена гл. III.

Последняя глава настоящей работы посвящена самым общим категориям грамматики, а именно частям речи и членам предложения. Традиционная грамматика, выделив эти категории, мало занималась выяснением их мыслительных оснований. Между тем, как мы надеемся показать в последней главе, анализ этих категорий имеет принципиальное значение для понимания структуры универсального компонента и природы его составных элементов.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
И ИХ РЕДУКЦИОННЫЙ АНАЛИЗ1. Задачи функционально-семантического
редукционизма

Необходимость грамматических исследований в плане функционально-семантического редукционизма диктуется, как указывалось выше, существованием особых грамматических категорий, составляющих отличительную особенность синтетического строя. К таким категориям относятся падежи, числа, именные классы, глагольные виды и т. д. В языках аналитического строя такие категории развиты в меньшей мере либо вовсе отсутствуют. Категории этого рода принято называть «морфологическими» или «формальными». Правильнее было бы их называть «синтетико-морфологическими», так как они вырастают на базе синтетической (т. е. флективной и агглютинативной) морфологии. Для краткости, однако, мы будем пользоваться укоренившимся термином «морфологические категории», заранее оговорив органическую связь таких категорий с морфологией синтетического типа.

Различие между синтетическими и аналитическими языками не абсолютно. Можно говорить лишь о более или менее последовательном проведении принципа синтетизма или аналитизма в том или ином языке. Аналитические языки, как китайский или английский, не лишены некоторых элементов синтетической морфологии. И, с другой стороны, в синтетических языках встречается немало аналитических форм. Ярким проявлением синтетизма являются морфологические категории, вырастающие на базе синтетической морфологии. Впрочем, не только словоформы, но и служебные слова могут при некоторых условиях выступать как носители морфологической категории. Так, артикль является морфологической категорией независимо от того, выражен ли он аффиксом или служебным словом. Главной приметой синтетического строя является насыщенность его продуктивными морфологическими категориями. Именно они определяют меру синтетичности того или иного языка. Но что же составляет специфику этих катего-

рий и какова их роль в общей грамматической структуре языка?

С внешней стороны морфологические категории выступают в виде серий словоформ, свойственных той или иной части речи. Во многих языках словоформы, складываясь в сложные парадигматические ряды, образуют разветвленную систему склонения и спряжения. Соотношение между морфологической категорией и выражающими ее формами не всегда однозначно. В флективных языках одна словоформа может выражать несколько разнородных категорий. Так, русск. *рука* совмещает в себе категориальные «значения» падежа, числа, грамматического рода и части речи. Экономии выразительных средств такое совмещение не дает, так как оборотной стороной этого способа выражения является усложнение парадигмы склонения. Единая в функциональном отношении парадигма склонения распадается обычно на отдельные типы, отличающиеся друг от друга только набором словоформ. Так, в русском языке парадигма склонения существительных распадается на три типа склонения, условно называемых I, II и III склонением. Ср. еще «сильное», «слабое» и «смешанное» склонение существительных в немецком. В тюркских языках, где категории числа и падежа не совмещены в одной именной форме, различие типов склонения отсутствует.¹ Формальная структура морфологических категорий может, таким образом, принимать более или менее сложный характер. Но формальная структура морфологической категории и степень ее усложненности — не главная особенность морфологических категорий. Гораздо важнее в этом плане их содержательная сторона.

Обращаясь к содержанию морфологических категорий, мы замечаем, что во многих случаях граница между содержанием и формой расплывается и становится зыбкой. Непосредственным содержанием словоформы или ряда словоформ, приравненных друг к другу в функциональном плане, является определенное категориальное «значение», например множественное число. Но что такое «категориальное значение»? Во многих случаях оно служит предпосылкой для согласования, ср. *белые камни*, где множественное число, повторяясь в прилагательном, служит формальным средством выражения синтаксической связи определения с определяемым. Категориальное «значение» превращается здесь в форму, в компонент синтаксической формы. Аналитические языки выражают синтаксические связи этого рода порядком слов. Будучи «содержанием» определенных словоформ, категориальное «значение» деградирует здесь до уровня компонента синтаксической формы.

Согласование — далеко не единственная возможность использования морфологических категорий в формальных целях.

¹ См., например: И. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка М. Л., 1948, стр. 161.

В собственно содержательном плане морфологические категории также выполняют множество функций, которые, однако, не совпадают с тем, что обычно называют категориальным значением формы. Сказать, что форма именительного падежа выражает определенный падеж, а форма множественного числа выражает определенное число, — значит ограничиться поверхностной констатацией принадлежности формы к данной категории. Определение содержания категориальной формы должно уточняться указанием на выполняемую ею конкретную функцию.

Функции морфологических категорий принято называть «значениями». Но это не всегда значения, если под «значениями» понимать отражение реальных внеязыковых данностей. Многие функции обслуживают внутриязыковые процессы порождения речи и если связаны с внеязыковой реальностью, то лишь опосредованно и непрямо. Выявление свойственного данной категории репертуара функций является необходимой предпосылкой редукционного анализа морфологических категорий.

Целью редукционного анализа является типологическая квалификация функционального содержания морфологических категорий. Если в них обнаружатся существенные функции, принципиально невыразимые средствами аналитической морфологии, то придется признать, что аналитические языки уступают синтетическим по своим выразительным потенциям. При этом, конечно, остается еще определить, какими содержательными функциями можно пренебречь и какие из них должны быть признаны релевантными в типологическом отношении.

В настоящее время никто всерьез не принимает романтическую идею об «аморфности» (т. е. полном аграмматизме) языков с слабо развитой синтетической морфологией. Принципиальная равноценность грамматического строя разных языков, какой бы грамматической техникой они ни пользовались, признается теперь едва ли не всеми языковедами. Но релятивистический тезис о своеобразии производимого каждым языком «членения мира», будучи распространен на грамматику, грозит обесценить это признание.

Сформулированное Соссюром понятие значимости (*valeur*) существенно обогатило теорию языка указанием на зависимость содержания слов и языковых форм от их языкового выражения. Распределение понятий и грамматических функций между словами и грамматическими формами во многом зависит от количества языковых единиц, участвующих в таком распределении и противостоящих друг другу в данной функциональной области. Соссюр, однако, допускал преувеличение, утверждая, что понятия и функции создаются противоположением форм и исчезают вместе с ним. Категория вида в славянских языках создается, по Соссюру, противоположением форм совершенного и несовершенного вида, а в языках, где такие формы отсутствуют, отсутствуют и выражаемые такими формами функции. Понятия и грамматические

функции лишаются в таком понимании автономности и рассматриваются как величины, производные от вступающих в оппозицию единиц выражения.

Сторонники «общих значений» руководствуются соссюровским пониманием значимости. Значение морфологических категорий выводится ими из противоположений форм в парадигме. Для каждой формы принимается при этом одно общее значение, а отдельные функции этой формы если и учитываются, то рассматриваются как частные контекстуальные варианты единого значения. Принцип изоморфизма формы и содержания, устанавливаемый таким образом, приводит к отрицанию полисемии (полифункциональности) и синонимии (изофункциональности) языковых форм. Типологических выводов из своих допущений сторонники «общих значений», насколько мне известно, не делают. Но из защищаемых ими положений с необходимостью следует, что в языках, где нет, например, падежей, непременно отсутствуют и «общие значения», обусловленные соотношением падежных форм в парадигме. Получается, что существуют особые типы «значений», возможные только в синтетических языках.

В дальнейшем при разборе некоторых морфологических категорий нам придется иметь дело с вариантами теории «общих значений». Там же будет дан критический анализ методики их выделения. Но, забегаая вперед, мы уже здесь определим наше отношение к проблеме «значимости». Значимость для нас не некая новая содержательная единица, надстраиваемая над реальным содержанием слов и грамматических форм и призванная заменить собой это содержание как якобы «внеязычное». В соссюровской значимости мы видим, скорее, указание на ряд моментов, без которых невозможно достаточно строгое вычленение реального содержания форм языка.

Понятия и содержательные грамматические функции, в силу их прямой или косвенной обусловленности внеязыковой реальностью и в силу многообразия способов их выражения в языке, в известных границах независимы от языка. Поскольку, однако, способ выражения не «нейтрален» по отношению к содержанию, исследование языкового содержания невозможно без учета условий его распределения по формам языка. Отсутствие изоморфизма между планом выражения и планом содержания приводит к тому, что одна единица содержательного плана может оказаться «распределенной» между несколькими единицами плана выражения и, наоборот, несколько единиц содержательного плана могут оказаться сосредоточенными в одной единице плана выражения. Явления многозначности и синонимии языковых форм хорошо известны в языкознании, и мы не видим оснований для отказа от них в пользу идеи «изоморфизма» формы и содержания в языке или их «тождества», «симметрии», «солидарности», «параллелизма» и как бы еще эту идею ни называли.

Учет отношений, складывающихся между формами в парадигматическом ряду, несомненно важен для понимания внутренней организации этого ряда и условий распределения в нем реальных значений и функций. Но парадигматические ряды образуются не просто языковыми формами, а многозначными и синонимическими языковыми формами, и исследование таких форм не исчерпывается определением места каждой из них в парадигматическом ряду. Оно должно быть дополнено картиной сложного взаимодействия и взаимопереплетения омофонических и синонимических форм.

Значимость в таком, несколько уточненном понимании предполагает 1) определение структуры парадигматического ряда и места каждой языковой формы в этом ряду, 2) определение условий совмещения многих значений или функций в данной языковой форме и 3) определение условий размещения одного значения или функции в синонимическом ряду. Сказанное относится, как мне думается, к любым парадигматическим рядам, в том числе и к классическим «парадигмам», образуемым морфологическими категориями. Для типологии языков «значимостный подход», как мы его здесь понимаем, важен тем, что он освобождает исследование от искусственно сконструированных «общих значений» и выдвигает на передний план реальные значения и функции в их сложном и противоречивом распределении по формам.

2. Опыт редуccionного анализа морфологических категорий

Типологическому сопоставлению грамматического строя разноструктурных языков должен предшествовать анализ морфологических категорий с целью выявления гетерогенных функций, совмещенных в каждой из них. Конечной целью типологического анализа является определение роли разнотипных грамматических функций в общем механизме языка и отделение универсальных функций, обязательных для всякого языка (данного уровня развития), от идиоэтнических функций, обусловленных специфической морфологией отдельных языков. Для достижения этой цели необходимо подвергнуть подробному редуccionному анализу все морфологические категории, зарегистрированные описательной грамматикой в разных языках. С такой задачей может справиться лишь большой коллектив специалистов по разным языкам.

В настоящем разделе мы ставим перед собой весьма ограниченную задачу. На примере нескольких морфологических категорий нам хотелось бы раскрыть сложный и противоречивый характер грамматических образований данного типа и выявить основные направления редуccionного анализа.

а) Категория грамматического рода или класса

Морфологическая категория рода или класса ближайшим образом выступает как классификация существительных по разрядам, число и номенклатура которых сильно колеблются по языкам. Семантические основания этой классификации не всегда ясны. В одних языках в основе этой категории прощупываются различия пола, в других к ним присоединяются различия «одушевленности» и «неодушевленности», «разумности» и «неразумности». В третьих, наконец, имена классифицируются по признакам формы, величины, строения предметов и т. д. Но каковы бы ни были основания такой классификации, повсюду она проводится непоследовательно и сбивчиво. Отнесение существительных к тому или иному роду или классу остается сплошь и рядом немотивированным.

Термины «род» и «класс» четко не дифференцированы и зачастую употребляются как синонимы. О категории рода чаще всего говорят применительно к индоевропейским и семитическим языкам, в именных классификациях которых отражаются половые различия. В числе немногих именных классов этих языков различают «мужской» и «женский» род, иногда также «средний». Применительно к другим языкам, в именных классификациях которых прослеживаются дополнительные либо вовсе другие основания, предпочитают говорить о классах. Так как принципиальной разницы между родом и классом не существует, то в дальнейшем мы будем пользоваться термином «класс» как общим для именных классификаций разных типов.

Каковы бы ни были основания именной классификации в том или ином языке, повсюду она выполняет формальные функции, которые и являются «смыслом ее существования» во многих языках. Конечно, различия лиц и не-лиц или живых существ и вещей имеют под собой реальные основания, и их семантико-грамматическая значимость бесспорна. Но в именной классификации они отступают на задний план, превращаясь в признаки классной принадлежности существительных. Процессы затемнения классов и их немотивированность во многих языках красноречиво свидетельствуют об этом. Главное в именной классификации — это принадлежность каждого существительного к определенному классу, а сколько в языке таких классов и как они мотивированы, не столь важно.

Формальный характер интересующей нас категории обусловлен не только ее немотивированностью, но также (и даже главным образом) тем, что в сферу ее употребления кроме существительных входят и другие части речи (прилагательные, глаголы, числительные, местоимения). По меньшей мере одна из частей речи, выражающих признаки предметов, должна еще иметь классные характеристики. Это необходимо вытекает из грамматической

особенности классов как средства согласования. Морфологическая категория класса является необходимой предпосылкой для образования форм синтаксической связи, известной под названием «согласования в роде или классе».

Роль частей речи в процессе согласования неодинакова. Существительные играют в нем активную, «согласующую» роль, а остальные части речи — роль пассивную, «согласуемую». Различие согласующих и согласуемых слов сказывается на распределении классов, которое в существительных осуществляется по иному принципу, чем в других частях речи.

В существительных оно проявляется в виде классификации слов, каждое из которых, как правило, входит лишь в один из классификационных разрядов. Классная принадлежность существительного выступает поэтому как его лексическая примета. Если иногда на базе категории рода возникают пары форм типа русск. *работник*—*работница*, *студент*—*студентка* либо *медведь*—*медведица*, ср. также нем. *Freund*—*Freundin* ‘друг—подруга’, *Löwe*—*Löwin* ‘лев—львица’, лат. *dominus*—*domina* ‘господин—госпожа’, *lupus*—*lupa* ‘волк—волчица’, то их следует рассматривать не как словоизменительные формы, а как примеры словообразования. Каждый из членов такой пары — самостоятельная лексема. Об этом свидетельствует нерегулярность таких форм, образуемых далеко не от всех названий лиц и животных, но и, что гораздо важнее, их независимость от синтаксических условий.

В согласуемых частях речи распределение слов по классам отсутствует. Чтобы обладать способностью согласования с существительным любого класса, согласуемое слово должно иметь формы всех классов. Это значит, во-первых, что в согласуемых словах классы превращаются в словоизменительную категорию. Каждое слово должно теперь «изменяться» (т. е. склоняться или спрягаться) по классам. Это значит, во-вторых, что форма класса должна в них выражаться эксплицитно. Если в существительных классная примета может лишь предполагаться, то в согласуемых частях речи она обязательно получает звуковое выявление, ср. русск. *черный кофе*, *похоронное бюро* и т. д., где примета класса дана лишь в согласуемом прилагательном.

Согласование в классе выражает синтаксическую связь согласующего слова с согласуемым, характер которой зависит от грамматической природы согласуемых слов. Согласование прилагательного и причастия с существительным выражает атрибутивные отношения. Согласование числительного с существительным в классе выражает атрибутивные отношения особого рода, именно счетные. Согласование глагола с существительным выражает различные типы отношений между предикатом и его субъектно-объектными «дополнителями». И, наконец, согласование анафорического местоимения с ранее упоминавшимся в тексте существительным служит средством сплочения текста и со-

хранения достигнутой в речи степени актуализации существительного.

Типы согласования в классе и масштабы их использования варьируют от языка к языку. Так, согласование числительного с существительным представлено в русском языке крайне скупо, ср. *два стола, две книги*. Существуют языки, развившие этот тип согласования в сложную систему. В корейском, например, каждое предметное числительное получает суффикс того класса, к которому принадлежит имя исчисляемого предмета.² В языках с развитой падежной системой согласование глагола с существительным обычно ограничивается сферой взаимоотношений предиката с субъектом либо еще, как в аварском, предиката с прямым объектом. В языке, не имеющем падежей, как абхазский, согласование выражает отношения между предикатом и всеми его субъектно-объектными «дополнителями». Так, в предложении *Ан л-саби ача и-и-л-т'ойт* 'мать своему ребенку хлеб дает' глагольная форма *и-и-л-т'ойт* содержит ряд префиксов, из которых первый (*и-*) указывает на прямой объект из класса вещей (существительное *ача* 'хлеб'), второй префикс (*-и-*) указывает на косвенный объект из класса лиц мужского пола (*л-саби* 'ее мальчик'), а третий префикс (*-л-*) указывает на субъект из класса лиц женского пола (*ан* 'мать').

Формальный характер функции согласования подчеркивается тем немаловажным обстоятельством, что согласование в роде или классе редко протекает в чистом виде. Часто оно сопровождается согласованием в числе, лице или падеже. Объединение столь разнородных в семантическом плане категорий ясно показывает, что связывающая их воедино функция несемантична.

Анализ категории класса выдвигает перед теорией языка ряд вопросов, от правильного ответа на которые во многом зависит эффективность типологических исследований.

Одним из них является вопрос о значениях форм класса и роли этих значений в системе языка. В ряде случаев грамматические классы — это подпустые или вовсе лишенные семантического содержания именные разряды. Но нередко они обнаруживают отчетливые семантические различия, как противоположность лиц и не-лиц, различия формы предметов и т. п. Какова же природа этих значений? И можно ли считать все такие значения в равной мере грамматическими?

Конечно, поскольку классы — морфологическая категория, обнаруживающаяся в виде серии словоформ, постольку выявляемые ими значения должны определяться как грамматические. Но вопрос о грамматичности классовых значений имеет и другую сторону. В некоторых именных классификациях отражаются, как

² Л. Л. Холодович. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954, §§ 15, 25.

упоминалось выше, различия плоских и неплоских, продолговатых и непродолговатых, овальных и неовальных предметов. Являются ли подобные различия грамматическими по своему значению? Относятся ли они, как значения, к области грамматической семантики или же присутствие их в грамматике вызвано причинами иного, не семантико-грамматического свойства? Для типологии языков это далеко не праздный вопрос. Ни определение универсального компонента языковой структуры, ни объективная оценка степени развития языков невозможны без его решения.

Существует ли различие между грамматикой и лексикой в семантическом плане? Многие лингвисты принципиально отвергают такую постановку вопроса. Во всех кардинальных вопросах языковой структуры следует, по их мнению, исходить не из значения, а из формы. В применении к нашему вопросу это значит, что грамматическими следует признать только значения, выраженные грамматической формой. Но средством выражения грамматической формы может быть и служебное слово. Как же отличить служебное слово от знаменательного? Так как служебные слова внешне ничем не отличаются от знаменательных, то ссылка на них снова возвращает нас к чисто семантической постановке вопроса. Чтобы вырваться из порочного круга, пришлось бы ограничиться рассмотрением собственно синтетических форм. Значение, выраженное в каком-либо языке синтетической формой, должно быть, с такой точки зрения, зарегистрировано как грамматическое, а лексические соответствия таких форм в других языках должны быть признаны служебными словами. Но такое решение, очевидно, возвращает нас к стародавним и давно осужденным представлениям о флексии как самому совершенному и адекватному средству выражения грамматических значений.

К чему все это может привести, легко убедиться на примере категории класса. Так как речь идет о синтетико-морфологической категории, то, исходя из приведенных соображений, представленные в ней значения придется признать грамматическими. Вряд ли, однако, кто-либо станет всерьез утверждать, что различие плоских и неплоских предметов грамматично по существу представленных в нем отношений и что слова, как *плоский* и *неплоский*, следует на этом основании считать служебными.

Вне соотношения формы и содержания, звука и значения язык, конечно, невыносим. Недооценивать роль формы в языке было бы поэтому опасно, как, впрочем, и недооценивать содержание форм языка. Но отношения между звуком и значением в языке не изоморфны, они сложны и противоречивы, вследствие чего и форма, и значение приобретают относительную автономность. Анализ языковых форм может поэтому производиться в двух направлениях, от звука к значениям и от значения к выражающим его формам. Эта истина давно известна в грамматике,

хотя строгая методика такого анализа, который мы называем редуционным, еще не разработана в деталях.

В дальнейшем нам еще представится возможность вернуться к проблеме грамматических значений. Но уже здесь заметим, что не всякое значение, выраженное синтетической формой, может быть по праву отнесено к числу грамматических. Биологические различия пола, выраженные формами грамматического рода, едва ли являются более грамматическими, чем, скажем, возрастные различия и т. п. Различия пола проникли, по-видимому, в именную классификацию в результате позднейшей «рационализации», частичного переосмысления более древнего деления предметов на активные и пассивные. Различия формы, размера и строения предметов, проявляющиеся в счетных классах, коренятся, по всей вероятности, в прагматических предпосылках счета, техника которого во многом зависит от строения предметов счета: плоские предметы могут при подсчете складываться один на другой, связанные в вязанки предметы могут подсчитываться целыми вязанками и т. д. Редуционный анализ должен поэтому внимательно отслаивать собственно грамматические функции формы от приходящих моментов.

И еще один вопрос всплывает при рассмотрении категории класса. Именным классам свойственна, как мы видели, формальная функция согласования. Но что такое формальная функция и как она соотносится с содержанием грамматической формы? Согласно распространенному взгляду, слово и грамматическая форма — это двуплановые единицы, различающие план выражения и план содержания, из которых второй отождествляется в значительной мере со значением. Но функция грамматической формы не всегда семантически значима, она может носить и формальный характер. Уже здесь мы сталкиваемся с проявлениями диалектики в языке, поскольку обнаруживается, что формальным в определенном смысле может быть и содержание звуковой формы. Что выражает форма мужского рода в русском слове *дом*? В сущности, не более чем некую формальную примету, пустую в семантическом плане и в силу этого «иррациональную» или «мнимую», но необходимо несущую в себе внутреннюю потенцию согласования. На парадигматическом уровне отдельных слов и словоформ категория рода или класса выступает лишь как потенциальная предпосылка согласования, подобно тому как номер телефона является предпосылкой телефонного разговора. Реализация этой потенции имеет место в речи, где согласующее и согласуемое слова соединяются в форму синтаксической связи, которая выражает определенные синтаксические отношения. Взаимоотношения формы и содержания в процессах согласования раскрываются, таким образом, как многоплановые и многоуровневые. То, что на одном уровне выступает как содержание, то на другом, более высоком уровне проявляется как форма нового содержания. Относительность по-

нятий грамматической формы и грамматического содержания сказывается в том, что формальным в языке может быть не только звуковое выражение, но и его содержание. Редукционный анализ призван выявить эту сложную игру противоречивых моментов, которую укоренившееся представление о двуплановости языковых единиц оставляет нераскрытой.

б) Категория числа

В формальном плане категория числа представляет собой ряды словоформ существительных и некоторых других частей речи с общей для всех этих рядов категориальной функцией числа. Парадигма числа насчитывает несколько подкатегорий (или, точнее, элементов парадигмы), количество которых не совпадает по языкам. Многие языки различают лишь формы единственного и множественного числа. Другие добавляют к ним еще промежуточные подкатегории двойственного (парного), тройственного, иногда также паукального числа. Морфологические категории обычно определяются в зависимости от формы и значения; утверждают, например, что формы числа выражают «значение» числа. Но определять морфологические категории в непосредственной зависимости от значений неправильно не только для таких категорий, как род или класс, являющихся в содержательном отношении «пустыми» или «полупустыми», но и для такой категории, как число, несущей на себе ряд содержательных функций. Дело в том, что даже в содержательном плане формы числа далеко не всегда выражают «значение» числа. Так, например, в русском *песок* и *пески* различаются формами единственного и множественного числа. Но в содержательном плане они различаются не «значениями» единичности и множественности, будто бы сопутствующими всегда этим формам в именах существительных, а своими лексическими значениями, которые хотя и связаны между собой синхронно-деривационными отношениями, но все же не могут рассматриваться как словоизменительные варианты одной лексемы. Слово *песок*, если отвлечься от возможности его употребления в качестве неполного варианта двучлена *сахарный песок*, означает: масса сыпучих крупинок минерала, чаще всего кварца, а слово *пески* означает: пространства, изобилующие песком.

Мы предпочитаем определять морфологическую категорию как ряды словоформ, объединенных категориальной функцией. Основной функцией, объединяющей все без исключения формы числа, является функция согласования в числе. Подобно грамматическому роду или классу категория числа также используется в целях согласования. Функция согласования независима от содержательных функций числа. Для ее реализации необходимо, чтобы формы числа имелись не только у существительных, но также у согласуемых с ними других частей речи. Для целей согласо-

ния неважно даже, имеет ли данное существительное соотносительную форму числа. Русские слова *тепло, борьба, родня, мрак, старье* не имеют соотносительных форм множественного числа, а слова *клещи, сани, бега, опилки, роды, пересуды* — соотносительных форм единственного числа. Но для согласования это не помеха, так как оно покоится не на различии чисел как таковых, а на категориальном соответствии определенных форм в согласующих и согласуемых словах.

Содержательные функции числа касаются лишь существительных и к согласуемым с ними призначным словам прямого отношения не имеют. Основой содержательной функции является функция квантитативной актуализации. Именно эта функция, связанная с количественными различиями предметов, дала название данной категории. Но, будучи важнейшей в содержательном плане, функция актуализации все же не является категориальной функцией, охватывающей все формы числа. Она свойственна только существительным, да и то не всем. Семантическим полем этой функции являются только нарицательные имена, допускающие возможность счета (считаемые или исчисляемые имена). Собственные имена в актуализации вообще не нуждаются, не считающиеся имена, если и допускают ее, то на других основаниях.

Считающиеся имена обозначают предметы, образующие счетное множество. Необходимой предпосылкой считаемости является прерывистость предметного класса, его расчлененность или потенциальная членимость на отдельные элементы. Но одной расчлененности, или, что то же, дискретности, недостаточно для образования счетного множества. Нужно еще, чтобы дискретные элементы, или единицы счета, были качественно однородны либо приравнены друг к другу в каком-либо отношении. Только отвечающие этим требованиям предметы могут быть в принципе сосчитаны.

Грамматический процесс актуализации (или делимитации) имен имеет целью ограничение выражаемого именем виртуального понятия с помощью грамматических средств. Объем (экстенционал) выражаемого нарицательным именем понятия неопределенен. Вне речи нарицательное имя обозначает совокупность предметов, удовлетворяющих условию именованности, т. е. обладающих минимумом признаков, подразумеваемых значением данного имени. При появлении в речи такое значение нуждается в ограничении, и выражаемые категорией числа различия единичности и множественности (либо еще двойственности, тройственности или паукальности) содействуют выполнению этой задачи. Наряду с формами числа в функции квантитативной актуализации используются и слова-кванторы типа *один, несколько, некоторые, многие, каждый, все* и т. п. Противоположения форм единственного и множественного числа типа *стол—стола, яблоко—яблоки, друг—друзья* служат, таким образом, целям первичной квантитативной ак-

туализации понятия при использовании его в речевой коммуникации.

Общих семантических предпосылок квантитативной актуализации при помощи форм числа недостаточно, однако, для того, чтобы каждое считаемое имя могло быть актуализировано подобным образом. Для этого необходимы еще условия внутриязыкового порядка. Необходимо, чтобы данное нарицательное имя было способно в данном языке принимать соотносительные формы числа. Многие считаемые имена не обладают, однако, данной формальной особенностью. В языках, обладающих морфологической категорией числа, встречаются слова со «связанной» формой числа, т. е. такой, рядом с которой невозможна другая, соотносительная форма числа. Сюда относятся, например, *pluralia tantum*, т. е. существительные с лексикализованной формой множественного числа. Многие из таких существительных считаемы, например *ножницы*, *брюки*, *часы*, *сутки* и т. п. При них соответственно возможны количественные определения, ср. *две пары ножниц* и т. д. Но форм числа такие слова не принимают в силу особенностей их словообразовательной структуры.

Несоотносительные формы множественного числа, которыми обладают *pluralia tantum*, являются, в сущности, опустошенными формами. Старое грамматическое содержание, хотя и ощущается в них, в целом уже стерлось и актуальной роли не играет. Мы можем догадываться, что *ножницы* свое нынешнее название получили по двум ножевым полоскам, из которых они состоят. Но слова *ножница* нет в современном литературном языке и несоотносительная форма множественного числа *ножницы* в содержательном плане никакой нагрузки не несет. В словах, как *брюки* или *сутки*, семантико-грамматический признак множественности, можно сказать, полностью стерт.

Несчитаемые имена соотносительных форм числа либо вовсе не имеют, либо если имеют, то используют их не в целях квантитативной актуализации.

К несчитаемым обычно относятся вещественные имена и многие абстрактные слова.

Что касается вещественных имен, то они ведут себя в этом отношении по-разному. Все они непосредственно не принимают форм квантитативной актуализации, но выражаемые ими понятия могут быть актуализованы окольным путем. Вещественные имена распадаются при этом на две группы. Одни из них обозначают предметы, лишенные признака дискретности и как таковые не поддающиеся счислению и квантитативной актуализации. Другие же обозначают предметы, которые хотя и дискретны, но представляют ряд практических неудобств для счета ввиду неравновеликости их дискретных элементов, мизерности и т. д. Вещественные имена первого рода можно называть недискретными, вещественные слова второго рода — условно недискретными. К пер-

вым относятся *молоко, деготь, полотно, гипс, цемент*; ко вторым — *картофель, рыба, виноград, зерно* и т. п.

Все вещественные понятия могут быть актуализованы при условии искусственной квантификации отображаемых ими предметов (путем связывания этих предметов в вязанки, перемещения в сосуды, раскладки в кучи и т. д., а также путем их взвешивания и измерения). Формами числа выделяются в этих случаях обозначения сосудов, вязанок, пачек и т. д. либо мер, ср. *бутылка — бутылки* (молока), *тонна — тонны* (железа) и т. п. Но иногда и сами вещественные имена получают формы числа, при условии, конечно, что условия квантификации заранее известны и подразумеваются говорящими. Ср. ресторанное *два пива* (в смысле 'две кружки пива') и т. п. Условно-недискретные имена часто имеют рядом с собой специальные формы, допускающие счет и квантитативную актуализацию. Ср. *картофель* и *картофелина*, *виноград* и *виноградинка*, *зерно* и *зернышко*, *рыба* (в вещественном значении продукта питания) и *рыбина*.

Так как вещественные слова допускают лишь косвенное счисление, то формы множественного числа в них могут быть использованы для других целей. Во многих языках они используются для обозначения разновидностей, сортов, марок вещества, ср. русск. *сталь — стали*, *масло — масла*, *соль — соли*, *вино — вина* и т. д. В ряде случаев они используются для выражения обилия вещества, больших его масс, как в русск. *снега* или *тела*. Ср. также тур. *kan* 'кровь' — *kanlar*, мн. ч. 'обилие крови'.³ Встречаются случаи использования формы множественного числа от вещественных слов для обозначения дискретных единиц вещества, ср. русск. *сыры* в смысле 'головки сыра' или нанайск. *дюкэ* 'лед', но в форме множественного числа — 'куски льда, льдины'.⁴

К несчисляемым словам относятся и абстрактные слова, как *тепло, длина, борьба, краснота* и т. п. Некоторые из них образуют формы множественного числа, но при этом слово заметно видоизменяет свое лексическое значение. Ср. *холода, морозы* с дополнительным оттенком интенсивности, *боли* с оттенком продолжительности, *времена* 'период времени, эпоха', *пространства* 'различные типы или структуры пространства' и т. п.

Собственные имена, в силу определенности своего значения не нуждающиеся в квантитативной актуализации, иногда все же склоняются по числам и в этих случаях также обнаруживают смещение лексического значения, ср. *Ломоносовы* 'гении, подобные Ломоносову', *Турбины* 'члены семьи Турбиных'.

Функции категории числа окажутся еще более многочисленными, если учесть сочетаемость словоформ числа с числительными

³ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, стр. 42.

⁴ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959, стр. 138.

и другими количественными словами. Так, в русском, например, в сочетании с числительными *два, три, четыре* употребляется форма единственного числа (ср. *два стола, но пять столов*), которая приобретает при этом оттенок паукальности, незначительного множества ('несколько'). В эскимосском языке формы единственного числа в сочетании с кванторами типа *тамах'ан* 'весь, каждый' *алъях'инак* 'разный, всякий' *камахлъюку* 'весь, все' и т. д. получают собирательно-вещественное значение; ср. *Амам тук'ук'-усимакан'а к'амах'лъюку к'уйн'ик* 'Волк задавил всех оленей' (букв. 'всего оленя').⁵

Из других функций, которые могут получить формы числа, отметим еще выделение родовых понятий. В этой функции могут выступать формы как единственного, так и множественного числа, различие между которыми в таком употреблении нейтрализуется. Ср. русск. *Собака лучший друг человека* и *Собаки лучшие друзья людей*. Аналогично и в других языках, ор. эскимосск. *Айвык'киях'так'ук' мыг'ми* 'Морж (всякий) живет в море' и *Айвыг'ыт киях'так'ут мыг'ми* 'Моржи живут в море'.⁶ Обобщенное значение имени опирается на общий контекст предложений, выражающих суждение всеобщности. «Вневременное» употребление глагольной формы, указывающее на постоянство предикативного признака, подчеркивает всеобщность.

Функция выделения родовых понятий противоречит основной функции форм числа. Если основным назначением форм числа является квантитативная актуализация виртуальных понятий, придание им индивидуального значения, то при выделении родовых понятий формы числа теряют свое актуализирующее свойство и становятся средством выделения понятия как такового. Формы числа отображают в этом случае не единичный элемент множества и не актуальное множество элементов класса, а данный класс предметов в совокупности его элементов.

Объединение двух противоречивых функций в одной категории является ярким проявлением полифункциональности категории числа.

В нашем беглом обзоре мы не стремимся дать исчерпывающий перечень всех функций, обнаруживаемых данной категорией в разных языках. Мы хотели лишь показать, что морфологическая категория числа является конгломератом гетерогенных функций, молекулярным соединением атомарных функций, относящихся к различным областям языкового строя.

Совместимость разнородных функций в данной категории обусловлена прежде всего разрывом между категориальной функцией форм числа, в роли которой выступает функция согласо-

⁵ Г. А. Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов, I. М.—Л., 1962, стр. 122.

⁶ Там же, стр. 120.

ния, охватывающая едва ли не все существительные вместе с согласуемыми с ними словами, и основной содержательной функцией, охватывающей только считаемые имена (да и то не все, поскольку многие считаемые имена не имеют соотносительных форм числа). Дистрибутивное различие ведущих функций создает предпосылку для функционального заполнения неиспользованного промежутка между ними. В результате многих процессов (воздействия кванторов на сочетающиеся с ними словоформы числа, эллиптических образований, функциональной деривации и т. п.) формы числа получают ряд дополнительных функций в незаполненном пространстве несчитаемых имен: выражения обилия массы вещества (*снега*), множества разновидностей вещества (*масла, вина*), интенсивности процесса или состояния и его продолжительности (*боли, морозы*), обозначения дискретных элементов, выделившихся из массы недискретного вещества, и т. д.

Использование формы двойственного или множественного числа в целях словообразования приводит к образованию форм типа *pluralia tantum*, в которых форма числа лексикализована и несет формальную функцию непродуктивной словообразовательной формы. Лексикализация форм числа еще больше усложняет функциональную структуру данной категории, так как в считаемых именах образуется пласт слов, вырванных из сферы действия главенствующей и наиболее продуктивной содержательной функции.

Совместимость функций, выражаемых морфологической категорией числа, обусловлена, таким образом, не внутренним их единством, а особыми условиями, возникающими вследствие использования данной категории в целях согласования. Если бы не согласование, то категория числа в функции квантитативной актуализации была бы ограничена лишь считаемыми именами и не могла бы служить признаком существительных, как части речи, не говоря уже о согласуемых с ними классах слов. Что же касается других функций, совмещенных с функцией квантитативной актуализации, то они прямого отношения к ней не имеют и либо затрагивают несчитаемые имена, либо же, как в случае лексикализации, носят формальный характер смыслоразличительного средства и вступают в явное противоречие с функцией квантитативной актуализации, препятствуя использованию форм числа в их основной функции.

Гетерогенность функций морфологической категории числа придаст их объединению в одной категории идиоэтнический характер. В типологическом плане универсальны лишь содержательные функции данной категории. Но и они, будучи разнородными по своей сущности и относясь к различным сферам лексической дистрибуции, не требуют обязательного совмещения в одной форме. Категория квантитативной актуализации принадлежит к грамматическим средствам индивидуальной актуализации нарицательных имен и в этом отношении родственна словам-кванторам

типа *один, несколько, многие, все* и т. п. и указательным местоимениям. Другие же содержательные функции морфологической категории числа к средствам индивидуальной актуализации не относятся. В языках, лишенных морфологической категории числа, они могут выражаться специализированными строевыми словами, не связанными со средствами индивидуальной актуализации и не составляющими единого ряда сами по себе. Такие строевые слова существуют и в языках с морфологической категорией числа. Так, в русском для выделения разновидностей вещества используется не только форма множественного числа, как в *стали, нефти, масла, вина* и т. д., но и строевые слова типа *разновидность, вид, сорт, марка* и т. д. Строевые слова используются в русском и для выделения индивидуальных элементов, когда язык не дает готовых обозначений для этой цели. Так, русск. *гнус* или *мошкара* собирательно обозначает летающих кровососущих насекомых. Для выделения индивидуальных элементов этого множества можно употребить такие слова, как *мошка, комар* и т. д., но также строевые слова, как *особь, экземпляр, штука* и т. п.

Особый синтетико-морфологический характер категории числа подчеркивается не только ее полифункциональностью и распространением за пределы дистрибутивной сферы считаемых слов, являющихся естественной областью основной функции данной категории, но и обязательным появлением форм числа в каждом случае употребления существительного.

Акт количественной актуализации виртуального понятия обязателен только при первом упоминании имени в речевом сообщении. При дальнейших упоминаниях он по сути дела больше не нужен, если, конечно, имевшая место актуализация остается в силе и контекст не заставляет сомневаться в этом. В языках с морфологической категорией числа употребление форм числа обязательно даже в случаях, когда контекст делает актуализацию излишней. Более того, формы числа употребляются и тогда, когда речь идет об общем родовом понятии, которое по своей природе виртуально и в количественной актуализации не нуждается. Назойливое повторение форм числа при каждом употреблении существительного и возможность их появления в случаях, исключающих необходимость такой формы,— еще одна характерная особенность категории числа как морфологической категории.

В языках с аналитической категорией числа употребление форм числа регламентировано другими правилами. Слово само по себе в таком языке не выражает ни единичности, ни множественности; оно выступает в качестве носителя виртуального понятия. Так, в корейском слово *мал* само по себе значит 'лошадь' и 'лошади', *чип* само по себе значит 'дом' и 'дома'. В речи при упоминании определенных предметов грамматическое число может быть выражено, но выражается далеко не всегда, а лишь в меру необходимости. Множественность выражается здесь с помощью показателя

-тыл, а отсутствие показателя в актуализированном имени указывает на единичность.⁷

Японское имя вне речи также не выражает противоположения единичности и множественности. Обозначая виртуальное понятие, оно не имеет примет грамматического числа. Грамматическое число появляется в контексте, когда возникает потребность в количественной актуализации. Но в этом случае назойливое повторение формы числа не требуется. Если контекст исключает двусмысленность, форма числа может опускаться.⁸

Типологически сходные отношения наблюдаются и в китайском языке. Взятое само по себе китайское существительное также нейтрально в отношении категории единичности / множественности. Лишь в контексте оно уточняется при помощи различных лексических и грамматических средств. Значительную роль играют также общие контекстуальные и ситуативные условия речи. В числе грамматических средств выражения множественности имеется, например, суффикс *-мэнь*. Этот относительно часто употребляемый суффикс ограничен в своем употреблении сферой антропонимов. К тому же он обозначает не множество вообще, не множество рассеянных в разных местах или существовавших в разное время лиц, а конкретную группу лиц, данную в одном месте одновременно.⁹

В русском языке некоторую аналогию к приведенным фактам составляют несклоняемые слова вроде *гну, колибри, колье*, вне контекста обозначающие неактуализованное понятие о предмете. В контексте, однако, несклоняемые слова получают числовую характеристику в согласуемых с ними словах, и сходство с аналитической категорией числа прекращается. Считаемые *pluralia tantum* представляют в этом отношении больше аналогии, так как форма числа в них множественности не выражает. В предложении *проехали сани* количество саней не указано. Количественная актуализация таких слов, как *сани*, производится с помощью кванторов (*пара саней, несколько, много*). По актуализации употребление кванторов в той же ситуации или контексте больше не требуется. Но то, что в русском языке выступает как небольшой островок изолированных форм, своеобразие которого тонет в массе регулярных форм числа, то в языках с аналитической категорией числа — всеобщая норма. Главное отличие аналитической категории числа от синтетико-морфологической заключается, таким образом, в том, что первая реализуется с помощью

⁷ А. А. Холодович. Очерк грамматики корейского языка, стр. 51.

⁸ А. А. Холодович. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке. — Уч. зап. ЛГУ, Сер. филол. наук, вып. 10, 1946, стр. 27.

⁹ С. Х. Иоффе. Определенность и число существительного в китайском языке. — Уч. зап. ЛГУ, Сер. восток. наук, вып. 12, 1961, стр. 71; см. также: К. Каден. Der Ausdruck von Mehrzahlverhältnissen in der modernen chinesischen Sprache. Berlin, 1964.

однозначных форм, используемых лишь там, где этого необходимо требуют ситуативные и контекстуальные условия, тогда как вторая предполагает множество переплетающихся функций и употребляется автоматически при всяком упоминании имени, безразлично, требует ли этого контекст или нет.

в) Артикль

Морфологическая категория артикля не во всех языках, где она имеется, представлена синтетическими формами. Если в одних артиклевых языках эта категория выражена формами слова (как, например, в скандинавских, некоторых балканских языках и в арабском), то в других она выражена служебными словами. Но для нашего понимания морфологической категории существен не способ выражения как таковой, а соотношение функционального содержания категории с ее внешним выражением.

Пока формы какой-либо категории остаются однозначными и их употребление не выходит за пределы минимальной зоны, где оно строго необходимо по условиям единственной их содержательной функции, они не образуют морфологической категории в том смысле, как мы ее здесь понимаем. Это относится не только к аналитическим, но и к агглютинативным формам. Упомянутые выше суффиксы множественного числа в корейском, японском и китайском являются «аналитическими» в нашем смысле, поскольку они отвечают сформулированным выше условиям (однозначность и минимальная зона употребления). Специфические морфологические категории отличаются от «аналитических» полифункциональностью и обобщенностью своего употребления в пределах той или иной части речи. В числе их функций имеются, как правило, чисто формальные функции, как согласование, и ряд содержательных функций, наслаивающихся на основную и нередко противоречащих ей.

Артикль, даже когда он выражен служебными словами, является типичной морфологической категорией. Как и другие морфологические категории, он полностью охватывает существительные и может рассматриваться как один из показателей данной части речи. В ряде языков он осуществляет формальную функцию выражения синтаксической связи прилагательного с существительным то ли путем их согласования в артикле, то ли при содействии словопорядка. «Морфологический» характер артикля не вызывает, таким образом, сомнений.

Основной содержательной функцией артикля является актуализация нарицательных имен. Эта функция роднит его с морфологической категорией числа, которая также используется для актуализации виртуальных понятий, выражаемых нарицательными именами. Но если категория числа актуализирует их с помощью признаков «единичности/множественности», то артикль использует с той же целью признаки «определенности/неопределенности».

Функция «определенности/неопределенности» не универсальна. Безартиклёвые языки, как русский, свободно обходятся без нее. Это не значит, однако, что функция эта избыточна и балластом обременяет строй языка. Напротив того, в ее содержание входят некоторые моменты, обязательные для любого достаточно развитого языка, безразлично, есть ли в нем артикль или нет. Универсальным минимумом информации, которую несут на себе артикли, являются функции выделения и идентификации. Обе функции связаны с вводом в речевое сообщение «новых», т. е. ранее не упоминавшихся, предметов.

Выделение и идентификация — это своего рода предупредительные сигналы о появлении в поле сообщения предметного понятия, нуждающегося в актуализации. Ставя слушателя в известность об этом, говорящий подготавливает его к восприятию информации об этом предмете, предотвращая преждевременные расспросы. Основные функции артиклей легче понять, если исходить из их употребления в случае первичного упоминания о предмете.

Всякое нарицательное имя, впервые появляясь в данном сообщении, требует актуализации. При рассмотрении морфологической категории числа мы уже сталкивались с количественной актуализацией предметных понятий, выделяющей предметы по присущим им обобщенно-количественным признакам. Такой способ актуализации можно назвать объективным, так как он основан на признаках, не зависящих от субъективных свойств участников речевого акта. Актуализация с помощью артиклей носит субъективный характер, так как она опирается на внешние для предмета субъективные моменты, связанные с ситуацией речи.

При первичном упоминании предмета в сообщении говорящий должен считаться с двумя возможностями: вновь упоминаемый предмет либо уже знаком говорящему, либо ему неизвестен. В первом случае достаточно указать слушателю, что речь пойдет о предмете ему уже известном, что нарицательное имя употребляется в значении, не требующем актуализации в силу прежнего опыта слушателя. Для этой цели используется определенный артикль, выполняющий в данном случае функцию идентификации, отсылая слушателя к знакомому предмету или знакомым индивидуальным предметам. В другом случае слушатель предупреждается о том, что нарицательное имя выделяет один или много предметов из абстрактного множества и что имеется в виду не общее понятие о предмете, а выделенное из него актуальное множество или единичный предмет. Эта функция, которую можно назвать функцией выделения, осуществляется с помощью неопределенного артикля.¹⁰

¹⁰ В. Я. Пропп. Проблема артикля в современном немецком языке. — В сб.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951, стр. 220.

От функции квантитативной актуализации выражаемые артиклями функции идентификации и выделения отличаются, следовательно, тем, что они актуализируют виртуальные понятия о предметах путем указания, пойдет ли речь о предмете, заранее известном слушателю, или о предмете, ему еще неизвестном. Артикли отсылают слушателя к его прежнему опыту и устанавливают различное отношение к последнему в условиях первичной актуализации понятия.

Функция выделения предмета осуществляется в безартиклевых языках различными средствами. Так, в русском языке целям ситуативной актуализации предметного понятия служат прежде всего строевые слова *один, какой-то, некий* (из них *какой-то* и *некий* содержат в себе дополнительное указание, что предмет мало известен самому говорящему). Другим важным средством ввода нового для слушателя предмета является порядок слов: имя такого предмета в функции подлежащего ставится, как правило, после глагольного предиката, а не перед ним, как обычно. Ср. *Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь; Служил на Кавказе офицером один барин; На площади в одном городе лежал огромный камень* и т. п. Функция выделения оттеняется в ряде случаев глаголами существования и появления, ср. *В Индии была одна царевна с золотыми волосами; Жил-был король когла-то; Из-за холма показалась деревушка*.¹¹

Когда речевая ситуация достаточно ясна, то вообще никаких средств выражения данной функции не требуется. Так, например, рассказчик может начать свой сказ, не прибегая к специальным средствам ввода. Ср. *Сын приехал к отцу из города в деревню; Олень спрятался от охотников в виноградник* и т. п. Начало повествования само по себе предполагает появление неизвестных слушателю предметов в речи, и, настраиваясь на особый лад, слушатель воспринимает упоминаемые в начальной фразе предметы как акт первичного знакомства с ними.

Средствами выражения функции идентификации в русском языке являются указательные местоимения *тот, та, то*, а иногда и строевые слова типа *тот самый, упомянутый ранее* и т. д. В этой функции употребляется также союз *и*, ср. *Вот и мостик!* т. е. 'мостик, о котором речь шла ранее'. Формы идентификации призваны ограничить данный предмет от других одноименных с ним предметов. Употребление таких форм становится обязательным только в случаях, когда возникает опасность смешения ранее введенного в речь предмета с другими одноименными предметами.

Основными функциями определенного и неопределенного артикля являются функции идентификации и первичного выделения предмета. Но выражение этих функций артиклями влечет за собой

¹¹ J. Firbas. Non-thematic Subjects in Contemporary English. — *Travaux Linguistiques de Prague*, 2. Prague, 1966, p. 241.

формализацию этих функций, их обязательное употребление при каждом упоминании нарицательного имени. В безартиклевом языке функция выделения осуществляется, как мы видели, разными средствами и, что особенно важно, в самоочевидных речевых ситуациях может не получать внешнего выявления. В языке с артиклями выражение этой функции стандартизовано, и осуществляющий ее неопределенный артикль необходимо появляется всякий раз, независимо от того, строго ли он необходим по ситуативным условиям речи или нет.

Морфологизованный характер артикля особенно резко проявляется в употреблении определенного артикля. Присущая определенному артиклю функция идентификации нужна, как указывалось выше, только тогда, когда возникает опасность смешения предмета, о котором идет речь, с другими одноименными предметами. Если такой опасности нет, то потребности в идентификации предмета, отождествлении его с известным уже слушателю либо ранее названным предметом, не возникает. Между тем употребление определенного артикля не ограничивается данной минимальной зоной. Определенный артикль занимает все дистрибутивное пространство, не занятое неопределенным артиклем. После того как при помощи неопределенного артикля осуществляется первичное знакомство с предметом, всякое дальнейшее упоминание о нем обязательно сопровождается определенным артиклем. При таком механическом повторении функция идентификации отступает на задний план, и артикль становится формальным привеском к актуализированному имени.

Избыточность артикля в плане идентификации компенсируется дополнительными функциями, выражаемыми этой категорией.

Как форма, постоянно сопровождающая имена существительные, артикль легко превращается в формальный показатель принадлежности слова к данной части речи. В ряде языков, как немецкий, артикли выполняют дополнительную функцию уточнения категориальных функций существительных, их грамматического рода, числа, падежа. Во многих языках артикли становятся средством выражения синтаксической связи существительных с прилагательными, участвуя в их согласовании либо обрамляя определительную группу.

В числе дополнительных функций артикля могут быть и существенные содержательные функции. В качестве постоянной приметы существительных артикль легко приобретает функцию субстантивации, превращения слов, относящихся к иным грамматическим классам, в существительные. Ср. нем. *gehen* 'ходить' и *das Gehen* 'хождение, ходьба, походка', *ganz* 'целый' и *das Ganze* 'целое', *hin un her* 'туда и сюда, взад и вперед', *ein Hin und Her* 'постоянное движение', фр. *bleu* 'голубой, синий' и *le bleu* 'голубой, синий цвет, синева', *être* 'быть, существовать, жить' и *l'être* 'существование, бытие'.

Как морфологическая категория числа артикль может получить функцию выражения родовых понятий, отчасти противоречащую функции актуализации виртуальных понятий, свойственной неопределенному артиклю. Ср. нем. *Die Sprache ist ein Mittel des Verkehrs*, где *die Sprache* означает 'язык вообще, все языки и любой из них'. В английском в этой функции могут быть использованы оба артикля с дальнейшей дифференциацией: неопределенный артикль — для обозначения класса предметов в отвлечении от других классов и определенный артикль — для обозначения класса, противопоставленного другому. Ср. *A dog is an animal* 'Собака — животное' и *The dog is stronger than the cat* 'Собаки сильнее кошек'.¹² Проникая в сферу собственных имен, артикль получает дополнительные словообразовательные функции, например обозначения семьи или члена семьи. Ср. фр. *les Paul* 'Поль и его жена', нем. *die Seufert* 'жена Зойферта'.

В целом употребление артикля обнаруживает те же особенности, которые встречались нам раньше при рассмотрении других морфологических категорий. Тотальный охват части речи и совмещение многих гетерогенных (как формальных, так и содержательных) функций — таковы неизменные структурные признаки, повторяющиеся в любой категории этого рода. Все содержательные функции артикля, как ситуативная актуализация предмета, его идентификация, генерализация и субстантивизация, находят выражение и в безартиклевых языках сходного уровня развития. Но морфологизация этих функций и их соединение в формально единую категорию не остается без последствий для функционирования таких форм, которое приобретает во многих случаях формальный характер.

2) Категория падежа

Парадигматические нагромождения и осложнения, вносимые синтетической морфологией в строй языка, особенно наглядно проявляются в морфологической категории падежа.

Ближайшим образом падежи выступают в виде серий словоформ существительных. Формальная структура падежей может принять очень сложные формы в зависимости от количества падежей, их формально-деривационных связей и других причин. Особенно сложна их формальная структура в флективных языках, где одна падежная форма обслуживает несколько падежей и, с другой стороны, какой-либо один падеж выражается различными внешними формами в разных классах существительных. Разграничение падежей совершается в таких языках на основе их коммутационных свойств, т. е. соотнесенности форм в парадигме.

¹² Л. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, § 194.

Количество падежей, образующих парадигму склонения, колеблется в разных языках от двух-трех падежей до нескольких десятков. Особенно велико число падежей в ряде дагестанских языков, где, впрочем, падежные формы трудно отличимы от сочетаний падежных форм с послелогоми.

В лексико-дистрибутивном плане падежи отличаются свойством тотальности. В принципе они образуются от любого имени существительного. В некоторых падежных языках встречаются, однако, существительные, которые либо совершенно не склоняются, как русск. *боа*, *реномэ*, *пари*, либо имеют неполную парадигму склонения, как русск. *мечта*, не имеющее формы родительного падежа множественного числа, или лат. *vis* 'сила', встречающееся в единственном числе только в формах именительного, винительного и аблативного падежей. В редких случаях в системе падежей встречаются промежуточные образования, относительно падежной природы которых возникают сомнения. Так, в русской падежной системе наряду с несомненными падежами встречаются и «падежи», образуемые от ограниченного круга имен. Таковы «падежи» местный и партитивный. Признать их полноценными падежами невозможно, так как они не образуют последовательного ряда форм. Партитивный «падеж» охватывает только вещественные имена, да и то не все. Если в вещественных именах мужского рода, относящихся к I склонению, форма партитивности отличается от родительного падежа (ср. *купить табак* и *запах табака*), то в вещественных словах других типов склонения обе формы совпадают (ср. *купить вина* и *запах вина*, *напиться воды* и *вкус воды*). Даже в рамках вещественных слов, составляющих семантико-грамматическую сферу употребления данной формы, она имеет ограниченное распространение. Сходные черты обнаруживает и форма местного «падежа», отграничить которую от предложного падежа подчас невозможно. Ср. *в лесу*, *на берегу*, *но в доме* (*на дому* уже онаречено и означает то же, что *дома*), *в хлеву* и *в хлеве*, *в цеху* и *в цехе*. Отмеченные особенности употребления локальной и партитивной формы позволяют считать их своеобразными «гипокатегориями», недоразвившимися падежами, включенными в падежную систему на правах разновидностей предложного и родительного падежей.

Во многих языках падежи охватывают все дистрибутивное пространство существительных в двух отношениях: падежи в них не только образуются едва ли не от всякого существительного, но и выполняют все синтаксические функции существительных. Выразительные возможности падежей в любом падежном языке увеличиваются благодаря присоединяющимся к ним предлогам или послелогам. Осложнение падежной системы предложными (или послеложными) формами позволяет с помощью небольшого числа падежей выразить многообразные синтаксические отношения, в которые попадают имена в предложении.

В качестве полифункциональной категории падежи осуществляют как формальные, так и содержательные функции. Из формальных функций упомянем здесь функцию согласования, предполагающую присутствие падежных форм не только в существительных, но также в согласуемых с ними частях речи (в прилагательных, причастиях, местоимениях). О некоторых других формальных функциях падежей будет сказано позже.

Содержательные функции падежей исключительно многообразны. Во всех падежных языках падежи осуществляют субъектно-объектные и обстоятельственные функции. В падежных формах реализуются также функции именного предиката и аппозиции. Во многих падежных языках, не имеющих специальных форм, притяжательных или словосложения, падежи используются также для выражения именного атрибута. Все синтаксические связи имен в предложении могут в принципе передаваться с помощью падежей. Падежи могут также выполнять модально-экспрессивные функции, ср. лат. *Me miserum!* 'О, я несчастный!', где винительный падеж используется в той же функции, что и междометия *o, heu, eheu*, с которыми он обычно при этом сочетается. Особое место среди содержательных функций падежей занимает звательная функция, нередко осуществляемая с помощью специального («звательного») падежа. В последнем случае речь идет о функции особого типа из числа так называемых прагматических или, в терминологии К. Бюлера, аппелятивных функций, вытекающих из потребностей речевой ситуации.

Многочисленные функции, своеобразно перекрещиваясь в системе падежей, откладываются в каждом отдельном падеже в виде набора разнородных функций. Каждый падеж, как правило, многофункционален. Руководствуясь постулатом об изоморфизме формы и ее содержания, сторонники «общих значений» либо прямо отрицают разнородность функций отдельных падежей, либо стремятся свести многочисленные функции одного падежа к единому инвариантному значению. Исследования, проведенные в этом направлении, помогли выявить ряд специфических особенностей падежной системы и были весьма полезны в этом отношении. Но основного тезиса данного направления подтвердить не смогли.

В современном языкознании наиболее резко идею «общих падежных значений» сформулировал Л. Ельмслев. «Подобно всякой языковой форме,— писал он,— падеж не обозначает несколько разных вещей; он обозначает единую вещь, будучи носителем единого понятия, из которого можно вывести все конкретные его применения».¹³ Но действенного метода «дедукции» конкретных «употреблений» падежа из предполагаемого «единого понятия» Ельмслев не предложил. Применительно к русским падежам

¹³ L. Hjelmslev. La catégorie du cas. Étude de grammaire générale, I. Aarhus, 1935, p. 85.

ту же идею развивал Р. Якобсон. Различая «общее значение» (*Gesamtbedeutung*) и «частные значения» (*spezifische Bedeutungen*) падежа, Р. Якобсон рассматривал последние как позиционные варианты «общего значения». Попадая в речевой поток, «общее значение» подвергается, согласно такой интерпретации, воздействию контекста и претерпевает различные модификации.¹⁴ Надо, однако, заметить, что лежащая в основе всей этой концепции мысль о контекстуальной обусловленности «частных значений» остается в дальнейшем неразвернутой. Чтобы обосновать ее, следовало бы подвергнуть анализу все «частные значения» каждого падежа и сопоставить их с его «общим значением», показать, что они на самом деле соотносятся между собой как общее значение и его частные разновидности. Кроме того, следовало бы объяснить, почему сходные контексты в разных языках не приводят к образованию одинаковых «частных значений», почему, например, дательный целого в немецком возможен (ср. *mir schmerzt der Kopf*), тогда как в русском вместо дательного падежа мы в этом случае находим сочетание родительного с предлогом (*у меня болит голова*). Сопоставление падежей разных языков показывает, что их значения не всегда совпадают. Можно поэтому думать, что «частные» значения падежей не возникают окказионально в речи под воздействием контекста, а являются фактом «языка», его внутренней структуры. Контекст в таких случаях — не генератор значений, а их внешний «проявитель», позволяющий отличить одну функцию падежа от других.

В дальнейшем, впрочем, Р. Якобсон не занимается конструированием «общих значений», а предлагает комбинированную характеристику падежей по трем признакам: направленности, периферийности и объемности. Признаки эти неоднородны. Первые два из них имеют, как будет показано дальше, лишь косвенное отношение к грамматической семантике, если под грамматической семантикой понимать отражение объективных внеязыковых связей и отношений. Третий же («объемность») лежит в семантической сфере. Он служит целям актуализации предметного понятия с помощью категорий целого и части и, как справедливо заметил Е. Курилович, некоторыми своими гранями соприкасается с функциональным содержанием артикля.¹⁵ Выделенные Р. Якобсоном признаки несомненно существенны в плане характеристики паде-

¹⁴ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. — *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 6. Prague, 1936, p. 240 et sqq.; Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. — *American Contributions to the IV International Congress of Slavistics*, 's Gravenhague, 1958; см. также: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Проблемы славянского языкознания. М., 1962, стр. 39—48.

¹⁵ Ср.: J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas. — *Esquisses linguistiques*. Wrocław-Kraków, 1960, p. 142.

жей, но их слишком мало для того, чтобы охватить систему падежей во всей ее сложности и своеобразии.

Можно, следовательно, констатировать, что поиски «общих значений» для падежей не увенчались успехом. Так называемые «частные» значения падежей в реальности являются не «частными» разновидностями единого «общего» значения, а отдельными функциональными единицами, каждая из которых обусловлена системой языка и должна быть выделена особо. В рамках одного падежа их объединяют лишь деривационные связи, отчасти омертвевшие и ставшие этимологическими, отчасти прослеживающиеся и в современном языке. Сложность падежей системы определяется полифункциональностью каждого падежа и изофункциональностью отдельных значений разных падежей. Без учета этих перекрещивающихся связей всякое исследование будет по необходимости субъективным и обедненным.

Но если не «общие значения», то что же тогда составляет отличие падежей от типологически сопоставимых с ними аналитических форм языков, не имеющих падежей? Содержательные функции падежей в общем универсальны и не зависят от грамматической техники, используемой в том или ином языке. Но мы ошиблись бы, если бы поспешили с выводами и решили, что морфологическая категория падежей не затрагивает содержания форм и никаких осложнений в содержательную структуру языка с собой не несет. Напротив, обособление синтетических форм в падежную парадигму имеет немаловажные последствия и для функциональной стороны языка. Сложное распределение многочисленных и разнотипных функций по падежам вызывает к жизни ряд дополнительных функций, отягощающих падежную систему и отсутствующих в беспадежных языках.

В богатом репертуаре функций, присущих падежам, основное место занимают субъектно-объектные функции. Противоположения этих функций, наблюдавшиеся и в беспадежных языках, определяют многие структурные особенности падежной системы. Вместе с обстоятельственными субъектно-объектные функции тяготеют к глагольному предикату и проявляются в приглагольном употреблении падежей. Определение субъектно-объектных функций, представленных в любом языке, будь то падежном или беспадежном, будет дано позже (в гл. IV), но некоторые особенности их могут быть выделены уже сейчас путем сопоставления субъектно-объектных функций с обстоятельственными.

Главное отличие функций первого рода от вторых заключается в их различном отношении к значению глагольного предиката. Обстоятельственные функции, выражаемые не только именными формами, но также наречиями определенного рода, характеризуют глагол как бы извне, указывая на локальные, темпоральные, каузальные и другие условия протекания глагольного действия. Они образуют как бы фон для основного содержания предложения

и часто могут быть выделены в отдельные (самостоятельные или придаточные) предложения. Обстоятельства, выражаемые этими функциями, непосредственно не связаны с глагольным действием и поэтому могут уточнять собой действие любого глагола и часто сохраняют силу не только для данного предложения, но и для ряда других предложений того же речевого сообщения.

Другое дело субъектно-объектные функции. Они, можно сказать, характеризуют глагол «изнутри», выделяя предметы, непосредственно «замешанные» в обозначаемом им действии. Будучи обусловлены значением глагола, они обнаруживают значительные вариации в зависимости от семантико-синтаксического типа глагола. Многие глаголы, например, не допускают сочетаний с прямым объектом (так называемые «непереходные глаголы»). Даже самая употребительная из функций этого типа, именно функция субъекта, допускается не всяким глаголом. Собственно-безличные, или «событийные», глаголы типа *морозит* или *сквозит* исключают ее.

Субъектно-объектные функции или по крайней мере важнейшие среди них отличаются, далее, от обстоятельственных своим формально-синтаксическим характером. Обстоятельственные функции семантически прозрачнее: они отображают время, пространство, причину, условие и т. д. Субъектно-объектные функции семантически определимы главным образом в контексте. В особенности это относится к функциям субъекта и прямого объекта, семантическое содержание которых вне контекста неясно. Грамматическая форма субъекта может выражать диаметрально противоположные значения: при глаголе *дать* она выделяет лицо, отчуждающее объект своего владения, при глаголе *получать* она выражает лицо, к которому перешел данный объект. В языках, развивших страдательный оборот, формальный характер функции субъекта обозначен еще более резко: с обращением действительного оборота в страдательный (*Школьники посадили деревья — Деревья были посажены школьниками*) лексическое значение глагола не меняется, но изменившаяся залоговая форма указывает на то, что реальное значение субъектно-объектных функций существенно изменилось.

Субъектно-объектные функции предполагают определенную иерархию отношений, давно уже известную традиционной грамматике. Функция субъекта противостоит всем объектным функциям как основная или исходная для всей системы. Противопоставив терминологически «субъект» всем «объектам», традиционная грамматика выделила главную оппозицию в составе субъектно-объектных функций. Другая оппозиция определяет отношения внутри объектных функций. И здесь одна из них, именно функция прямого объекта, противостоит всем остальным как «косвенным». Сущность этой иерархии, ее внутренний структурный смысл, остается еще во многом неясным, но в объективности ее вряд ли

приходится сомневаться. Различие иерархических рангов обычно истолковывается как указание на степень связи именного члена предложения с предикатом: субъект «ближе» и «теснее» связан с предикатом, чем объекты, а из объектов наиболее «близок» к предикату прямой. В последнее время в этом смысле иногда говорят о большей или меньшей «центральности» того или иного объектного падежа. Встречавшиеся нам ранее термины Р. Якобсона «направленность» и «периферийность» выражают, как кажется, те же понятия. Иерархические различия субъектно-объектных функций образуют основу системы падежей. Они определяют распределение многообразных функций по падежам, выступая как первичные функции основных падежей системы. Они же определяют отношения между падежами в парадигме, выстраивая основные падежи в упорядоченный ряд. Поскольку выражаемые основными падежами первичные функции имеют иерархическое строение, тень этого строения падает и на падежи. Сказанное выше о рангах субъектно-объектных функций может быть поэтому с известным правом отнесено и к падежам.

Анализируя латинскую фразу *ille mihi manu propria librum dedit* 'он собственной рукой дал мне эту книгу', В. де Хроот писал: «В фразе, заключающей в себе имена в разных падежах, управляемый винительный падеж является первым по отношению к глаголу, управляемый дательный — вторым, а управляемый аблатив — третьим».¹⁶ Для объектных функций выделяются, таким образом, три позиции, из которых первую занимает объект в винительном падеже, вторую — объект в дательном падеже, а третью — объект в орудийном падеже (в данном случае аблативе).

Устанавливаемая таким анализом шкала позиционных рангов требует некоторых уточнений. Различая позиционные (т. е. субъектно-объектные) функции и выражающие эти функции основные падежи, не следует упускать из виду исходную для всей системы падежей функцию субъекта и выражающие ее падежные формы. Функция субъекта противостоит, как заметила уже традиционная грамматика, всем объектным функциям вместе взятым, и в этом смысле можно позицию субъекта определить как «нулевую». Что же касается дальнейшей последовательности рангов, то вряд ли здесь правомерно прямолинейное исчисление позиций, как его проводит де Хроот. Грамматическая традиция была, как нам думается, на верном пути, выделив функцию прямого объекта как исходную для всех объектных функций. Это несомненно первая по рангу объектная позиция. Сложнее обстоит дело с косвенными объектами, среди которых классическая грамматика ранговых различий не устанавливала. Нам думается, что и в этом от-

¹⁶ A. W. de Groot. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. *Mélanges Bally*, 1939, p. 123 et sqq.

ношении ею руководило интуитивное чувство реальности. Позднее мы попытаемся выяснить логические основания такого членения. Пока же отметим принципиальное значение позиционных рангов для понимания структуры падежей, указав вместе с тем на приближительность установленных рангов.

Падежи, выражающие позиционные функции, профилируют падежную систему и придают парадигме падежей определенную «значимостную структуру», внутреннюю упорядоченность. Разграничение прямого и косвенных падежей, а внутри косвенных падежей—падежей прямого и косвенных объектов определяется шкалой позиционных функций. Это обстоятельство позволяет нам выделить падежи, основной, или, что то же, первичной, функцией которых является обнаружение позиционных функций. В дальнейшем мы будем называть их позиционными. К числу позиционных падежей относятся: падеж субъекта (именительный и в ряде языков эргативный) и падеж прямого объекта (винительный и, в случае эргативного строя, именительный в объектной функции). Кроме основной функции такие падежи выполняют и ряд вторичных функций, среди которых, как скоро увидим, имеются и вторичные позиционные функции. Падежи субъекта и прямого объекта мы будем в дальнейшем называть позиционными падежами; где отсутствуют позиционные падежи, там, на наш взгляд, нет оснований говорить о падежной системе.

Определив падеж субъекта как «прямой», грамматическая традиция тем самым подчеркнула его ключевую роль в падежной парадигме. В переводе на современную терминологию «прямой падеж», как заметил Р. Якобсон, значит «немаркированный». При этом, конечно, следует различать немаркированность функциональную и формальную.

В формальном отношении немаркированность (или «прямизна») падежа субъекта выражается в том, что во многих языках он выступает в виде формы с нулевым показателем. Так, в тюркских языках именительный падеж по своей форме совпадает с основой других падежей, вследствие чего его часто называют «абсолютным» или «неопределенным» (*casus indefinitus*). Косвенные падежи могут быть интерпретированы в таких языках как прямые или косвенные дериваты именительного падежа. В ряде дагестанских языков, как например лакском, где по нормам эргативного строя имеются два падежа субъекта, именительный и эргативный, оба падежа служат основанием для образования форм других падежей. Сам же эргативный падеж оказывается в таком языке производным от именительного падежа.

Но и там, где, как в древних индоевропейских языках, именительный падеж формально маркирован (т. е. имеет особый показатель падежа, наращенный на основу), в функциональном отношении он продолжает оставаться немаркированным. Функциональная немаркированность падежа субъекта выражается

в том, что основная для него функция субъекта является основной для всех позиционных падежей и при их посредстве для падежной парадигмы в целом.

Субъектно-объектные функции обусловлены содержательной валентностью глагола (точнее, глагольного значения, поскольку отдельные значения глагола имеют различные содержательные валентности). Под содержательной валентностью глагольного значения мы понимаем способность данного глагола сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции. Так, например, в одном из своих значений глагол *рубить* предполагает кроме субъекта данного действия еще и прямой объект (например, *дерево, кусты, сучья* и т. д.), а также орудие, с помощью которого совершается действие (скажем, *топор* или *нож*), и, наконец, указание на части объекта, образуемые в результате данного действия (скажем, *на мелкие щепы*). Мы пока не затрагиваем здесь вопроса об обязательности появления таких уточнений в каждом предложении. Речь идет о потенциях, заложенных в значении глагола и в той или иной мере реализуемых в предложении.

Такое определение содержательной валентности ориентировано на значение глагола и, следовательно, действительно для всех языков, в которых такое значение имеется. В плане содержательной валентности каждое глагольное значение как бы открывает вакантные позиции по числу подразумеваемых им субъектно-объектных функций, и эти позиции с той или иной степенью обязательности подлежат замещению в предложении. От содержательной валентности, формулируемой в терминах субъектно-объектных функций, следует отличать ее морфологическое обнаружение, варьирующее от языка к языку. Грамматические формы, в которые облакаются субъектно-объектные функции, зависят от строя языка и установившейся в нем для каждого случая конкретной нормы употребления. Если содержательная валентность в принципе универсальна, то ее морфологическое выявление идиотично по своей природе.

Традиционная грамматика до некоторой степени видела это различие. Выделив члены предложения, она тем самым определила субъектно-объектные функции существительных, связанные с содержательной валентностью глагола. С другой стороны, выделив отдельные падежи и способность управлять ими, она заметно приблизилась к пониманию разницы между субъектно-объектными функциями и их морфологическим обнаружением. Поскольку, однако, различение этих планов было эмпирическим и добытые понятия не были проанализированы с целью выяснения их своеобразия и противоречивого взаимодействия в каждом языке, традиционная грамматика то и дело сбивалась на механическое смешение обоих планов. Функция субъекта приравнивалась к функции именительного падежа, функция прямого объекта

привязывалась накрепко к винительному падежу, и т. д. Найденные существенные различия тем самым теряли свою относительную автономность и превращались в простое дублирование терминов.

Исходя из данного выше определения позиционных падежей, можно было бы ожидать, что субъектно-объектные позиции при глаголе будут всегда замещаться позиционными падежами в соответствии с их основными функциями, что, иначе говоря, в позиции субъекта всегда будет находиться именительный падеж, а в позиции прямого объекта — винительный падеж. Языковая действительность не оправдывает, однако, этих надежд. Случаи нарушения «табели о рангах» субъектно-объектных падежей, и в частности приоритета именительного и винительного падежей, в падежных языках нередки. Факты употребления косвенных падежей в функции субъекта будут рассмотрены нами в следующем разделе. Здесь же мы рассмотрим употребление косвенных объектных падежей в функции прямого объекта.

Сопоставляя факты разных языков, легко заметить, что сходные по значению глаголы в одном языке управляют винительным падежом, а в другом — падежом косвенного объекта. Ср. русск. *лечить, исцелять; прощать, извинять; бранить; убеждать*, управляющие винительным падежом, и, с другой стороны, лат. *mederi* 'лечить, исцелять', *ignoscere* 'прощать, извинять', *maledicere* 'бранить', *persuadere* 'убеждать', управляющие дательным падежом; ср. русск. *встречать* — с винительным падежом и нем. *begegnen* 'встречать' — с дательным объекта, но *treffen* в том же значении — с винительным, как и в русском. Ср. также русск. *пользоваться, орудовать* — с творительным падежом и нем. *benutzen, ausnützen, gebrauchen, verwenden* — с винительным падежом. Ср. еще нем. *beneiden* — с винительным падежом и русск. *завидовать* — с дательным падежом.

Случаи параллелизма падежей прямого и косвенного объекта можно, впрочем, найти и в пределах одного языка. Ср. русск. *поддерживать кого, но помогать кому, содействовать кому; слушать кого, но внимать кому; слушаться кого, но подчиняться, повиноваться кому; любить кого, но увлекаться, восхищаться, восторгаться кем; жалеть кого, но сочувствовать, соболезновать кому; вести машину, но править, управлять ею; употреблять, использовать, применять что, но пользоваться, злоупотреблять, орудовать чем.*

Встретившиеся нам в приведенных примерах глаголы, как правило, однообъектны. Лишь некоторые из них могут быть дополнены вторым объектом (ср. *убеждать кого в чем, поддерживать кого-либо в каком-либо деле* и т. д.), но в роли второго объекта выступают в этом случае абстрактные имена и инфинитивы, которые, как показала порождающая грамматика, должны

быть выделены особо. Позиция единственного объекта при глаголе и есть позиция прямого объекта. Если один из косвенно-объектных падежей замещает эту позицию, мы вправе сказать, что, вопреки своей основной позиционной функции, он выполняет функцию прямого объекта. Всякое употребление падежа в несвойственной ему субъектно-объектной функции мы будем в дальнейшем называть «сдвинутым». Условием позиционного сдвига падежа в примерах типа *помогать кому, мешать кому* является однообъектная валентность глагольного значения, устраняющая двусмысленность.

Охранительная сила однообъектной валентности так велика, что в позиции единственного (т. е. прямого) объекта могут стоять различные падежи более низкого ранга с предлогом или без него. Ср. *оставить, покинуть дом* и, с другой стороны, *уйти из дому, выйти из дому, съехать с квартиры; преследовать кого-либо, догнать кого-либо* и, с другой стороны, *гнаться за кем-либо; узнать кого-либо, распознать кого-либо* и *познакомиться с кем-либо; задерживать, затягивать дело* и *тянуть, медлить с делом*. Сдвиг в употреблении падежа может, следовательно, заключаться и в том, что едва ли не всякий падеж может быть употреблен в функции прямого объекта.

Традиционная грамматика, отождествляющая понятие прямого объекта с винительным падежом, не признает, конечно, «сдвинутые» падежные формы прямообъектными, а управляющие ими глаголы типа русск. *помогать, управлять, dotрагиваться* или лат. *persuadere* 'убеждать', *parcere* 'щадить' и т. д. не считает переходными. Такая трактовка основывается на безоговорочном отождествлении падежа прямого объекта и выражаемой им функции. Но если бы понятия прямого объекта и винительного падежа всегда совпадали, то не к чему было бы иметь двойную терминологию для них.

Отношения между функциями и формами их звукового обнаружения в принципе не изоморфны. Это положение действует и в сфере падежей. Л. В. Щерба с полным основанием считал, что в сочетаниях типа *овладеть положением, любоваться вечером, приехать в Киев* все дополнения прямые. «Я, — говорил он, — не вижу здесь никакой синтаксической разницы; винительный падеж без предлога — конечно, это преимущественная форма в нашем русском языке прямого дополнения, но она не одна употребляется, имеются и другие формы».¹⁷

Изофункциональность винительного и других падежей в позиции прямого объекта не означает, однако, их равноправного положения в системе языка. Винительный падеж является господствующей формой прямого объекта. Функция прямого объ-

¹⁷ Л. В. Щерба. О второстепенных членах предложения - В кн.: Избр. работы по языкознанию и фонетике, I. Л., 1958, стр. 99.

екта для него первична, тогда как для других падежей она, как подчеркивал Е. Курилович, вторична. Эта разница сказывается, в частности, в том, что винительный падеж обладает данной функцией независимо от числа объектных «мест» при глаголе. Функция прямого объекта сохраняется за ним не только при однообъектных глаголах, как *знать* или *лечить*, но также при глаголах с большим числом объектов, как *бить* (кого, чем), *давать* (что, кому) и т. д. Другие падежи могут, как мы видели, выполнять функцию прямого объекта только при однообъектных глаголах. Сфера их употребления в функции прямого объекта ограничена.

Норма, т. е. совокупность утвердившихся в данном языке правил употребления его структурных единиц, неоднородна. Наряду с господствующими в данной функциональной области правилами существуют правила, выпадающие из господствующей нормы. Падежи, сигнализирующие прямой объект на правах вторичной функции, явно нарушают господствующую норму. Но нарушения этого рода санкционированы узусом и входят в систему языка на правах «исключений», т. е. узаконенных отклонений от господствующей нормы. Интуитивно улавливая эти различия, традиционная грамматика отказывалась видеть в «сдвинутом» употреблении падежей функции прямого объекта. Она не замечала при этом сложной игры противоречивых факторов, участвующих в рассматриваемых явлениях. Разница между основным падежом прямого объекта и другими падежами, спорадически выступающими в данной функции, отражает не различие функций, а значимостные различия первичных и вторичных функций в содержании падежей. За значимостными различиями в глубине языка маячит различие двух норм — нормы господствующей и нормы подчиненной, «правил» и «исключений из них».

Эта разница отсвечивает и в переходном глаголе, валентные свойства которого раздваиваются. Ввиду необходимости различать функцию прямого объекта и способы ее выражения и в глаголе мы должны различать двоякого рода переходность — функциональную и формальную. Функциональная переходность зависит от значения глагола, от его содержательной валентности. Будучи обусловленной значением, она носит универсальный характер, т. е. действительна для всех языков приблизительно одинакового уровня развития. Функционально переходным является всякий глагол, значение которого открывает позицию для прямого объекта. В противовес функциональной формальная переходность зависит не только от значения глагола, но также от его, глагола, лексемы. Она сводится к способности глагола управлять винительным падежом. Не всякий функционально-переходный глагол является переходным и в формальном отношении. Оба русских глагола *лечить* и *помогать* в функциональном отношении

переходны, но в формальном отношении переходен только первый из них, тогда как второй, управляющий дательным падежом, — формально непереходен.¹⁸

Разграничив понятия переходности и управления, традиционная грамматика в известной мере предвосхитила эти различия. Понятие «управления» явно ориентировано на форму выражения объекта, тогда как «переходность» подразумевает в большей мере функцию, чем способ ее выражения. Но, отождествив прямой объект с определенным способом его выражения, традиционная грамматика не сумела по достоинству оценить и выделенные ею глагольные признаки. При определении переходности она исходила из той же способности глагола управлять винительным падежом. Тем самым, однако, сводилось на нет нащупанное в этих терминах различие типов переходности.

Функциональные сдвиги, противоречащие принципу распределения позиционных функций между основными падежами, являются пробным камнем для всякой теории падежа. Принимая, что система падежей основана на шкале субъектно-объектных функций, мы должны вместе с тем найти объяснение для разительных фактов отклонения падежей от фундаментального принципа, определяющего структуру всей падежной системы. Совмещение в одном падеже различных функций (т. е. первичных и вторичных) основано на том, что существуют определенные правила распределения таких функций, предохраняющие от смешения и путаницы. Употребление падежей низшего ранга в прямо-объектной функции ограничено определенными условиями: одно-объектной валентностью глагола и способностью глагольной лексемы управлять данным падежом. Разграничение функциональной и формальной переходности является необходимым коррелятом расщепления функций падежей на первичные и вторичные.

Значимостная структура падежей, порядок размещения их функций не ограничиваются, таким образом, расположением субъектно-объектных падежей по рангам. Не меньшую роль во внутренней организации падежной системы играет соотношение разных функций в содержании отдельных падежей. Разграничение первичных и вторичных функций позволяет установить не только условия их совместимости в одном падеже, но также синонимику разных падежей, способных выступать в функции прямого объекта.

Вторичные позиционные функции, т. е. функции субъекта и прямого объекта, выраженные непозиционными падежами, не поддаются определению ни в зависимости от значений имен, выступающих в данной функции, ни в зависимости от валентности гла-

¹⁸ Ср. интересную статью: Ст. Кароляк. Структура высказывания и его значение. — *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, XXVII, 1969, стр. 107 и сл.

гольного значения, с которым они соотносятся. Да это и понятно, если вспомнить, что они обусловлены идиоэтническими свойствами глагольной лексемы, ее способностью управлять тем или иным падежом. Сгруппировать эти функции можно поэтому только путем перечисления глаголов, требующих прямого объекта в «сдвинутом» падеже. Иначе говоря, вторичные функции этого рода «заданы списком» в системе языка. Их нельзя предугадать никаким общим правилом. Этим объясняется тот факт, что грамматика обычно проходила мимо них, тогда как словари регистрировали их, отмечая особенности управления отдельных глаголов.

Падежи, как известно, используются не только в субъектно-объектных функциях. Употребление падежей в обстоятельственных функциях не вызывает в синхронном плане сколько-нибудь сложных вопросов, так как опасности смешения с другими функциями в этих случаях не возникает. Отсутствие валентной связи с глаголом и семантика имен, выступающих в функции обстоятельства места, времени, причины и т. д., надежно изолируют вторичные функции этого рода. Ср. *работать всю ночь, ехать лесом* и т. п. Условия совместимости обстоятельственных функций с позиционными здесь непосредственно ясны. Определение обстоятельственных функций падежей может вызвать затруднение в ином плане. Дело в том, что наряду с падежами в данной функции используются также наречия, которые не всегда легко отличимы от падежных форм. Ограничения, налагаемые нормой, на употребление падежных форм в обстоятельной функции нередко расцениваются как следствие их онаречения. Быть может, правильнее было бы говорить только о связанности такого употребления, зависящего от именной лексемы. Так, например, по-русски говорят *днем, ночью, летом, зимой, но в полдень* (а не *полднем*), *на заре* (а не **зарей*) и т. д. Падежные формы с функцией обстоятельства времени образуются в принципе от каждого существительного, обозначающего определенный промежуток времени (времена суток, года и т. д.), но способ их образования (как в отношении падежа, так и в отношении предлога) непостоянен. В итоге возникает сложная система изофункциональных форм, состоящих в отношениях дополнительной дистрибуции друг к другу. Ср., например, *ночью, но в ту ночь; в декабре, но второго декабря; прошлой зимой, но в прошлом году, на прошлой неделе* и т. д.

К функциям, выполняемым падежами, относится еще функция приименного атрибута. Эта функция чаще всего выполняется родительным падежом, но нередко и падежными формами с предлогом. Ср. *дочь соседа, крыша дома, кусты крыжовника, бутылка вина, но также ключ от дверей, папка для бумаг, дама с собачкой, дом под горой, туман над рекой* и т. д. Семантические предпосылки этой функции различны; атрибут отражает possessив-

ные или родственные отношения, партитивные связи, пространственные или временные отношения и т. д., но все такого рода отношения служат здесь цели лексической актуализации предмета, уточнения выражаемого именем виртуального понятия с помощью указания на его отношение к другим предметам.

В языках, не имеющих специального падежа приименного атрибута, используемые с этой целью формы полностью изолированы от сферы субъектно-объектных функций. Но там, где такой падеж существует, возникают условия для взаимопереплетения этих функциональных сфер. Родительный падеж используется и в позиционной функции, ср. в русском его употребление при некоторых глаголах, выражающих удаление и боязнь, как *бояться, пугаться, стесняться, избегать, лишаться* и др. Позиционный характер родительного падежа более очевиден при глаголах с отрицанием, ср. *я получил газету и я не получил газеты*. Выражая прямой объект при глаголах с отрицанием, родительный падеж становится как бы дополнительным средством, выделяющим отрицание.

Деривационные связи, соединяющие приглагольное употребление родительного падежа с приименным, в большинстве случаев затемнены и синхронически не прощупываются. В этих случаях можно говорить об омонимии форм. Но иногда эти связи ощутимы. Ср. *он дал ему хлеб и он дал ему хлеба*. Здесь оба косвенных падежа выполняют функцию прямого объекта. Но родительный падеж присоединяет к этой функции дополнительное указание на партитивность, частичный охват предмета. Этот дополнительный оттенок позволяет перебросить мост от приименного родительного падежа (ср. *ножка стула, вершина горы*) к приглагольному. Значение партитивности присутствует и здесь и там, только в одном случае оно используется для атрибутивной характеристики имени, а в другой — для уточнения прямого объекта. Это своего рода семантическая «накладка» на синтаксические функции атрибута и прямого объекта.

Условия совместимости разных функций в родительном падеже очевидны. Основную роль здесь играет разница в синтаксическом подчинении, позволяющая отграничить приименные функции от приглагольных. К этому присоединяются дополнительные факторы, как глагольное управление, отрицание и др.

Из содержательных функций падежей отметим еще предикативную. Совместимость этой функции с другими обусловлена специфическими условиями ее употребления. Управляющие предикативным падежом глаголы образуют особый лексико-грамматический разряд, семантические и валентные свойства которого отчетливо выделены. Выраженный именительным падежом именной предикат выделяется еще согласованием и словопорядком. В языке, где, как в русском, имеются два предикативных падежа, они изофункциональны, но во многих случаях различаются до-

полнительными оттенками. В русском именительный падеж обычно выражает устойчивый и постоянный предикативный признак, а творительный падеж — предикативный признак неустойчивый, ограниченный во времени. Ср. *Он был шахтер* и *Он был командиром взвода*. Наличие двух падежей в тождественной синтаксической функции связано здесь с «семантической накладкой». На синтаксическую функцию наслаивается дополнительный оттенок устойчивости/неустойчивости предикативного признака.

Содержательные функции падежей многообразны, и мы не собираемся давать их исчерпывающий обзор. Остановимся лишь еще на функции, которую можно было бы назвать функцией семантико-грамматической перспективы. В предложении *Сестра перевязала ему руку* два прямых объекта: *ему* и *руку*. Современные языки избегают постановки этих объектов в одном падеже. В раздельности, конечно, можно сказать *Сестра перевязала его* и *Сестра перевязала руку*, но, объединяя эти высказывания в одно, необходимо «развести» прямые объекты, оформив их различными падежами. Различие объектных падежей служит здесь указанием на то, что синтаксическое отношение объектов к глаголу не вполне одинаково, поскольку они соотносятся между собой как целое и его часть и один из них выступает как уточнение к другому.

Указывая на примеры паратаксиса целого и части в древних языках, Потенбня писал: «„Раздавлены ногами слонами“ не бессмысленно: действительно „слонами“, (т. е. их) „ногами“. Только здесь отношение между двумя вещами никак не выражено, и они изображены, так сказать, на одной плоскости, без перспективы».¹⁹ Если теперь мы говорим вместо этого «ногами слонов», то различие падежных форм вносит логическую перспективу в строение фразы, выделяя момент уточнения или пояснения, содержащийся и в союзе «то есть».

Дифференциация падежей объекта в подобных примерах имеет целью оттенить то обстоятельство, что целое и часть на разных основаниях участвуют в действии. Подобно тому как в предложении *Он ухватился рукой за перекладину* различие именительного и творительного падежей выражает соотношение между лицом и органом его тела, непосредственно исполняющим данное действие, точно так же в предложении *Его ранило в ногу* различие двух падежей объекта выражает соотношение между частью как непосредственным объектом воздействия и целым как его опосредованным объектом. Дополнительная семантическая накладка на синтаксические функции, сводящаяся к разграничению части и целого, приводит к удвоению функций субъекта и объекта. В каждой из этих функций отмечаются два варианта в зависи-

¹⁹ А. А. Потенбня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 209.

мости от прямого или косвенного отношения к глагольному действию. В некоторых случаях уточнение может быть достигнуто с помощью атрибута, ср. *ногами слонов*. Если, однако, язык часто прибегает к удвоению позиционных функций, то объяснить это можно тем, что в таких случаях имеется в виду не просто выражение партитивных отношений как таковых, но также выявление различного отношения части и целого к совершаемому действию.

Альтернативная способность одной глагольной лексемы управлять разными падежами может служить средством выражения семантико-грамматических признаков глагольного значения. Фактитивные глаголы «несвободного» (или «частичного») движения, как *вертеть, вращать, дергать, качать, трясти, шевелить* и др., управляют в русском языке двумя падежами — винительным или творительным. Ср. *Штурвальные, натужась, вертели колеса* и *Он вертел головой, чтобы сдвинуть воротник под подбородком; трясти яблоню, трясти руку кому-нибудь и трясти бородой*. Можно заметить, что в случае винительного падежа глагол выражает намеренное действие, непосредственно направленное на объект, а в случае творительного падежа — действие либо ненамеренное (ср. *Хватит вам вертеть шляпой, раздевайтесь и садитесь пить чай*), либо хотя и намеренное, но непосредственно направленное на другой объект. Во втором случае творительный падеж приближается по своей функции к обычному инструменталису. В случае неличного субъекта действия разница между намеренным и ненамеренным действием, естественно, исчезает, и ее место заступает различие действий с «собственным» и «несобственным», «внутренним» и «внешним» объектом (ср. *Ветер сильно качал березы и Лес качает верхушками деревьев*).²⁰

Различие намеренного и ненамеренного действия, выражаемое в других языках (например, в адыгейском) формами глагола, выявляется, таким образом, в приведенных русских примерах с помощью падежной конструкции.

Образуемая падежами синтаксическая конструкция может быть использована и в смыслоразграничительной функции, нейтрализующей полисемию глагола. Ср. русск. *жалеть*, в сочетании с винительным падежом означающее 'сострадать, чувствовать жалость к кому-либо', а в сочетании с предложным падежом — 'печалиться, сокрушаться по поводу чего-либо утраченного, упущенного, непоправимого'. Ср. также *судить кого и судить о чем-нибудь; тянуться к чему (цветок тянется к солнцу) и тянуться за кем* в смысле 'стараться сравняться с кем-то, стать похожим на него' (*он тянется за товарищем*); *присмотреть за кем-нибудь*

²⁰ Н. Э. Котелова. Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. I. М., 1957, стр. 101—102.

(*присмотреть за детьми*) и *присмотреть что-нибудь* (*присмотреть дачу*) и т. д.²¹ Ср. еще нем. *warten* с вин. п. без предлога — ‘ходить, ухаживать за кем-либо’, с предлогом *auf* + вин. п. — ‘ждать кого-либо’; лат. *credere* с дат. п. — ‘верить, доверять кому’, с вин. п. — ‘верить во что’.

Ограничивая полисемию глагола, управляемый падеж сверх своей объектной функции выполняет еще функцию смыслоразграничения, т. е., в сущности говоря, формальную функцию наподобие той, которую выполняют фонемы в составе слова.

В ходе рассмотрения падежных функций мы уже не раз сталкивались с фактами соединения падежных форм с управляющими ими глаголами в синтаксические единства, обладающие особыми функциями. Единства этого рода давно известны в грамматике под именем «синтаксических конструкций». Способность входить в состав синтаксических конструкций является одной из специфических черт падежей. Основанные на падежных формах синтаксические конструкции способствуют, как мы видели, в русском различению глаголов намеренного и ненамеренного движения. Во многих случаях различие конструкций используется в целях коммуникативного разрешения полисемии глагола. В следующем разделе мы столкнемся с некоторыми своеобразными конструкциями, образуемыми косвенными падежами в позиции субъекта.

Подведем теперь некоторые итоги тому, что говорилось в настоящем разделе о морфологической категории падежа.

В функциональном отношении падежи образуют сложную и разветвленную систему, совмещающую в себе множество гетерогенных, содержательных и формальных, функций. Разнотипные синтаксические функции существительных объединены в падежной системе под эгидой позиционных функций, т. е. функций субъекта и прямого объекта. Это обстоятельство накладывает печать своеобразия на значимостную структуру системы. Позиционные функции определяют не только структуру парадигмы, но и соотношение первичных и вторичных функций внутри каждого падежа. Непозиционные синтаксические функции впе­таются в систему на правах подчиненных элементов: они выносятся за пределы основных падежей системы, а в содержание основных падежей включаются только в качестве вторичных функций. Фундаментальная роль позиционных функций в организации системы падежей способна породить иллюзию, будто все другие синтаксические функции имен (косвенно-объектные, атрибутивные, аппозитивные, предикативные и обстоятельственные) подчинены позиционным функциям не только в значимостном, но и в функциональном отношении.

Сложное распределение функционального содержания по отдельным падежам связано с дроблением и взаимным переплете-

²¹ Там же, стр. 100.

нием функций. Каждый падеж объединяет в себе ряд разнородных функций, которые в одних случаях связаны между собой синхронно-деривационными связями, а в других — только единством их звукового выражения. С другой стороны, каждая функция дробится на части, будучи распределенной между несколькими изофункциональными («синонимическими») падежами. Даже позиционные функции, занимающие доминирующее положение в системе, не избегают общей участи и подвергаются дроблению. Функция прямого объекта, например, осуществляется, как мы видели, не только специализированным падежом прямого объекта, но и другими падежами, спорадически выступающими в этой роли. В итоге система падежей усложняется, и выделение отдельных функций становится делом кропотливого и многоступенчатого анализа.

К основным функциям падежной системы нередко присоединяются дополнительные содержательные и формальные функции, не имеющие к первым прямого отношения. Таковы, например, функции выражения семантико-грамматических категорий глагола (намеренности и ненамеренности действия), функция разрешения полисемии глагола, функция согласования и др. Разнотипность этих функций бросается в глаза. Усложнению системы способствует и ее формальная структура, которая в флективных языках превращает каждый падеж в серию многочисленных форм, различающихся в звуковом отношении и приравненных друг к другу как варианты одной падежной формы.

Большая часть выполняемых падежами функций имеет универсальную значимость. Но в аналитических языках эти функции выражены более экономно. В них отсутствует та разветвленная значимостная структура, которая вырастает на базе именных функций в языках с синтетической морфологией. Поскольку аналитическое выражение синтаксических связей не обходится без служебных слов — предлогов или послелогов, — нередко полифункциональных, и оно не гарантировано от избыточных наслоений и усложнений. В целом все же аналитический строй несравненно более прозрачен. Различные сферы синтаксической связи имен представлены в нем независимо одна от другой и не подвергаются амальгамированию. Реже представлены в нем и специфические синтаксические конструкции, облеченные дополнительными функциями содержательного и формального порядка.

д) Категория падежа (продолжение)

В предыдущем разделе мы не касались употребления косвенных падежей в функции субъекта. Рассмотрение падежей в «сдвинутой» функции ограничивалось там случаями использования объектных падежей низшего ранга во вторичной функции прямого

объекта. Теперь мы обратимся к примерам максимального смещения позиционной значимости падежей. В падежных языках нередки случаи вторжения косвенных падежей в функциональную сферу «падежа падежей», высшего по рангу падежа всей падежной системы — именительного. Неожиданное употребление косвенных падежей в функции субъекта столь резко противоречит принципу распределения позиционных функций в основных падежах системы, как и сложившемуся на его основе традиционному учению о падежах, что традиционная грамматика отказывалась, как правило, видеть в них закономерное выявление субъектной функции. Разбирая относящиеся сюда факты, она была готова, скорее, примириться с возможностью существования «бессубъектных» или «бесподлежащих» предложений, нежели признать законными посягательства косвенных падежей на высшую позиционную значимость.

Наиболее распространенные в индоевропейских языках примеры этого рода известны под названием «безличных» или «бессубъектных» предложений.

Термин «безличное предложение» нуждается в некотором уточнении. Безличными называют предложения, глагольный предикат которых употребляется в форме 3 лица единственного числа, несогласуемой с существительным, если таковое фигурирует в предложении. Необходимо различать два типа безличности: 1) безличность, обусловленную отсутствием личных форм у глагола, и 2) безличное употребление глагола, имеющего личные формы. Глаголы типа *светать*, *смеркаться*, *похолодать* действительно не имеют личных форм и могут быть названы по-настоящему безличными. Иначе обстоит дело с глаголами *трясти*, *унести* и др., которые, вообще говоря, спрягаются по лицам, но в предложениях типа *Машину сильно трясло* или *Ветром угнало солому* употреблены безлично. Глаголы второго типа можно называть личными в безличном употреблении.

Безличные предложения обычно рассматриваются как бессубъектные. В некоторых безличных предложениях, как *Морозит*, *Стало рассветать* или лат. *pluit* 'идет дождь', субъект явно отсутствует, поскольку в них отсутствует существительное, которое могло бы выполнять эту функцию. Но как быть с безличными предложениями типа *Его познабливает*, *Мне хочется чаю*, *Течением бревно отнесло к берегу*, в составе которых имеются существительные, явно тяготеющие к глаголу? Можно ли выделить субъект в таких предложениях? Традиционная грамматика отрицательно отвечает на этот вопрос, ссылаясь на отсутствие существительных в именительном падеже. Но отвечать так, значит полагать, что субъект и именительный падеж — строго изоморфные сущности. Мы возвращаемся здесь снова к вопросу, который уже ставился в предыдущем разделе применительно к прямому объекту и винительному падежу.

Отождествление позиционной функции с одной из форм ее обнаружения грешит против реального положения в языке. Тот, кто утверждает, что субъект — это существительное в именительном падеже, впадает, по словам Л. В. Щербы, в «тавтологию», которая «абсолютно никакой познавательной цены» не имеет.²² Принимая, что субъект может выступать не только в именительном падеже, мы должны вместе с тем отыскать объективные способы его определения.

Структурной предпосылкой позиционных функций в предложении является, как указывалось выше, содержательная валентность глагола (или, шире, предикативного признака). Поскольку субъект — одна из позиционных функций, постольку это правило применимо и к нему. Безличные глаголы, не обладающие содержательной валентностью, естественно, не принимают субъекта и являются бессубъектными в подлинном смысле этого термина. На них, следовательно, можно в этом плане не задерживаться. Но в отношении подлинно бессубъектных предложений встает вопрос о причинах отсутствия позиций при их предикатах. Рассмотрение этого вопроса позволит нам лучше понять своеобразие бессубъектных предложений и сущность содержательной валентности.

Безличные предложения, лишенные позиционных добавлений к глаголу, выражают целостные события или ситуации, чаще всего — атмосферные явления. Фиксируя такое событие — выпадение атмосферных осадков, громыхание грома и т. п., — безличное предложение не расчленяет его на составные элементы, а выражает глобально, отмечая протекание события в определенный момент. Ничего, кроме указания на характер события и грамматическое время его протекания, безличный глагол данного типа не выражает. Безличным предложениям типа лат. *tonat* 'гром гремит', *fulget* 'молния сверкает' в русском соответствуют двучленные предложения с выделенным субъектом. Но двучленная форма русских соответствий не должна вводить в заблуждение. За формальной расчлененностью в них скрывается глобальное выражение события.

В предложениях типа *Гром гремит*, *Ветер веет* и т. п. дана так называемая «этимологическая фигура», в которой глагол воспроизводит имя, добавляя к нему лишь указание на грамматическое время. В предложениях типа *Дождь льет*, *Молния сверкает* глагол повторяет не все содержание имени, а только один из его семантических признаков (сем), присоединяя к имени и на этот раз информацию о времени протекания события. В предложении *Дождь идет* глагол семантически полностью опустошен; в сущности, это уже строевое слово, своего рода «вербализатор», указывающий на глагольное время. Так как имя во всех этих

²² Л. В. Щерба, Избранные работы по языкознанию и фонетике, стр. 94.

примерах выражает целостное событие, а глагол, если отбросить плеонастические элементы в его содержании, обнаруживает лишь грамматическую значимость, то в семантическом плане двучленные конструкции этого рода можно рассматривать как эквиваленты бессубъектных предложений типа *светает*.²³

Бессубъектными в этом смысле являются не только формально двучленные предложения типа *Дождь идет*, но и другие событийные предложения, состоящие из имени события и строевого глагола, указывающего на время и способ протекания данного события. Примерами таких семантически бессубъектных предложений могут служить формально двучленные предложения типа *Идет война*, *Вспыхнула забастовка*, *Состоялось представление*, *Случилось происшествие*, *Разразилась катастрофа* и т. д. Отличие событийных предложений типа *Состоялось представление* от таких, как *Идет дождь* или *Моросит*, заключается в том, что первые из них легко могут быть развернуты в расчлененное отображение события, ср. *Артисты драматического театра дали представление в Доме культуры*. Расчленение безличных предложений типа *Моросит* и их двучленных эквивалентов типа *Моросит дождик* возможно лишь в виде несколько тяжеловесного описания: *Из туч выпадают мелкие капли дождя*.

Каждое предложение является сообщением о каком-либо событии или «положении дел», о некоем «обстоянии», как выразился переводчик философско-математических сочинений Г. Вейля на русский язык.²⁴ Такое сообщение может быть глобальным либо расчлененным. Глобальное сообщение только называет событие, выделяя при этом некоторые грамматические координаты, актуализирующие понятие о нем. Сообщение остается нерасчлененным и в том случае, когда формально оно двучленно и к названию события добавляется глагол, лишенный самостоятельного знаменательного значения. Расчлененное предложение выделяет в событии предметные элементы и объединяющий их предикативный признак. Позиционные функции возможны поэтому только в расчлененных предложениях. Глаголы, глобально выражающие некое событие (как собственно-безличные глаголы *светает* и *подмораживает*), позиционной валентности не имеют. Способностью открывать позиции для субъекта и прямого объекта обладают лишь глаголы-предикаты, а не глаголы, выражающие целостные события.

В плане использования косвенных падежей в субъектной функции интерес представляют только расчлененные безличные предложения, выделяющие предикат и дополняющие его пред-

²³ Ср.: Т. Б. Алисова. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений. — ВЯ, 1970, № 2, стр. 97.

²⁴ Г. Вейль. О философии математики. — Сборник работ, Перев, с нем. А. П. Юшкевича. М.—Л., 1934.

метные имена. Только применительно к таким безличным предложениям закономерен вопрос, есть ли в них подлежащее или нет.

Из числа таких конструкций выделим сначала конструкции с одноместным предикатом, как *Мне не спится*, *Меня мутит*, *Мне стало невмоготу*, нем. *mich hungert* 'я голоден', *est is mir übel* 'мне нехорошо' и т. п. Если под безличностью понимать отсутствие согласования между предикатом и дополняющим его именем, то такого рода предложения несомненно безличны. Но бесподлежащими считать их не приходится. В предложении *Мне не спится* носителем предикативного признака является первое лицо, как и в предложении *Я не сплю*. Первое из них семантически отличается от другого не отсутствием указания на носителя предикативного признака, а тем, что к предикату, выражающему бессонное состояние, добавляет оттенок произвольности состояния, переживаемого субъектом помимо своей воли и желания.

Что же такое подлежащее? Обычно определяют подлежащее как имя в именительном падеже. Такое определение основывается на наивном представлении о взаимодозначном соотношении формы с содержанием в языке. Отказываясь от морфологического определения подлежащего, мы должны найти для него чисто функциональное определение. Трактовка, исходящая из противоположения темы и ремы, как справедливо заметил М. Докулил,²⁵ также не достигает цели. Определение подлежащего как «темы» («то, о чем говорится в предложении») ставит подлежащее в прямую связь с актуальным членением предложения, что, как будет показано позже, не вполне соответствует реальности. Более адекватным представляется нам подход со стороны валентных свойств глагола. Подлежащее — это прежде всего один из именных членов предложения, обусловленных содержательной валентностью глагола. В случае одноместного предиката определение подлежащего трудности не представляет: единственное позиционное «добавление» к глаголу и есть в этом случае подлежащее. Предикат *Не спится* моновалентен, это переходный предикат, восполняемый указанием на одушевленный предмет, находящийся в данном состоянии. Собственно безличный глагол *спаться* в этом отношении ничем не отличается от личного глагола *спать*. Эти глаголы различаются, правда, по своей формальной сочетаемости. Но это уже вопросы, относящиеся к плану выражения. Оставаясь в плоскости семантико-синтаксических отношений, мы должны признать тождество функций имени в предложениях *Ребенок не спит* и *Ребенку не спится*.

²⁵ См.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Проблемы славянского языкознания. М., 1962, стр. 237.

Тождество функций не означает, конечно, что разница между способами их выражения малосущественна и что ею можно пренебречь. В предыдущем разделе при рассмотрении употребления непозиционных падежей во вторичной функции прямого объекта мы могли убедиться в том, что разница между первичной и вторичной позиционной функцией падежа отражает различие между нормой господствующей и подчиненной (нормативным «правилом» и не менее нормативными «исключениями» из него). Косвенный падеж в функции субъекта — это новый образец «сдвинутого» употребления падежей. И на этот раз «сдвинутый» падеж обнаруживает вторичную функцию, идущую вразрез с его первичной функцией. Поскольку, однако, теперь дело идет о позиционной функции, исходной для всей системы, то вторжение косвенных падежей в функциональную сферу именительного падежа влечет за собой серьезные изменения, затрагивающие весь строй предложения.

Сдвиг позиционной значимости падежа в безличных предложениях обычно сопровождается заметными сдвигами в семантическом содержании глагола. Выше уже отмечалось, что безличная конструкция *Ребенку не спится* выражает действие спонтанное, совершающееся помимо воли и желания лица. Средством выражения спонтанности действия является в данном случае не только безличная конструкция, но и собственно безличный глагол *спаться*, суффикс которого выражает на сей раз не возвратность, а именно самопроизвольность действия. В других случаях, однако, сама безличная конструкция придает глаголу данный грамматический оттенок. Ср. *Его вырвало*, *Его мутило* и т. п. Видоизменяя значение глагола, безличная конструкция выступат здесь в функции, родственной функции суффикса *-ся*, ср. *Его мутит* и *У него мутится в голове* с заметными расхождениями в знаменательных значениях (*мутить* в безличном употреблении обозначает состояние тошноты или дурноты, тогда как *мутиться* обозначает полуобморочное состояние), но с неизменным в обоих случаях оттенком самопроизвольности. Безличное употребление личного глагола становится здесь средством преобразования глагольного значения, превращения глаголов действия (*вырывать*, *мутить*) в глаголы самопроизвольного состояния. Синтаксическая конструкция выступает здесь на правах словообразовательной формы.

Но если в безличном предложении с одноместным предикатом выделение падежа с вторичной функцией субъекта не представляет труда, то в предложении с многоместным предикатом это дело нелегкое. В самом деле, имеются ли объективные критерии, позволяющие отличить косвенный падеж во вторичной функции подлежащего от стоящих рядом с ним косвенных падежей в обычных для них объектных функциях? Мы думаем, что такие

критерии существуют. Это, во-первых, словопорядок и, во-вторых, трансформации определенного рода.

В безличных предложениях типа *Мне хочется чаю, Его потянуло в деревню* и т. п. прямой порядок слов легко отличим от обратного, инверсионного. На первом месте в таком предложении обычно стоит косвенный падеж во вторичной функции субъекта. Постановка объектного падежа на первое место выдает инверсию, ср. *Чаю хочется мне, В деревню его потянуло*. Инверсия сопровождается, как правило, изменением интонации предложения и эмфатическим выделением объектного падежа. То обстоятельство, что при прямом порядке слов в таких предложениях на первом месте стоит обозначение лица, также немаловажно для выделения подлежащего. В повествовательных предложениях с двумя именными членами, из которых один обозначает лицо, а другой — вещь, обычно в роли субъекта выступает лицо. Это правило проявляется и в предложениях с субъектом в именительном падеже, ср. *Я попросил чаю, Брат уехал в деревню* и т. д. Выдвижение объекта на первое место означает и в этом случае инверсию, вызванную эмфатическим выделением объекта или стилистическими потребностями.

Логическая грамматика в свое время также находила подлежащее в таких предложениях, как *Мне хочется чаю* и т. п. Но при этом она руководствовалась соображениями чисто логического характера, забывая формы языка. Понятия субъекта и агенса не различались ею. Для нас же субъект — не член логического суждения, понимаемого в духе классической логики, а синтаксическая функция, обусловленная содержательной валентностью глагола. Утверждая, что при двухместном глаголе, открывающем позиции для обозначений лица и вещи, в позиции субъекта выступает, как правило, лицо, а не вещь, мы не подменяем понятие субъекта агенсом, а лишь уточняем некоторые семантические условия замещения основных позиций в предложении. Такое распределение позиций не исключает, конечно, возможности перемещения имени вещи на позицию субъекта и соответственно имени лица — на позицию объекта. Но речь в таких случаях может идти лишь о перемещении, т. е. изменении исходной нормы. Ярким проявлением вторичного размещения позиций является обращение активной конструкции в пассивную. Не менее эффективным средством перемещения позиций является обратный порядок слов (ср. *Пимы он привез из тундры*). В безличных предложениях, естественно, применим лишь второй способ (ср. *Чаю ему не хотелось*). Подобно именительному падежу в пассивных оборотах, и обратный порядок слов является способом придания обозначению вещи вторичной функции субъекта.

Подлежащее для нас — синтаксическая функция, немислимая вне языковой формы. Но формой подлежащего может быть не только падеж, но и место в предложении. В беспадежных языках

словопорядок — основная форма обнаружения основных позиционных функций. В падежных языках важную роль играют падежи, но и здесь за падежами стоит словопорядок, выступающий на передний план в безличных предложениях.

Для безличных предложений определенного типа вспомогательным средством выявления формы субъекта может служить сравнение с исходной конструкцией. При преобразовании личной конструкции в безличную глагольное управление меняется при этом только в точке, касающейся субъекта предложения. Именительный падеж заменяется косвенным, чем и достигается «обезличение» конструкции. В остальном же структура управления не меняется, объектные функции сохраняют прежние формы. Ср. *Ветер нагнал дождевые тучи* и *Ветром нагнало дождевые тучи*, *Течение вынесло лодку на середину реки* и *Течением вынесло лодку на середину реки*. Напрашивается вывод, что косвенный падеж, вытесняющий именительный в безличных оборотах данного типа, и есть падеж субъекта.

Конечно, параллелизм безличной и «личной» конструкции наблюдается далеко не всегда. Но порядок слов способствует выделению субъекта во всех безличных предложениях с многоместным предикатом. При прямом порядке слов первое позиционное место в таких предложениях всегда занимает субъект.

Роль порядка слов в этом деле столь велика, что в некоторых конструкциях порядок слов выступает как более существенный способ выделения субъекта, чем форма именительного падежа. Мы имеем здесь в виду конструкции типа *У меня есть деньги*.

Отправляясь от традиционного понимания субъекта как синтаксической функции, монополизированной именительным падежом, школьный анализ находит, что в предложении *У меня есть деньги* субъектом является словоформа *деньги*. По тем же соображениям принимается, что предложения *У меня много денег* и *У меня нет денег* — бессубъектны. Встречаются и такие поборники традиционной точки зрения, которые считают, что в предложении *У меня денег куры не клюют* субъектом вопреки явному фразеологизму является словоформа *куры*, с которой согласован глагол. Между тем все приведенные предложения имеют сходную структуру: при прямом порядке слов они всегда отводят первое позиционное место субъекту владения, а второе позиционное место — объекту владения.

Дело в том, что глагол *быть*, как и замещающая его в некоторых предложениях нулевая форма, выражает в таких случаях не просто существование или наличие объекта, а владение им. В этом своем значении он является синонимом глагола *иметь*. Ср. *Я имею машину* и *У меня есть машина*. В содержательном плане эти синонимы обнаруживают полное сходство, которое касается не только их лексической семантики, но и содержательной валентности. Оба глагола в указанном значении двухместны; они откры-

вают две позиции, одну — для субъекта владения, другую для объекта владения. Оба глагола одинаково используют словоупотребление для разграничения этих позиций: они отводят первое позиционное место в предложении субъекту владения, а второе — объекту владения.

От синонима *иметь* глагол *быть* отличается своей формальной валентностью, выражающейся в противоречащем господствующей норме управлении падежом субъекта владения и согласовании с падежом объекта владения. Отклонение от господствующей нормы легко объясняется происхождением функционально-переходного глагола *быть* с possessивным значением от непереходного глагола существования. Переход к новой конструкции послужил здесь средством изменения глагольного значения — процесс, уже не раз отмечавшийся нами в безличных оборотах.

Конечно, случаи замещения позиции прямого объекта именительным падежом резко противоречат основной функции этого падежа. Но чтобы быть последовательными, мы должны признать возможность сдвига позиционной значимости и в именительном падеже. Если в косвенных падежах сдвиг позиционной значимости выражается в возникновении вторичной функции, повышающей позиционный ранг падежа, то в именительном падеже, самом высоком по рангу падеже всей падежной системы, сдвиг позиционной значимости может выразиться только в понижении ранга падежа.

В итоге мы приходим к выводу, что предложения типа *У меня есть деньги* являются особым рода безличными конструкциями с именительным падежом во вторичной функции прямого объекта. Такие конструкции со «сдвинутым» именительным падежом — не такая уж редкость в русском языке. К числу их принадлежат еще предложения типа *У меня болит голова*. Выдвижение именительного падежа на первое место и в этом случае будет воспринято как инверсия. С безличными сближал эти предложения и А. В. Исаченко.²⁶

В предложениях последнего типа предикат непереходен, что, казалось бы, дает основание для понимания существительного в именительном падеже как субъекта. Но несмотря на свою непереходность, такой предикат имеет при себе две позиции, одну — для обозначения целого, т. е. страдающего от боли человека или животного, другую — для обозначения части тела, в которой локализуется боль. Поскольку речь идет об отношении целого и части, переходным в обычном смысле назвать такой предикат нельзя. Но бивалентность роднит его с переходными предикатами. Различие «мест» выполняет здесь особую функцию, которую, следуя Потемне, мы выше определили как функцию логической пер-

²⁶ А. В. Исаченко. Die russische Sprache der Gegenwart, I. Halle (Saale), 1962, S. 279.

спективы, устанавливающую различие непосредственного и опосредованного соотношения предиката с частью и целым.

Так как первое место в данном предложении занимает обозначение целого, то именно его и следует считать здесь субъектом. Соответственно именительный падеж части придется признать носителем вторичной функции, выделяющей особое отношение части к предикату. Ср. греч. 'Ο ἄνθρωπος τὸν δάκτυλον ἀλγεῖ 'У человека болит палец', где в роли субъекта выступает целое, а в роли дополнения — часть, но падежное оформление функций иное. В роли относительного падежа в греческом выступает не именительный, а винительный.

Косвенный падеж во вторичной функции подлежащего встречается еще в предложениях типа *С ним случилось забавное происшествие, С ним произошло несчастье, С ним приключилась беда, Ему привалило большое счастье* и т. п. И здесь прямой порядок слов предполагает постановку имени лица в косвенном падеже (нередко с предлогом) на первое место, а существительного в именительном падеже (абстрактного по своему значению) — на второе позиционное место. В предложениях этого рода речь идет о событиях в жизни лица, чаще всего случайных либо неожиданных.

Предикат, выражающий состоявшееся событие, обычно выражен эксплицитно (ср. глаголы *случиться, приключиться, произойти, свалиться, стрястись, привалить* и др.). Абстрактные имена, дополняющие глагол, либо дублируют его содержание (например, *случай, событие, происшествие, неожиданность* и т. п.), либо характеризуют событие в модальном плане, оценивая его с точки зрения благоприятности/неблагоприятности для субъекта, характера вызываемого им переживания и т. д. (ср. *счастье, радость, неприятность, беда, горе*).

Так как предикат в этих случаях носит общий характер и составляет единое целое с характеристикой события, данной в абстрактном имени, то предикат может быть заменен связкой (в настоящем времени нулевой), ср. *У него были неприятности, У него большое горе, У него семейная радость*. Связку или глагол происшествия вместе с абстрактным именем можно рассматривать как составной предикат с одноместной валентностью, открывающей позицию для субъекта происшествия. Если бы мы стали рассматривать абстрактное существительное как самостоятельный член предложения, то нам пришлось бы, скорее, считать его атрибутивной характеристикой глагольного действия, чем позиционным добавлением к глаголу.

Сообщая о событии в жизни человека, такие предложения содержат в себе лишь общую оценку события, не раскрывая его содержания. В силу этого они в информационном отношении неполны и предполагают расчлененную информацию о событии, глобально обозначенном в данном предложении. Ср. *У них большая радость*

в семье: дочь выходит замуж, У него горе: умерла мать. На базе таких сопряжений предложений возникают обобщенные предложения типа *У них дочь выходит замуж, У него умерла мать*, которые следует рассматривать как трансформации первых. Было бы, думается нам, неправильно считать эти трансформы эквивалентами элементарных предложений *Их дочь выходит замуж, Его мать умерла*. В предложениях *У них выходит замуж дочь, У него умерла мать* имплицитно содержится предикат происшествия. Структура таких предложений сложна. На первом месте в них стоит субъект происшествия; что же касается субъекта включенного предложения, оформленного именительным падежом, то он явно оттеснен на низшее по рангу позиционное место.

Случаи использования косвенных падежей в функции субъекта были, впрочем, известны и классической грамматике. Применительно к так называемым «абсолютным конструкциям» древних индоевропейских языков допускалось, что «абсолютный падеж» в них (родительный в греческом, аблативный в латыни, дательный в старославянском) выражает субъект придаточного предложения. Для страховки, однако, добавлялось, что имеется в виду «логический субъект». Что под логическим субъектом понимался не агенс, а, скорее, грамматический субъект, можно видеть из примеров типа лат. *Testamento facto, mulier moritur* 'Когда завещание было сделано, женщина умирает'. В отличие от ранее рассмотренных случаев косвенный падеж выступает здесь как компонент особой конструкции, образуемой им в сочетании с согласованным причастием; дополнительной функцией этого оборота является указание на придаточность оборота, его синтаксическую зависимость от главного предложения.

Ярким примером использования падежей в несвойственной им по рангу позиции является эргативная конструкция, широко распространенная в языках мира.²⁷

Эргативная конструкция предполагает наличие двух падежей — именительного и эргативного, используемых в позиционных функциях субъекта и прямого объекта. В формальном отношении первый из них отличается от второго своей немаркированностью. Эргативный падеж всегда маркирован. В функциональном отношении эти падежи характеризуются специфическим распределением позиционных функций. Именительный падеж функционирует как падеж субъекта при непереходном глаголе и падеж прямого объекта при переходном глаголе, эргативный падеж — как падеж субъекта при переходном глаголе.

Если в языке номинативного строя именительный падеж функционирует как падеж субъекта независимо от переходности/непере-

²⁷ См.: Эргативная конструкция предложения. Сборник статей, составленный Е. А. Бокаревым. М., 1950; Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. (Исследования и материалы). Л., 1967.

ходности глагола, то в языке эргативного строя именительный совмещает в себе функцию субъекта при непереходном глаголе с функцией прямого объекта при переходных глаголах.

Примеры из языка австралийского племени аранта могут пояснить сказанное. Ср. переходные конструкции: *Atula garra intapata* 'Мужчина убивает зверя', где *atu-la* — эргативный падеж от *atua* 'мужчина, охотник', а *garra* (им. п.) — 'зверь, добыча охотника' *Era matja tjebakaka* 'Он наломал хворосту', где *era* — эргативная форма местоимения 3-го лица, а *matja* (им. п.) — 'хворост, щепки для костра, огонь'; непереходные конструкции: *Atua lama* 'мужчина идет', где *atua* — именительный падеж в функции субъекта непереходного глагола; *Matja alknanta rataka* 'Огонь запылал' (букв. 'костер огонь вышел'), где *matja* — именительный падеж субъекта, а *alknanta* (им. п.) — приложение к нему. В языке аранта, впрочем, в функции падежа прямого объекта не всегда используется именительный падеж. В именах активных предметов (лиц, крупных животных, орудий) часто появляется особый падеж на *-na*, ср. *Era arana inkalela labilaka* 'Он рыжего кенгуру ногами затоптал', где *ara-na* — падеж объекта (от *ara* 'рыжий кенгуру').²⁸

Как правило, эргативный и номинативный строй взаимно исключают друг друга, и с этой точки зрения следует различать языки эргативного и номинативного строя. Существуют, однако, языки, в которых оба строя даны в дополнительной дистрибуции. Условия этой дистрибуции в языках «смешанного» строя не всегда одинаковы. В грузинском языке эргативная конструкция представлена только в аористе, а в некоторых новоиндийских и новоиранских языках — только в претерите. Встречаются языки, где вопреки основной норме эргативного строя в сфере переходных глаголов употребляются обе конструкции — как эргативная, так и номинативная. К языкам этого рода относятся эскимосский, чукотский и некоторые другие. Там, где условия их распределения в таких языках достаточно ясны, можно заметить, что номинативная конструкция выполняет вторичную функцию интранзитивации, что свидетельствует о первичности ее связи с непереходными глаголами.

Вышколенному в нормах традиционной грамматики уму эргативный строй представляется чудовищным извращением всех грамматических канонов. Совмещение двух, казалось бы, несовместимых позиционных функций (субъекта и прямого объекта) в одном падеже и существование двух параллельных падежей в единой функции субъекта противоречит глубоко укоренившимся взглядам на основные падежи и их синтаксические функции.

²⁸ С. Д. Кацнельсон. К происхождению эргативной конструкции. — В сб.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, стр. 33 и сл.

Стремясь примирить новые для них факты с привычными представлениями, многие последователи стали доказывать, что на самом деле никакого противоречия не существует и эргативный строй может быть так или иначе сведен к структурным особенностям номинативного строя.

Высказывались различные, подчас весьма изощренные гипотезы. Некоторые исследователи, как П. Услар, Х. Шухардт и др., склонны были отождествить эргативную конструкцию с пассивной, что плохо мирилось с фактом синтаксической непроизводности первой из них; в языках эргативного строя нет другой конструкции с переходным глаголом, обращением которой была бы эргативная конструкция. Другие исследователи видели выход в отождествлении эргативной конструкции с поссессивными конструкциями языков номинативного строя. Сочетание эргативного падежа с переходным глаголом типа *женщина (эрг. п.) шьет* интерпретировалось ими как поссессивное словосочетание *женщины шитье*. Формальным основанием для этого служила омофония эргативных и поссессивных формантов или эргативного и родительного падежа в ряде языков эргативного строя. Особенно далеко зашел по этому пути французский лингвист А. Мартинэ, пожертвовавший для этой цели не только переходными, но также непереходными глаголами и постулировавший возможность языков без категорий субъекта и предиката.²⁹ Голландский исследователь Х. К. Уленбек выдвинул гипотезу об инструментальной природе эргативного падежа. От обычного орудийного падежа эргативный, по его мнению, отличается тем, что выделяет не простое орудие, а действующее лицо, являющееся орудием в руках мифологического субъекта. Таинственная сила, управляющая действиями людей, сама в предложении не упоминается; она остается, так сказать, за кадром предложения как скрытая пружина всякого переходного действия.³⁰ В этой гипотезе, видящей в синтаксических структурах прямое отражение иллюзорных форм первобытной идеологии, все надумано. Даже в чисто лингвистическом плане эта гипотеза не выдерживает критики. Полагать, что за эргативной конструкцией таится мифологический субъект, мыслимый, конечно, в именительном падеже, значит погружаться в область недоказуемых догадок. Непонятным остается и то, почему мифологическое сознание, будто бы безраздельно владеющее умами тех, кто говорит на языках эргативного строя, ограничивает себя рамками переходных конструкций. Но распространив эту гипотезу на непереходные конструкции с именительным падежом, мы поставили бы под сом-

²⁹ A. Martinet. La construction ergative. — La linguistique synchronique. Études et recherches. Paris, 1965, p. 206 et sqq.

³⁰ C. C. Uhlenbeck. Het passieve karakter van het verbum transitivum of van verbum actionis in talen van Nord-Amerika. — Verslagen en mededeelingen der Akademie Amsterdam. Aft. Letterkunde, V, 2, 1916, p. 213—214.

нение сам именительный падеж, ради которого строились все эти предположения.

Однако чем шире разворачивались исследования в данной области, тем яснее становилось, что эргативный строй не аномалия, а один из закономерных способов выявления основных позиционных функций. Некоторые вопросы, касающиеся эргативного строя, продолжают все же оставаться недостаточно проясненными. Важнейшие из них следующие: 1) Как можно доказать, что именно формально маркированный эргативный падеж является падежом субъекта в переходной конструкции? 2) Каковы условия совместности функции субъекта и прямого объекта в именительном падеже?

Относительно первого вопроса надо заметить, что формальная маркированность падежа не является препятствием для отправления им функционально немаркированной функции субъекта. В древних индоевропейских языках именительный падеж во многих случаях выступал как формально маркированный падеж, не оставляя при этом места для каких-либо сомнений относительно его функций. Вопрос о том, как исходный для всей системы падеж мог получить маркированную форму, прямого отношения к синхронному анализу языка не имеет. Это историческая проблема, требующая историко-типологического освещения.

Важнейшей приметой эргатива как субъектного падежа в переходной конструкции является порядок слов.

Выше, при рассмотрении безличных оборотов с косвенным падежом в функции субъекта, мы уже имели возможность убедиться в том, что порядок слов играет существенную роль в выделении падежа со вторичной функцией субъекта. Конечно, эргативная конструкция многим отличается от безличной, и эргативный падеж не является падежом со вторичной функцией субъекта. Роль субъекта переходного действия для эргатива первична. Но порядок слов столь же важен для выделения эргатива в субъектной функции, как и для выделения субъекта в безличных и подобных им оборотах.

Порядок слов в эргативной конструкции особенно ярко выделяется в таком языке, как абхазский, где эргативность выражается не с помощью падежей, а иными синтетическими средствами (многопозиционным согласованием). Порядку позиционных мест в предложении здесь соответствует строгий порядок субъектно-объектных префиксов в глаголе. Из субъектно-объектных членов предложения первое позиционное место при переходном двухместном глаголе занимает, как правило, субъект, а второе — прямой объект. Расположение префиксов в глаголе обратное; здесь отсчет ведется от корня: ближе к корню стоит префикс субъекта, дальше от корня — префикс прямого объекта. В предложении с трехместным глаголом члены предложения располагаются в следующем по-

рядке: субъект — косвенный объект — прямой объект; порядок префиксов при глаголе обратный. Ср. *Ан* (1) *л-саби* (2) *ача* (3) *и-и-л-т'ойт* (4) 'Мать (1) своему ребенку (2) хлеб (3) дает (4)'; префикс класса женщин *-л* в функции субъекта непосредственно примыкает к глагольному корню, префикс класса мужчин *и-* в функции косвенного объекта стоит на втором месте от корня, префикс класса вещей *и-* в функции прямого объекта — на третьем месте от корня. Порядок членов предложения может меняться в зависимости от дополнительных функций, навязываемых речевой ситуацией и контекстом; порядок же префиксов остается стабильным.³¹

На порядок слов в падежных языках с эргативным строем до сих пор обращалось слишком мало внимания. Насколько можно судить по имеющимся материалам, и в этих языках словопорядок продолжает оставаться важным средством выделения позиционных функций. В ситуативно-нейтральных предложениях, т. е. предложениях, не подвергшихся воздействию так называемого актуального членения и логического ударения, эргативный падеж занимает, как правило, Первое позиционное место, оттесняя именительный падеж в функции прямого объекта на второе позиционное место. Это обстоятельство представляется нам немаловажным доводом в пользу признания эргатива падежом субъекта.

Другим аргументом в пользу такого признания является направленность переходного действия. Переходный глагол в эргативной конструкции всегда активен, он отличается направленностью действия от агенса, выраженного эргативным падежом, к объекту воздействия, выраженному именительным падежом. Если бы направленность действия была обратной, то эргативную конструкцию пришлось бы признать пассивной. Но пассив, как известно, является вторичной формой, синтаксически производной от актива. Он может существовать в языке только как трансформация актива и без актива немыслим, тогда как актив в качестве первичной формы возможен и без пассива. Во многих языках с эргативной конструкцией пассив отсутствует, а там, где он имеется, он не совпадает с эргативной конструкцией. Признавая эргативную конструкцию активной, мы тем самым признаем, что эргатив в ней — падеж субъекта. Любопытно отметить, что в некоторых иранских языках, где глагольная форма в эргативной конструкции сложилась на базе пассивного причастия, она подверглась «переосмыслению» и, согласно единодушному мнению исследователей, в современном языке функционирует как актив.³²

³¹ Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология. Под редакцией Ш. К. Аристава, Х. С. Бгажба и др. Сухуми, 1968, стр. 91—92. — За консультации по абхазскому языку и приведенные здесь примеры приношу свою благодарность И. О. Гецадзе.

³² И. А. Смирнова. О характере спряжения переходных глаголов в прошедшем времени в курдских диалектах центральной группы. — В сб.:

В ряде эргативных языков глагол в эргативной конструкции согласуется только с именительным падежом. Ср. лакск. *Уссил лу буккай* 'Брат книгу читает', где глагол *буккай*, как показывает префикс б-, согласован по классу с прямым дополнением *лу* 'книга'.³³ Исследователь, воспитанный на нормах индоевропейской морфологии, в которой согласование глагольного предиката с именительным падежом является приметой субъекта, может поддаться искушению и в этом случае рассматривать согласование как указание на подлежащее, или, что то же, субъект. Но, учитывая прочие факты эргативных языков, на которые мы ссылались, придется, скорее, признать, что согласование в лакском носит объектный характер, а не субъектный, как в индоевропейском. Исторически в этом можно видеть следствие возникновения эргативной (т. е. переходной) конструкции на базе именительной (т. е. непереходной) конструкции. Но такое предположение выводит нас за пределы синхронного рассмотрения языка.

В именительном падеже эргативных языков удивляет не столько его двухфункциональность, сколько то, что в нем совмещены две позиционные функции. Условия соседства этих функций вполне ясны. Различие переходной и непереходной конструкции надежно предохраняет их от смешения. Но совмещение двух позиционных функций в одном падеже нуждается в объяснении. Номинативный строй, как было показано, характеризуется строго иерархическим распределением позиционных функций между основными падежами системы. В каждом позиционном падеже первичной является лишь одна из позиционных функций. Присваивая одному падежу две первичные позиционные функции, эргативный строй нарушает, казалось бы, фундаментальный принцип, на котором зиждется вся падежная парадигма. Именно этот факт, не всегда, впрочем, достаточно ясно осознаваемый, и тревожит больше всего всякого, кто, отправляясь от норм индоевропейских языков, впервые сталкивается с эргативным строем.

Омофония двух позиционных функций сбивает нас с толку главным образом потому, что номинативный строй приучил нас противопоставлять «субъект вообще» «прямому объекту вообще», как если бы это были абсолютно противоположные и взаимоисключающие синтаксические категории. Но субъект непереходного действия и субъект переходного действия — не одно и то же. Хотя оба субъекта выступают как носители признака, выраженного предикатом, только первый из них владеет этим признаком абсолютно; второй же обладает им лишь относительно, в известном смысле разделяя этот признак с объектом. Участвуя на разных основа-

Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, стр. 142 и сл.; см. также: Л. А. Пирейко. К вопросу об эргативной конструкции в иранских языках. — Там же, стр. 135 и сл.

³³ Л. И. Жирков. Лакский язык. Фонетика и морфология. М., 1955, стр. 63.

ниях в едином переходном действии, субъект такого действия и объект необходимо предполагают друг друга. Непосредственным носителем предикативного признака является при этом только субъект, но поскольку без объекта действие немислимо, причастным к предикативному признаку является и объект. Непереходный субъект находится вне этой корреляции и не может быть отождествлен ни с субъектом переходного действия, ни тем более с объектом. Он возвышается над этой корреляцией как нейтральный по отношению к ней позиционный член предложения.

Только в переходной конструкции возникает необходимость формального разграничения субъекта и прямого объекта. Для этой цели может быть использовано различие маркированной и немаркированной падежной формы. Если немаркированная форма достается субъекту и той же немаркированной формой отмечен субъект непереходной конструкции, то в строе языка имеет место совпадение субъектных форм. Если же немаркированная форма достается прямому объекту, то в общей немаркированной форме объединяются функции непереходного субъекта и прямого объекта. Реализация первой из этих возможностей дает нам номинативный строй, реализация второй из них дает эргативный строй.

Анализ безличных предложений и эргативной конструкции, проведенный в настоящем разделе, показал, что и в Падежных языках с их специальными позиционными падежами значительную роль в выявлении позиционных функций играет словопорядок. Совмещение противоположных позиционных функций в одном падеже, как и употребление непозиционных падежей в позиционных функциях, противоречит основному принципу, по которому распределяются субъектно-объектные функции в падежной системе. Отступление от принципа становится возможным только потому, что словопорядок корректирует всякий раз подобное отступление. Но если словопорядок, являющийся единственным средством выражения позиционных функций в беспадежных языках, сохраняет свою значимость и для падежных языков, то это значит, что позиционные падежи дополнительно осложняют строй языка. Они либо дублируют словопорядковые формы, либо употребляются вразрез со своими позиционными функциями. Сложность падежной системы выражается не только в том, что образующие ее падежи многофункциональны и объединяют в себе гетерогенные функции. Сложность ее заключается и в том, что господствующие в ней позиционные падежи могут выполнять несвойственные им функции, как позиционные, так и непозиционные.

3. Некоторые выводы

Разобранные в настоящей главе грамматические факты позволяют конкретнее определить морфологические категории, которые, как мы видели, составляют главным образом особенность синтетиче-

ских языков. В аналитических языках морфологические категории встречаются относительно редко.

Морфологические категории предстают перед нами ближайшим образом как серии словоформ, присущих определенным частям речи. Основанием для выделения таких серий словоформ служат некоторые, бросающиеся в глаза особенности этих форм, формальные и содержательные. В ходе дальнейшего анализа выясняется, что каждая такая серия словоформ представляет собой определенным образом упорядоченную корреляцию оппозиций, так называемую парадигму словоизменения. Каждая парадигма насчитывает определенное число элементов, между которыми распределены все относящиеся к данной парадигме словоформы. Для парадигмы падежей такими элементами являются отдельные падежи (именительный, родительный и т. п.), для парадигмы чисел — отдельные числа (единственное, множественное и т. п.).

Элементы парадигмы выявляют в процессе дальнейшего исследования определенный, свойственный каждому из них набор содержательных функций, обычно несводимый к тем общим формальным и содержательным функциям, по которым производилось первоначальное выделение словоформ. Лишь опустошенные морфологические категории, как категория грамматического рода, не обнаруживают содержательных грамматических функций. Но и такие категории нередко обнаруживают дополнительные содержательные функции, только не грамматические, а словообразовательные или стилистические.

Конкретный набор функций, присущих данному элементу парадигмы, например единственному числу в парадигме чисел или родительному падежу в парадигме падежей, как правило, несводим к единой для данного элемента содержательной функции. «Общих значений», за которыми охотятся сторонники принципа изоморфизма формы и содержания в языке, в реальности не существует. Все попытки свести конкретные функции родительного падежа к общей категории «генитивности» или конкретные функции форм совершенного вида — к общей категории «совершенности» окончились неудачей.

Соотношение между формой и ее содержанием принимает в морфологических категориях сложный и противоречивый характер. Морфологические категории — это не двусторонние языковые единицы, легко распадающиеся на «означающее» и «означаемое». Достаточно вспомнить использование морфологических категорий в функции согласования. Формы, обладающие категориальной функцией числа или падежа, выступая в функции согласования, становятся подсобным средством для образования синтаксических форм, в свою очередь осуществляющих определенную функцию.

Конкретные функции, осуществляемые морфологическими категориями, неоднородны. Среди них, как мы видели, имеются функции как содержательные, так и формальные. Но даже абстраги-

руясь от последних, мы не найдем в них единообразия. То, что обычно называют «значением» морфологической категории, при ближайшем рассмотрении может оказаться содержательной функцией несемантического свойства. Редукционный анализ обнаруживает множество содержательных функций, точное определение которых не всегда возможно из-за недостаточной разработанности типологии грамматических функций. Одной из основных задач, встающих перед исследователем языка, является Поэтому классификация типов содержательных функций и уточнение их взаимоотношений с семантикой.

Внутренняя усложненность морфологических категорий проявляется также в их специфической значимостной структуре, обусловленной распределением функций между отдельными формами. Полифункциональность отдельных форм и синонимические связи между разными формами образуют сложную сеть перекрещивающихся связей в системе. Отсутствие изоморфизма между формами и их функциями сказывается на взаимоотношениях грамматических форм со словами, от которых они образуются, и на взаимоотношениях грамматических функций с лексическими значениями, к которым эти функции приложимы.

Сфера употребления морфологической категории определяется сферой употребления присущих ей функций. Некоторые функции имеют сравнительно узкую область распространения. Так, в функции обстоятельства времени или места, осуществляемой тем или иным падежом, могут выступать только существительные, выражающие временные и пространственные отношения. В функции количественной актуализации, свойственной формам грамматического числа, могут, как известно, выступать только считаемые имена. Позиционные функции, выражаемые падежами субъекта и прямого объекта, в принципе образуются от любого существительного и, следовательно, охватывают все пространство данной части речи. Наиболее широкую сферу употребления имеют некоторые формальные функции. Так, функция согласования, осуществляемая грамматическим числом, подчиняет себе не только существительные, но и согласуемые с ними части речи.

В силу несовпадения сфер употребления отдельных функций, присущих той или иной морфологической категории, приходится различать общую сферу употребления данной морфологической категории и частные сферы употребления ее единичных функций. Легко заметить, что общая сфера употребления морфологической категории определяется той ее функцией, которая имеет наиболее обширную область употребления. Общая сфера употребления категорий числа или падежа равна, таким образом, сфере употребления присущей этим категориям формальной функции согласования. Если содержательные функции, составляющие основной нерв морфологической категории, имеют сравнительно ограниченную сферу действия, то вторичные по происхождению формальные функции

играют решающую роль в распространении сферы действия данной категории и увеличении ее веса в грамматической системе данного языка.

Разрывы между сферами употребления отдельных функций отражают сложность и внутреннюю противоречивость морфологических категорий. Следует к тому же заметить, что область реального употребления содержательной функции не всегда совпадает с областью ее применимости. Ярким примером такого несовпадения может служить категория направленного и ненаправленного движения в русском языке. Бинарные оппозиции типа *бежать*—*бежать*, *ходить*—*идти*, *бродить*—*брести*, *возить*—*везти*, *носить*—*нести* и т. п. выражают различие движения, совершающегося в одном направлении, и движения, лишённого определенного направления. Немаркированный член оппозиции, выражающий ненаправленное движение, имеет еще значение многократного движения независимо от того, совершается ли оно всякий раз в одном направлении или в разных. Различие направленного и ненаправленного движения в принципе приложимо к любому глаголу, выражающему перемещение предмета в пространстве. На деле, однако, не все такие глаголы принимают соответствующие формы. Ср. *двигаться*, *мчаться*, *скакать*, *кататься*, *скользить*, *волочиться*, *ковылять* и др. Морфологические категории этого рода, не покрывающие всю потенциальную область их применения, можно назвать гипокатегориями. В большинстве случаев морфологические категории обнаруживают тенденцию к расширению области своего употребления и к перерастанию в своего рода гиперкатегории. Впрочем, одно не исключает другого. Гипертрофированные морфологические категории, совмещающие множество формальных и содержательных функций, нередко содержат в себе некоторые гипокатегории. Так, падежи с функцией обстоятельства места не покрывают всю функциональную область своей применимости, часть которой заполняется наречиями и обстоятельственными местоимениями.

Но даже тогда, когда функция морфологической категории в общем совпадает с полем ее применимости, момент гипертрофического употребления формы полностью не исключается. На примере форм числа мы могли убедиться в том, что функция количественной актуализации, в принципе приложимая к любому считаемому имени, необходима далеко не всегда. В ряде случаев ситуативные и контекстуальные условия делают ее излишней. Между тем морфология языка настойчиво требует от говорящего употребления грамматической формы и в нейтральных контекстах, где она избыточна. Строгая обязательность употребления, постоянно ставящая говорящего перед альтернативой употребления одной из форм данного ряда, заметно отличает морфологическую категорию от неморфологизованных категорий других языков.

Элемент избыточности, столь ярко характеризующий морфологические категории, может дать повод для отрицательной оценки

языков синтетического строя. Такие оценки можно подчас слышать из уст людей, в зрелом возрасте изучающих чужой язык. Но проблема большей или меньшей трудности освоения чужого языка взрослыми, при всей ее практической важности, не может явиться отправным пунктом для типологической квалификации языков. И не только потому, что освоение родного и чужих языков протекает у детей совсем не так, как у взрослых. Типологическая оценка языка должна основываться на глубоком анализе выразительных возможностей языков и общих условий функционирования языка как социальной коммуникативной системы.

Содержательные функции, выполняемые морфологическими категориями, далеко не исчерпывают всего многообразия функций, выполняемых формами языка. Избыточные в грамматическом отношении формы могут стать основой для выражения тонких стилистических нюансов и эмоций и прагматических нужд, не безразличных для развитой мысли. Не следует также упускать из виду, что для такой сложной системы, как язык, структурная избыточность является необходимой предпосылкой надежной и устойчивой работы в различных условиях. Отказываясь от предубеждений старой морфологической классификации языков, третирующей аналитические языки как языки, будто бы лишенные грамматического строя, мы не склонны вместе с тем односторонне превозносить их за их будто бы абсолютную техничность и экономность в средствах выражения. Для объективного и строгого сопоставления строя отдельных языков, основанного на всестороннем учете их многообразных функций, время, думается нам, еще не созрело. Цели, которые мы ставим здесь перед собой, несравненно более ограничены. Нас интересуют взаимоотношения языковых форм с основными категориями речевого мышления. Для того чтобы выявить лежащие в основе морфологических категорий мыслительные формы, необходим редуцирующий анализ, учитывающий специфическое соотношение таких категорий с категориями аналитического строя.

«СКРЫТАЯ» ГРАММАТИКА
И ФОРМЫ ЕЕ ОБНАРУЖЕНИЯ

1. Грамматика «явная» и «скрытая»

Порождаемые синтетической морфологией гипертрофированные категории-молекулы, о которых говорилось в предшествующей главе, не являются единственной трудностью, поджидающей исследователя на пути к универсальным грамматическим категориям. Не меньшие, если не большие, проблемы ставит перед ним так называемая «скрытая грамматика», догадки о существовании которой давно уже высказывались многими лингвистами.

«Скрытая грамматика» — это грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов. В письме к Абель-Ремюза В. Гумбольдт писал: «В китайском языке основой для понимания является контекст, из которого часто должен выводиться грамматический разбор. Даже глагол можно узнать только по его глагольному значению. К китайскому языку никак не применим метод, обычный при занятиях классическими языками, когда отыскиванию слов в словаре предшествует морфологический разбор и анализ конструкций». Габеленц считал мнение Гумбольдта «несколько преувеличенным», поскольку и в китайском языке имеются элементы эксплицитной морфологии. Габеленц, в частности, указывал на то, что в китайском языке отчетливо выделяемы части речи.¹ Этим, однако, не снимается значение сделанного Гумбольдтом замечания о роли лексических значений и контекста в распознавании грамматических форм.

В языках изолирующего, или, как мы бы сказали, аналитического, строя действительно велик удельный вес явлений, не получающих прямого и непосредственного выявления во внешней структуре языка. Основную нагрузку в плане выражения грамматических отношений здесь несут внутренние связи — типы значе-

¹ Georg v. d. Gabelenz. Chinesische Grammatik mit Ausschluß des niederen Stils und der heutigen Umgangssprache. Leipzig, 1881, S. 331, § 849 (прим.). Там же цитируется упомянутое письмо Гумбольдта.

ний, их принадлежность к тому или иному разряду, типы сочетаемости слов и т. д.² Неслучайно поэтому первые замечания о грамматической роли лексических значений и контекста были сделаны применительно к китайскому языку. Но скрытая грамматика менее всего паллиатив, к которому прибегают языки, не имеющие «подлинных» форм. Все больше и больше данных указывают на то, что грамматика этого типа заложена в природе любого языка и что именно она является основой всякого грамматического строя. В общих чертах эту идею высказывал уже Потебня.

Грамматическая форма, говорил Потебня, «со своего появления и во все последующие периоды языка есть значение, а не звук. Формальность языка есть существование в нем общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка, одновременно со своим появлением в мысли».³ Внешняя морфология обусловлена, с такой точки зрения, внутренней формальностью языка. Звуковое обнаружение форм вытекает из необходимости объективировать мысль. Однако отношения между формальным значением и его звуковой опорой не всегда однозначны. На первых порах формальное значение требует звукового выражения. Но укрепшая мысль больше уже не нуждается, по мнению Потебни, в сохранении грамматических формантов, и этим отчасти объясняется процесс падения форм во многих индоевропейских языках.

В русской грамматической традиции идея скрытой грамматики получила дальнейшее развитие в трудах Шахматова, Щербы, Пешковского и др. Особенно ярко проявились эти взгляды в трактовке частей речи. Выделяя морфологические и синтаксические признаки грамматических классов слов, Шахматов отмечал: «Морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи».⁴ Без синтаксических признаков они малоказательны, но и вместе с последними не дают достаточно полного представления о грамматической классификации слов. «Имеются и более глубокие основания для такого различия — основания семасиологические».⁵ Знаменательным частям речи соответствуют категориальные различия в структуре «наших представлений», которые делятся на субстанции, качества-свойства, действия-состояния и отношения. Номенклатура категорий, называемых Шахматовым, в общем повторяет традиционную. Указывая, что прямого соответствия между данными категориями и грамматическими классами слов установить невозможно, Шахматов

² А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., 1952, стр. 15 и сл.; Н. Н. Коротков. Структурная типология, язык-эталон и задачи общей теории языка. — В сб.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965, стр. 94.

³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, 1888, стр. 52—53.

⁴ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 420.

⁵ Там же, стр. 427.

настаивал лишь на том, что грамматические различия в конечном счете восходят к различиям «семасиологического» порядка.

Более последовательно и конкретно идея скрытой грамматики проводится в теоретических работах Щербы. В датированной 1924 г. статье «О частях речи в русском языке» подчеркивается важность семантического фактора для рассматриваемой проблемы. В языковой системе различаются «общие категории», под которые подводится то или иное лексическое значение. Внешними выразителями этих категорий являются не только внешние морфологические средства, как аффиксация, ударение, интонация и т. п., но также «особые вспомогательные слова» и «синтаксическая связь».⁶ Смысловая сторона является определяющей: «Не видя смысла, нельзя еще устанавливать формальных признаков, так как неизвестно, значат ли они что-либо, а следовательно, существуют ли они как таковые».⁷ Доминирующая роль смыслового фактора сказывается и в том, что при некоторых обстоятельствах язык обходится без звукового обнаружения категории. «Если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или другое слово под данную категорию: если мы знаем, что какаду — название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное».⁸ Ориентация на семантические признаки ощущается и в расширительном толковании служебных слов.

Служебные слова, выделенные традиционной грамматикой, не исчерпывают состав грамматических слов, широко представленных в системе любого языка. Склонение и спряжение слов не должно служить помехой к зачислению их в разряд грамматических. Чтобы резче подчеркнуть недостатки традиционного понимания служебных слов, Щерба предпочитает позднее говорить о «строевых элементах языка», в роли которых может выступать «любая часть речи».⁹ Хотя критерии выделения «строевых слов» остаются недостаточно уточненными, тем не менее новая, более широкая постановка вопроса о грамматических словах заслуживает серьезного внимания. Раздвигая рамки грамматики, она намечает существенный аспект тех глубинных грамматических явлений, которые по большей части ускользали до сих пор от взора исследователей, склонных к отождествлению грамматических форм с суффиксами или префиксами.

В американской лингвистике вопросами скрытой грамматики живо интересовался Б. Уорф. В грамматическом строе языка он различал категории «явные» (*overt categories*) и «неявные», или

⁶ Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М., 1957, стр. 64.

⁷ Там же, стр. 65.

⁸ Там же, стр. 66.

⁹ Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики, М., 1947, стр. 78 и сл.

«скрытые» (covert categories). Категории первого типа выражаются формальными показателями, за редкими исключениями присутствующими в любом предложении, воспроизводящем данную категорию. Какого типа эти показатели и наличествуют ли они в самом слове или рядом с ним в предложении — не суть важно. Категории второго типа формального выражения, как правило, не получают. Только в виде исключения они изредка отмечаются показателем, как например категория интранзитивности в английском языке.¹⁰ Смысловое содержание речи складывается, таким образом, в результате взаимодействия «явных» (фенотипических) и «скрытых» (криптотипических) категорий.¹¹

Криптотипами в специальном смысле Уорф называл скрытые категории с очень тонкими смысловыми оттенками, выявляемые по их взаимодействию с некоторыми формами. Так, английский послелог *up* 'полностью, до конца' не может появляться при глаголах: а) выражающих неограниченное рассеивание или разбрасывание, как *spread* 'раскидывать, расстилать', *waste* 'расточать', *scatter* 'разбрасывать, разбрызгивать, рассеивать', *spend* 'тратить, расходовать' и др.; б) выражающих колебательное движение, когда оно не затрагивает частей целого (можно, например, сказать *rock a cradle* 'качать колыбель', но не **rock up a cradle*); в) выражающих моментальное действие, как *kill* 'убивать'; г) выражающих направленное движение (при этих глаголах послелог *up* выражает движение вверх).¹² В сущности, речь идет о выделении грамматических подклассов или, как их еще называют, лексико-грамматических разрядов по признаку их сочетаемости с теми или иными грамматическими элементами.

Установленные Уорфом различия явных и неявных категорий конкретизируют в ряде существенных пунктов содержание скрытой грамматики. Можно ожидать, что развитию этой проблематики будут способствовать и исследования в области порождающей грамматики, связанные с именем Н. Хомского и его единомышленников. Принятое в порождающей грамматике разграничение глубинных и поверхностных структур непосредственным образом затрагивает только синтаксические структуры. Пока синтаксические структуры резко отграничивались от семантики, проблемы скрытой грамматики могли вставать только в виде исключения. Но наметившийся недавно в порождающей грамматике поворот к семантическим проблемам обещает наполнить понятие «глубинных структур» реальным содержанием, имеющим прямое отношение к «внутренней формальности» языка, составляющей основу содержательной грамматики.

¹⁰ B. L. Whorf. Language, Thought, and Reality. Cambridge (Mass.)—N. Y., 1959, 88—89.

¹¹ Там же, стр. 72.

¹² Там же, стр. 70—71.

Из исследователей, систематически разрабатывавших интересующую нас тему, следует еще назвать немецкого языковеда Э. Кошмидера. Подобно Уорфу, он также говорит о скрытых категориях, именуя их «категориями подразумеваемого содержания» (Kategorien des Gemeinten). Категории этого рода образуют, согласно Кошмидеру, внутренний логический каркас языка. Язык по своей внешней структуре не логичен, в нем много непоследовательностей, но категории подразумеваемого содержания образуют в нем стройную логическую систему. «Все понятия, с которыми в изобилии имеет дело описание языка, как множественное и единственное число, настоящее, будущее и прошедшее время и т. д., являются категориями подразумеваемого содержания, и, будучи совершенно независимыми от языковых средств их выражения, они связаны между собой прочными взаимоотношениями, которые не меняются оттого, что в каком-либо языке угадываются только из контекста либо выражаются не грамматическими средствами». Проникнуть в эту подспудную систему — основная задача синхронического описания языка.¹³

Скрытая грамматика является, как мы видим, предметом исканий многих языковедов. Именно в ней они стремятся найти ответ на коренные вопросы грамматики, не получившие еще разрешения. Представления разных ученых о глубинной грамматике не всегда совпадают. Некоторые исследователи видят в ней специфическую категориальную сетку, своего рода логику языка. Другие проявляют сдержанность в гносеологической оценке ее содержания, отмечая лишь ее непосредственную связь с семантикой языковых форм. Но в главном, можно сказать, мнения сходятся. Все согласны в том, что отношения между формой и содержанием в грамматике противоречивы не только в том смысле, что одной грамматической функции может соответствовать несколько форм, и, напротив, одной грамматической форме может соответствовать несколько функций, как мы это видели в предыдущей главе, но еще и в том более глубоком смысле, что не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах данного языка. Многие грамматические категории оказываются, с такой точки зрения, запрятанными в значениях слов и синтаксических связях слов в предложении.

Высказанные в этом направлении предположения заставляют по-новому взглянуть на предмет и задачи грамматик. Каким бы исчерпывающим и полным ни казалось нам грамматическое описание какого-либо языка, оно по самому существу дела не может быть полным, пока в нем не находят отражения неявные категории языка и прочие элементы скрытой грамматики. Широко известно замечание Сэпира: «Все грамматики неполны». О «не-

¹³ E. Koschmieder. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965, S. 19.

полноте» грамматик говорят также исследователи, имевшие дело с преподаванием языков. «Существующие грамматики, — подчеркивал Щерба, — далеко не исчерпывают всех нужных для владения данным языком грамматических и лексических правил. Их по необходимости приходится дополнять языковым материалом в сыром виде, предоставляя стихийному процессу выявление этих недостающих правил».¹⁴

Наличие значительных лакун в описательных грамматиках объясняется не столько недостаточным охватом исходных данных, сколько недостатком метода, ориентированного на внешние грамматические формы. Грамматика сравнима с айсбергом, большая часть которого скрыта под водой. Для исследования скрытых грамматических форм необходимы новые методы, предполагающие анализ содержательной стороны языка.

2. Формы обнаружения и функции скрытых категорий. Вещественные и категориальные компоненты лексических значений

Скрытые категории — это подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке. Из сказанного, однако, не следует, что скрытые категории вообще никакого звукового выражения не имеют и обретаются, так сказать, в «эфире чистого духа». Как и все элементы мысли, они необходимо требуют звукового выражения, но выражаются они не прямо, не непосредственно, а окольным путем, при посредстве слов и словесного контекста. Если скрытые категории, как иногда говорят, «угадываются из контекста», то только потому, что в контексте содержатся достаточно четкие и недвусмысленные указания на этот счет. Не лексические значения и синтаксические связи сами по себе, а грамматические оформленные и сочетающиеся в предложении словесные знаки являются выразителями скрытых категорий. В звуковой оболочке слов, синтагматических и фразовых единиц вместе с другими смысловыми компонентами получают выражение и скрытые категории.

Некоторые примеры пояснят, что здесь имеется в виду.

Предложения *Стол был накрыт скатертью* и *Стол был накрыт официантом* имеют сходную формальную структуру. Но в содержательном плане их структуры резко расходятся. Обнаружить это можно разными путями, например путем синтаксической трансформации. Преобразовав эти предложения из пассивных в активные, мы получим два предложения, различающихся не только по своей содержательной структуре, но и формально, ср. *Стол накрыли*

¹⁴ Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе, стр. 75.

скатертью и *Официант накрыл (на) стол*. Раскрывая «деривационную историю» пассивных предложений, мы убеждаемся в том, что их содержательные структуры не совпадают. Трансформация, таким образом, делает явными различия, скрывавшиеся под поверхностью единой формальной структуры. Экспликация «омонимических» предложений достижима и другими способами. Можно, например, осуществить ее путем синонимической замены глаголов, ср. *Стол был застлан скатертью* и *Стол (для еды) был приготовлен официантом*. Но только семантико-грамматический анализ может объяснить, как и почему различные по содержанию структуры могут уживаться в рамках формально единой структуры.

Анализируемые предложения отличаются друг от друга прежде всего лексическим наполнением формы творительного падежа, ср. *скатертью* и *официантом*. Но с различием лексем связано более глубокое различие грамматических функций. Дело в том, что *скатерть* и *официант* — это существительные с разными категориальными признаками. *Скатерть* относится к существительным, обозначающим артефакты, изготовленные вещи, изделия рук человеческих. Для этого круга вещей характерно, в частности, их предназначенность для определенной цели; выражающие их слова содержат в себе идею целевого назначения. Слово *официант* относится к другому разряду существительных. Оно обозначает не вещь, а лицо, к тому же лицо с определенным родом занятий. Категориальные признаки вещи и лица, целевого назначения и, так сказать, «занятности» тривиальны и самоочевидны для всякого, кто владеет языком. Их роль в грамматике менее очевидна, хотя многие исследователи, так или иначе, давно уже считались с категориями данного типа.

Категориальные признаки вещи и лица во многом предопределяют функцию существительного в творительном падеже. Поскольку *официант* — это лицо, то творительный падеж лица в сочетании с пассивным предикатом однозначно разъясняется как обозначение агенса. Поскольку, с другой стороны, *скатерть* — вещь и не просто вещь, а изделие, предназначенное для определенных нужд, то творительный падеж выражает в этом случае орудийность в широком смысле.

Скрытые категориальные признаки выступают, таким образом, здесь как различители функций орудийности и агентивности. Но на этом их дистинктивная функция не кончается. Дело в том, что глагол, от которого образовано причастие, семантически неоднороден. В одном примере он означает 'покрыть, прикрыть нечто сверху', а во втором — 'приготовить стол для еды'. Преодоление полисемии совершается в контексте, и только что отмеченные категориальные признаки являются теми ингредиентами контекста, которые устраняют лексическую двусмысленность предиката. Так как *скатерть* — это то, чем покрывают стол, то в сочетании с этим словом предикат может иметь только первое значение. Так как,

далее, официант — это лицо, исполняющее действие, то в сочетании с ним предикат необходимо получает второе значение, предполагающее действующее лицо. Категории изделия и лица осуществляют тем самым функции различителей лексических значений.

Разбор приведенных примеров показал, что в их содержании скрываются категориальные признаки, выполняющие формальную дистриктивную функцию, подобную той, которую выполняют сплошь и рядом внешние формы (вспомним приведенные в предшествующей главе случаи уточнения позиционных функций и ограничения глагольной полисемии с помощью форм падежей и глагольного управления). Именно категориальные компоненты слов, уточняя взаимоотношения слов в предложении, делают излишним присутствие специальных формантов.

Выделение категориальных признаков, выполняющих содержательные и формальные функции, обусловлено членимостью и разложимостью значений. А. М. Пешковский в свое время писал: «Грамматика начинается только там, где не только звуки, но и значение слова признается нецельным, разложенным, расщепленным на отдельные элементы».¹⁵ Это положение становится аксиомой теоретической грамматики.

Приведем еще несколько примеров функционирования категориальных признаков в качестве смысло- и форморазличителей.

Сопоставляя предложения *Огонь заставил противника залечь*, *Дождь заставил ее вернуться*, *Шорох заставил его вздрогнуть*, можно и в этом случае под единой формальной структурой разглядеть различие нескольких содержательных структур. Начнем с анализа значений глагола *заставить*.

Основное значение глагола *заставить*₁ каузативное. Как и всякий каузативный глагол, данный глагол в каузативном значении предполагает наличие двух взаимодействующих партнеров, из которых один (инициатор или косвенный исполнитель действия) воздействует на другого с целью добиться от того исполнения определенного действия, а другой (прямой исполнитель действия) в результате оказанного на него воздействия совершает угодное первому партнеру действие. Так как партнеры по-разному участвуют в ситуации, то действие складывается из двух связанных между собой поступков — производимого инициатором побуждения и производимого его партнером результирующего действия. К общему значению каузативности в *заставлять*₁ добавляется лишь момент принуждения, насильственного воздействия.

*Заставить*₂ и *заставить*₃ каузативного значения не имеют. Для этого в соответствующих предложениях отсутствуют необходимые предпосылки: нет взаимодействующих лиц и соответственно нет двух сопряженных поступков. В предложении *Дождь заставил ее вернуться* указана причина, вызывавшая вынужденный поступок

¹⁵ А. М. Пешковский, Избр. тр., М., 1959, стр. 76.

лица. Но причина и инициатива — категории разного порядка. Единственное, что связывает *заставить*₂ с *заставить*₁ — это вынужденный характер поступка, совершаемого действующим лицом. Но одно дело вынужденный поступок, продиктованный чужой волей, а другое — вынужденный поступок, совершаемый под давлением обстоятельств. *Заставить*₂ может быть эксплицировано следующим образом: это предикативный признак события или факта, вынуждающего какое-либо лицо к действию, идущему вразрез с его прежними намерениями. Событие выступает в данном случае как причина, приводящая к пересмотру ранее принятого решения.

*Заставить*₃ еще дальше отходит от исходного значения глагола. И на этот раз глагол выражает воздействие внешнего события или факта на поведение лица. Но качество признака заметно меняется: событие выступает как причина произвольного действия лица. Признак намеренности действия, сопутствовавший двум первым значениям, теперь исчезает. В прежних значениях намеренность действия сочеталась с его вынужденным характером. Действующее лицо хотя и действовало против воли и желания, но действовало намеренно, сообразуясь с обстановкой. Теперь же момент воли и желания полностью отсутствует. От прежних значений остается лишь независимость действия от воли и желания, но раньше она была подчиненным моментом, а теперь характеризует действие в целом.

По каким же приметам распознаются отмеченные значения слушателем? В самом глаголе *заставить* нет ничего, что позволило бы отграничить одно значение от других. Но в каждом из приведенных предложений необходимо содержатся скрытые категории, позволяющие ухватить его общий смысл. Существенную роль в этом отношении играют существительные в позиции субъекта. В первом предложении отсутствует прямое указание на инициатора действия, но каузативное значение глагола обнаруживается тем не менее достаточно ясно. Различителем служит здесь подлежащее *огонь*, которое в значении 'стрельба, обстрел' является именем фактитивного действия и необходимо предполагает действующее лицо. Имя действия здесь своего рода метафора, заменяющая деятеля. При желании метафору эту можно раскрыть, ср. *Бойцы интенсивным огнем заставили противника залечь*. В остальных примерах в функции субъекта выступают обозначения явлений природы (*дождь, шорох*), что сразу исключает возможность каузативной конструкции. Разница между вторым и третьим предложением дополнительно обусловлена лексическими значениями инфинитивов (одно содержит в себе категориальный признак произвольного действия, а другое — категориальный признак произвольного действия).

Семантико-грамматический анализ значений слов открывает, таким образом, в них релевантные в грамматическом отношении категориальные признаки.

Характеризуя в том или ином отношении значения знаменательных слов, они позволяют группировать последние в разряды или классы, отличающиеся единством грамматического функционирования. Такие классы или разряды в грамматической литературе последних десятилетий выделяются под разными названиями. Их называют то лексико-грамматическими, то семантико-грамматическими разрядами, то еще грамматическими подклассами слов.

Грамматические подклассы или, точнее, разряды лексических значений отчасти были уже известны традиционной грамматике. Вспомним деление существительных на имена одушевленные и неодушевленные или выделение таких классов глагола, как *verba movendi*, *verba sentiendi* и т. д. Но выделение грамматических подклассов носило в ней характер эпизодический и зачастую ориентировалось на формальное поведение слов. Системные свойства грамматической классификации слов и ее семантическая основа не выявлены в достаточной мере еще и сейчас.

В ходе изложения нам встречались такие подклассы существительных, как имена событий, имена естественных и искусственных вещей, имена лиц и др. Из глагольных подклассов нам попадались фактитивные и каузативные предикаты, а также предикаты намеренного и произвольного действия. Категориальные признаки лексических значений выполняют не только семантико-грамматические функции, но во многих случаях также формальную функцию смысловозначения. Полисемия и омонимия слов часто, как мы видели, ограничивается в контексте с помощью категориальных признаков соседних членов предложения.

К грамматическим функциям категориальных признаков относится также функция синтаксической связи. При рассмотрении падежных функций (стр. 50 и сл.) нам пришлось говорить о различии формальной и содержательной валентности глагольных предикатов. Содержательная валентность имеет прямое отношение к теме настоящего раздела, так как она обусловлена категориальными признаками глагольных значений, их принадлежностью к определенным грамматическим подклассам. Так, глаголы давания содержат в себе категориальные признаки посессивности и фактитивности (*дать* значит сделать так, чтобы объект владения перешел от одного лица к другому). Именно поэтому они открывают три позиции: одну для субъекта (лица), другую для прямого объекта (чаще всего вещи) и третью для косвенного объекта (лица). Ср. *Он послал ей книгу*. Каузативные глаголы предполагают инициатора и непосредственного исполнителя определенного действия. Поэтому они открывают позиции для субъекта (лица), прямого объекта (лица) и имени действия, ср. *Он уговорил его не ехать*. Аффективные глаголы заключают в себе категориальные признаки лица и возбудителя, причины данного переживания. Соответственно этому они открывают позиции для субъекта (лица или, шире,

способного к эмоциям живого существа) и объекта (события). Ср. *Он обрадовался гостю* (т. е. приходу гостя).

Забегаая вперед, заметим, что кроме позиционной валентности существуют и другие типы предикативной валентности. Можно, например, сказать *Он долго смотрел, долго ждал, долго искал* и т. д., но обозначения длительности невозможны при глаголах мгновенного действия, как *вздрыгнуть, познаться, вспомнить* и т. д. Только длительные (курсивные) глаголы предполагают меру длительности и допускают соответствующие уточнения. Глаголы мгновенные таких определений не допускают. Показатели длительности возможны при них только при условии, если мгновенное действие повторяется много раз. Можно сказать *Он долго прыгал, стучал, моргал* и т. д. Но определение длительности относится в таких случаях не к мгновенному действию, а к возникшему на его базе итеративному значению.

Определения типа *нарочно, нечаянно, усердно, старательно, лениво, небрежно* и т. д. возможны только при глаголах, обозначающих действия, зависящие от намерения и произвола действующего лица. При глаголах непроизвольного действия они невозможны. Выражения типа *Он усердно спит, небрежно радовался* и т. п. возможны только, если при этом имеется в виду имитация действия (например, в актерской игре). *Он усердно спит* может, впрочем, иметь и другое (ироническое) значение: 'Он любит спать, старается использовать любую возможность, чтобы поспать'.

Под явными синтаксическими связями, выражаемыми синтаксической морфологией, скрываются, таким образом, глубинные, запятанные в лексических значениях синтаксические связи. В содержательном плане глагольный предикат — это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения. Предикат имеет «места» или «гнезда», заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальным признаком «гнезда». Сочленение внешних форм в предложении воспроизводит лишь частично внутреннее сочленение лексических значений, предопределенное во многом валентностью предикативного признака и скрытыми категориями «заполнителей» его гнезд. Скрытые категории глагола определяют его валентность. Скрытые категории имен определяют их способность замещать «места» при глаголе.

Скрытые категориальные признаки функционируют и в качестве форм внутренней деривации. Не только слова, но и лексические значения связаны между собой синхронно-деривационными связями. Но семантическая деривация не всегда совпадает с лексической. Разнокоренные слова *возить* и *ехать* в смысловом отношении родственны. *Возить* в своем основном значении — это фактив к *ехать*. Если *ехать* означает 'перемещаться при помощи

каких-либо средств передвижения', то *возить* означает 'перемещать кого- или что-либо с помощью средств передвижения'. К значению *ехать* присоединяется здесь категориальный признак фактивности. Глагол *бросать* в одном из своих значений, определяемом словарями как 'небрежно бросать, давать падать' (ср. *бросать окурки на пол*), отличается от *ронять* оттенком произвольности и преднамеренности действия. При общей семантической основе эти глаголы обнаруживают различие категориальных признаков произвольности и непроизвольности.

Слова с общей семантической основой могут различаться между собой не только категориальными (т. е. грамматическими), но и лексико-семантическими признаками. Ср. *догонять* и *следовать за*. Первый глагол добавляет к значению второго ряд новых признаков. *Догонять* значит 'двигаться за кем- или чем-либо как можно быстрее с целью догнать движущийся впереди предмет, полностью сблизиться с ним'. Среди присоединяемых признаков имеются категориальные признаки интенсивности, цели и предела (движение догоняющего должно быть быстрым, интенсивным; целью такого движения является полное сближение с предметом, движущимся впереди; пределом, дальше которого данное действие продолжаться не может, является момент достижения цели). Грамматический характер перечисленных признаков не вызывает как будто сомнения. Но как быть с признаком сближения, осложняющим первый глагол, является ли он грамматическим признаком или лексико-семантическим, знаменательным?

Производным второй степени от глагола *следовать за* будет *преследовать* (в прямом значении). От производного первой степени *догонять* новый глагол отличается присоединением дополнительного действия: 'догнав преследуемого, нанести ему ущерб, уничтожить'. В материальном содержании добавочного действия снова содержатся категории цели и предела. Действие может считаться исчерпанным по достижении второго, т. е. окончательного, предела. Категориальные признаки цели и предела сочетаются теперь со значениями 'нанести ущерб, уничтожить', которые вряд ли мы отнесем к числу грамматических значений. Здесь снова встает вопрос об объективных критериях, позволяющих установить разницу между признаками грамматическими и собственно лексическими в составе лексического значения.

Необходимость в разграничении грамматических и собственно лексических компонентов в значениях слов возникает не только при анализе глаголов, но также имен. В слове *яблоко*, например, анализ обнаруживает кроме категориального признака предметности, грамматическая природа которого бесспорна, еще и другие компоненты, в том числе признаки спонтанного роста и созревания. Как расценивать эти последние признаки? Являются ли спонтанность процесса и развитие категориальным признаком? Для скрытой грамматики это вопросы не праздные.

Другой пример. 'Лампа' — это прибор, или устройство, предназначенное для освещения. В составе значения здесь вычлениются признаки предмета, изделия, прибора, или устройства, и др. Являются ли в с е названные признаки категориальными или т о л ь к о признак предметности?

Когда семантический анализ открывает в составе значения такие признаки, как одушевленность или неодушевленность, фактитивность или каузативность и т. п., то сомнений не возникает, так как эти категории давно известны в грамматике. Другое дело — признаки, не освященные грамматической традицией. В этом случае исследователю приходится самостоятельно решать, относится ли данный признак к числу грамматических или собственно лексических. И тут он замечает, что грамматическая теория не предлагает ему готовых рецептов.

Вопрос о специфике грамматических значений всплыл в нашей науке еще в прошлом веке, но тогда он ставился в границах «явной грамматики». Различая значения формальные, или грамматические, и вещественные, или лексические, наука того времени определяла их в зависимости от способа выражения: то, что выражается корневой морфемой словоформы, есть вещественное значение, а то, что выражается аффиксом, есть значение грамматическое. В таком подходе явно сквозил флективный фетишизм, господствовавший тогда в языкознании. Наиболее ярко, как известно, он проявился в морфологической классификации языков, для которой языки без аффиксов были «аморфными», т. е. грамматически бесформенными языками. Природа грамматических значений определялась, таким образом, тогда не изнутри, не путем анализа самих значений, а извне, по способу их звукового обнаружения, как если бы между выражением и выражаемым в языке существовал абсолютный параллелизм.

В наши дни явственно обозначились две тенденции в трактовке грамматических значений. Одна из них сводится к полному отрицанию грамматических значений и последовательной асемантизации грамматических функций. Развивая эту точку зрения, многие языковеды приходят к пониманию грамматики как чисто структурной области, независимой от содержания языковых единиц. Выдвигаемый в этой связи «принцип автономности грамматики и семантики» постулирует прежде всего автономность синтаксиса, его нейтральность по отношению к лексическим значениям. Синтаксические структуры являются, с такой точки зрения, чисто формальными структурными схемами, допускающими любое лексическое наполнение. Для морфологии хотя и принимаются категориальные значения, но специфичными для нее считается не тип значения, а его обязательность. Принцип автономности грамматики утвердился в некоторых направлениях структуральной лингвистики под влиянием семиотики и логического позитивизма. Некоторую роль сыграло, впрочем, и стремление преодолеть ро-

мантический тезис о тождестве флективной формы и грамматического значения.¹⁶

Противоположная трактовка грамматических функций проявляется в стремлении удержать тезис об их семантической. Смысловое содержание слов и функциональное содержание грамматических форм одинаково рассматриваются при этом как разновидности значений. Только разницу между ними усматривают теперь не просто в способе выражения, но и в качественных особенностях их содержания. Так, например, нередко ссылаются на большую абстрактность грамматических значений сравнительно с лексическими.

Обе трактовки грешат односторонностью и неполнотой. Функции грамматических форм многообразны и не поддаются сведению к одному типу. Наряду с семантическими функциями грамматические формы выполняют и формальные, чисто структурные функции. Тезис об асемантической грамматике поэтому столь же ошибочен, как и тезис о семантической всех грамматических форм.

С примерами асемантических функций мы уже сталкивались выше при рассмотрении морфологических категорий. Что, в самом деле, непосредственно выражают формы какого-либо падежа? Ничего, кроме указания на место этих форм в парадигме и способность их получить в предложении одну из многих — формальных или семантических — функций, закрепленных за этим падежом в системе данного языка. Позиционные категории субъекта и прямого объекта также непосредственно лишены семантико-грамматической функции. В позиции субъекта и прямого объекта может появиться едва ли не любое существительное, что свидетельствует о независимости этих функций от лексических значений и содержательной валентности предиката. Ниже (гл. IV разд. 4) будет показано, что позиционные функции определяются не природой речевого мышления, а проективными свойствами языка как знаковой системы особого рода и некоторыми коммуникативными свойствами актов речевого общения.

С другой стороны, примерами семантико-грамматических функций могут послужить многие функции, выполняемые падежами в предложении. Если сам по себе какой-либо падеж не имеет определенной семантической функции, то при содействии категорий скрытой грамматики в предложении он может ее получить. Так, имя лица в дательном падеже при предикате речи обретает семантико-синтаксическую функцию адресата речи, а название орудия в творительном падеже при предикате фактитивного действия — функцию орудия, при помощи которого совершается данное действие.

¹⁶ См.: У. Вайнрайх. О семантической структуре языка. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. V. М., 1970, стр. 196—197.

Термин «грамматическое значение» имеет право на существование только в применении к семантико-грамматическим функциям. Именно последние интересуют нас в первую очередь, когда мы говорим о скрытой грамматике. Чтобы отграничить семантико-грамматические функции от несемантических, необходимо подвергнуть тщательному анализу все грамматические функции и на этой основе разработать учение о типах грамматических функций. Несмотря на многовековое развитие грамматики, такой грамматической дисциплины еще не существует. Она, можно сказать, зарождается в наши дни.

Предварительным условием анализа грамматических функций является их выделение, что уже само по себе представляет большую трудность. Грамматические формы обычно опознаются по способу их обнаружения. Но даже синтетико-морфологическая форма, обычно расцениваемая как бесспорный показатель грамматичности выражаемой ею функции, не всегда гарантирует нам успех. Формы слов нередко выражают различие пола, величины и т. п. Для того чтобы такие различия признать грамматическими, нужны не только внешние приметы, но и внутренние, вытекающие из анализа функционального содержания, критерии.

Проблема как отграничить грамматические значения от лексических становится особенно острой при рассмотрении строевых слов. Многие слова, как подчеркивал Л. В. Щерба, выражают значения, близкие к грамматическим, ср. *быть, делать, становиться, пытаться, длиться, каждый, любой, весь, очень, обычно, внезапно, само собой* и т. п. Лишь немногие слова этого типа зарегистрированы грамматикой как «служебные». Из рассмотрения таких слов явствует, что лексемы не всегда имеют именно лексическое значение. Но чтобы с уверенностью отличать строевые слова и не смешивать их со знаменательными, нужны критерии функционального порядка.

Проблема соотношения лексических и грамматических значений встает перед нами по-новому, как только от слов и грамматических форм мы переходим к явлениям скрытой грамматики. В самих значениях знаменательных слов компонентный анализ открывает теперь сложное сцепление грамматических и неграмматических признаков. В глаголе *копать*, например, вычленяются грамматические признаки фактитивности, итеративности, внешней предельности, цели наряду с представлениями о трудовых операциях определенного рода и связанных с ними предметах. В глаголе *благодарить* содержатся признаки ответного действия, речевой информации и некоторые другие наряду с представлениями о предусмотренных валентностью глагола участниках данного действия. В слове *камень* содержатся грамматические признаки предметности, неодушевленности, дискретности, вещественности и другие наряду с конкретными представлениями о внешнем виде и свойствах предмета. Слово *горячий* содержит в себе грамматические

признаки качества, интенсивности, свойства (т. е. способности обжигать) наряду с представлениями о предметах, обладающих данным качеством.

Именно грамматические, или, точнее, категориальные, признаки в содержании слова образуют инструментарий скрытой грамматики. На основе категориальных признаков совершается сочленение слов в предложении, при содействии категориальных признаков уточняются функции полифункциональных морфологических элементов. Всякая грамматика остается поэтому фрагментарной и неполной, пока не будет выявлен инвентарь категориальных признаков, лежащих в основе речевого мышления.

Задача эта невероятно трудна и потребует усилий многих исследователей. Решение ее невозможно без кооперации представителей смежных специальностей — логики, генетической психологии, патопсихологии, нейрохирургии. В следующей главе мы коснемся лишь некоторых, самых общих вопросов, касающихся категориального каркаса языка и речи.

3. Некоторые выводы

Догадки о существовании «внутренней формальности» в системе языка были высказаны еще в прошлом столетии А. А. Потебней. В отличие от гумбольдтовой «внутренней формы языка», ориентированной на генетико-этимологический аспект языковых форм, «внутренняя формальность» Потебни имела явную функционально-грамматическую направленность и была своего рода предчувствием «скрытой грамматики». В XX в. идеи скрытой грамматики развивались рядом исследователей и в первую голову Л. В. Щербой, Б. Л. Уорфом и Э. Кошмидером. Существенным результатом исследований в этой новой области было понятие скрытой категории (криптотипа). Компонентный анализ лексических значений, получивший широкое распространение в последние десятилетия, обещает стать существенным подспорьем в разработке проблем скрытой грамматики.

Скрытые категории выполняют ряд существенных функций в строе языка. Важнейшими из них являются содержательные функции грамматической классификации слов на классы и подклассы, а также функции синтаксической валентности и скрытой деривации лексических значений. Подробное исследование типов и функций скрытых категорий является актуальной задачей грамматического исследования, так как явная, или внешняя, грамматика, воплощенная в грамматических формах того или иного языка, строится на базе скрытой, или внутренней, грамматики и является неполным и во многих случаях морфологически усложненным ее отображением.

Кроме содержательных функций скрытые категории обнаруживают, как мы видели, формальную функцию смысловозначения.

Содержательные функции скрытой грамматики во многом совпадают с функциями грамматических форм в «явной» грамматике. Эти функции, как мы видели, многообразны. Многие из них давно уже выделены традиционной грамматикой. Но достаточно полного и систематического учения о типах грамматических функций и их роли в грамматической системе языка все еще не существует. Типология грамматических функций — важный раздел лингвистической теории, недостаточная разработка которого отрицательно сказывается как на состоянии грамматики, так и на типологии языков.

Для понимания сущности грамматики и специфической природы грамматических функций важно еще выяснить, что представляют собой категории, скрытые в значениях слов. Обнаруживаемые компонентным анализом лексических значений скрытые категории даны постоянно в сплаве с вещественными семантическими компонентами, отличить которые от категориальных признаков не всегда легко. Когда скрытые категориальные признаки известны из грамматики (как признаки предметности, качества и действия одушевленных и неодушевленных предметов), то грамматический характер таких признаков в общем не вызывает сомнений. Но как быть с категориальными признаками, не встречающимися в грамматике? Имеются ли объективные критерии, позволяющие отличить категориальные признаки от других компонентов лексического значения? Иначе говоря, существует ли принципиальное внутреннее различие между грамматическими и вещественными элементами значений? Поскольку грамматические компоненты лексических значений в принципе не отличаются от грамматических значений, выражаемых внешними грамматическими формами, то поставленные нами вопросы сводятся к более общему: существует ли принципиальное различие между грамматическими содержательными функциями и вещественными значениями?

Вопрос о грамматических «значениях» решался в традиционной грамматике применительно к способу выражения. То, что выражается грамматическим показателем, есть грамматическое значение. Такое решение вопроса приводило к тому, что выражаемые в ряде языков формативами половые или возрастные различия признавались грамматическими значениями, а выражаемые словами различия начала или завершения действия (ср. русск. *начинать*, *кончать* и т. п.) считались неграмматическими. Теперь же всплывает вопрос об определении грамматических содержательных функций изнутри, по типу выполняемой ими функции. Не решив этого вопроса, мы, конечно, не сможем и в составе лексических значений отделить категориальные компоненты от вещественных, или эмпирических.

МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВЫ
ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ1. Язык, речь и процессы речемыслительной
деятельности

Теоретические основания грамматики и типология грамматических функций могут быть выяснены с достаточной убедительностью и полнотой только при условии предварительного определения статуса грамматического строя в общей системе языка и роли грамматических операций в процессах речевой деятельности. Понятия системы языка и речевой деятельности являются поэтому ключевыми для рассматриваемых нами вопросов.

Со времен Гумбольдта в теории языкознания продолжался процесс кристаллизации понятий «система языка» и «речь». Важнейшими вехами в отработке этих важных понятий явились после Гумбольдта работы Штайнталя, Габеленца, Потенби и Бодуэна де Куртенэ. Итоги всему развитию подвел в начале нашего века Ф. де Соссюр, в острой и парадоксальной форме отчеканивший понятия «языка» (*langue*) и «речи» (*parole*) как двух полярных форм существования многообразных и противоречивых в своей совокупности «речевых явлений» (у Соссюра *langage*).¹ Понятия языка (системы языка) и речи вошли с тех пор в инвентарь основных понятий общей теории языка.

Обособление понятий языка как системы и речи как формы обнаружения элементов языка поставило в порядок дня лингвистических исследований проблему соотношения языка и речи.

¹ Русский переводчик соссюровского «Курса» А. М. Сухотин, в целом блестяще справившийся с сложной и трудной задачей воспроизведения тонких и неожиданных ходов соссюровской мысли, не нашел адекватной замены для термина *langage* как совокупности всех речевых явлений. Использованный в русском переводе термин «речевая деятельность» может сбить с толку своим компонентом «деятельность», подчеркивающим процессуальный момент, отсутствующий в соссюровском разграничении понятий. Во всяком случае «речевую деятельность» в смысле соссюровского *langage* не следует смешивать с «речевой деятельностью» в понимании Л. В. Щербы, о которой речь пойдет несколько дальше.

Анализируя процесс употребления языкового кода, Соссюр, согласно Гodelю, выделял в нем три звена или фазы: 1) отбор «означаемых» применительно к данной ситуации и сочетание их с акустическими образами; 2) конструирование фраз из комбинаций словесных знаков и 3) фонационное исполнение комбинаций знаков с помощью голосового аппарата. Но только центральное звено — конструирование синтаксических цепочек — он считал существенным в лингвистическом плане для понимания перехода от языка к речи. Остальные звенья, по его мнению, прямого отношения к языку не имеют и представляют поэтому лишь побочный интерес.²

Речь есть процесс (или результат процесса) выражения мысли средствами языка. Это признавал и Соссюр, характеризуя речь как «комбинации, при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодексом с целью выражения своей личной мысли».³ Вместе с тем, определяя отношение речи к языку, он видел в ней реализацию языковой потенции, своего рода «исполнение» языка. «Язык,— писал он,— можно сравнить с симфонией, реальность которой не зависит от способа ее исполнения; ошибки, которые могут сделать разыгрывающие ее музыканты, ничем не нарушают этой реальности».⁴ Реализация мысли с помощью языка и «исполнение» языка как готового произведения, разумеется, не одно и то же. Но для Соссюра язык был совокупностью «значимостей», т. е. абстрактных элементов системы, отношение которых к мысли и к звучанию не входило, по его мнению, в систему языка. Ограждая язык от «посторонних» влияний, Соссюр последовательно удалял из него все субстанциональное, все, что, по его трактовке, относилось к ведению психологии, акустики или физиологии. В итоге в языке оставались только знаки, состоящие из абстрактных «означающих» и «означаемых». Реализация этих знаков в речевой цепи и составляла сущность речи, по Соссюру.

Р. Гodelь справедливо писал по этому поводу: «Но если речь — это акт передачи мысли с помощью языковых знаков, а не просто знаки, состоящие из членораздельных звуков, то удивительно, что Соссюр постоянно называет ее исполнением (*exécution*), этот термин представляется особенно неподходящим. Для этого имеются, быть может, два основания. Прежде всего он не занимался тем, что он называл реализацией означаемого, т. е. употреблением общего знака применительно к конкретной ситуации. Иногда кажется, что он подразумевал это, говоря о „потребностях речи“, о связанных с ней „обстоятельствах“.

² R. Codel. Les sources manuscrites du cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève—Paris, 1957, p. 154—155.

³ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Русск. пер. М., 1933, стр. 38.

⁴ Там же, стр. 41.

Но эта чисто психическая операция не могла привлекать его внимания, и он допускал ее лишь на периферии лингвистики, так же как он поступил и в отношении ее физиологического аналога — фонации . . . С другой стороны, как широко Соссюр ни понимал речь, он совершенно не склонен был подчинять язык речи . . . Обратное воздействие мысли на знаки представлялось ему менее важным, если не вовсе ничтожным».⁵

Годель объясняет нам, как пришел Соссюр к своему пониманию речи, какими мотивами и общими соображениями он руководствовался, но термин «исполнение» не становится от этого более адекватным. Язык не «исполняется» в речи подобно тому, как симфония исполняется в игре музыкантов. Исполнение симфонии воспроизводит всякий раз данное музыкальное произведение, сохраняющее свое тождество, несмотря на различие интерпретации и промахи отдельных исполнителей. В речи же язык присутствует не как система со всеми присущими ей структурными особенностями и богатством содержания. Язык вливается в речь не как целостная структура, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми сообразно потребностям сообщения и получающими в речи свое особое, специфическое для данного текста построение.

Структура языка и структура сотканного из языковых элементов речевого произведения не совпадают. Целью речевого общения является не «исполнение» языка, не прямое или косвенное воспроизведение его структуры, а осуществляемое при посредстве языка сообщение, речевая коммуникация. Конечно, в некотором смысле можно сказать, что система языка содержится в речи. Именно из речи ее извлекает всякий, кто овладевает данным языком в процессе речевого общения, — ребенок, усваивающий основы родной речи, или взрослый, попавший в иноязычную среду. Из речи извлекает систему языка и исследователь, описывающий данный язык. Но «извлечение» языка из речи — не прямолинейный и непосредственный акт восприятия «готовой» структуры, заложенной в данном тексте, а результат длительного анализа многочисленных и разноструктурных речевых сообщений, классификации и обобщения результатов анализа.

Более определенно, чем у Соссюра, решается вопрос о соотношении речи с языком в свете теории «уровней лингвистического анализа». Сторонники этой теории прямо не ставили этого вопроса быть может потому, что разработка теории уровней велась преимущественно американскими дескриптивистами, которые либо не знали соссюровских понятий «язык» и «речь», либо сознательно пренебрегали ими.⁶ Все же имплицитно в их взглядах содержится определенное решение этого вопроса.

⁵ R. Godel. Les sources manuscrites. . . , p. 154—155.

⁶ См.: Э. Хауген. Направления в современном языкознании. - В сб.: Новое в лингвистике, I. М., 1960, стр. 245.

Теория уровней⁷ исходит из параллелизма речевой и языковой структур: в основе обеих структур она находит последовательность элементов разных «уровней». Лингвистический анализ вычленяет из речевого потока отдельные фразы, синтагмы, словоформы, морфемы и т. д. вплоть до фонем и их дистинктивных признаков. Свойству последовательной членимости (или членораздельности) речи в структуре языка соответствует в таком понимании стратификация языковых единиц по различиям их «величины» или «формата». Речь, таким образом, в своей членораздельности воспроизводит структуру языка.

Нельзя не признать, что такое понимание соотношения языка с речью более конкретно и вразумительно, чем простое сравнение речи с исполняемой симфонией. Выделяемые последовательной сегментацией речи единицы разного формата необходимо являются элементами как речи, так и языка. В этом нет и не может быть никаких сомнений. И все же картина, рисуемая теорией уровней, в ряде отношений неверна.

Следует прежде всего заметить, что тезис о членимости речи на отрезки последовательно убывающей величины является натяжкой. Объективное членение речи может производиться либо в зависимости от ее звуковой структуры, либо же в зависимости от ее содержательной структуры. Сечения, производимые в одном и другом случае, необязательно совпадают в силу отсутствия изоморфизма между планами формы и содержания в языке. Реально существуют, таким образом, два независимых типа членораздельности, предполагающих различную иерархизацию «уровней» языковой структуры.

Речь характеризуется, во-вторых, не только членораздельностью, не только дискретностью своих «составляющих», но также объединением и сращением их в непрерывные единства. Акцентируя первое свойство речевой структуры, теория уровней теряет из виду другое. Из кирпичиков-фонем складываются в процессе речи и слоги, и морфемы, и слова, и единства высших типов вплоть до предложения и целостного сообщения, состоящего из фразовых и надфразовых единств. Согласно теории уровней, одна составная единица отличается от другой только форматом или уровнем образования. Процесс развертывания речевого ряда представляется ей в виде процесса постепенной сборки сложного агрегата из узлов, которые в свою очередь собираются из разборных деталей, или, если угодно, в виде процесса постепенного

⁷ См.: G. L. Trager and H. L. Smith. *An Outline of English Structure*. (Studies in Linguistics: Occasional Papers, 3). Washington, 1957, p. 11, 54; Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 108; Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1965, стр. 434 и сл. См. также: С. Д. Кацнельсон. О теории лингвистических уровней. — В сб.: Вопросы общего языкознания. М., 1964, стр. 32 и сл.

набора текста из типографских литер. Качественные различия реальных языковых единиц не принимаются этой теорией в расчет, все сводится к различиям «уровней сборки»; единица одного «уровня анализа» отличается в такой интерпретации от другой только степенью своей сложности и ничем иным. Но словоформа, например, относится к морфемам, из которых она «составлена», совсем не так, как морфема относится к фонемам, из которых она в свою очередь «состоит». Смысловая связь значимых элементов, наличная в словоформе, внутри морфемы отсутствует. Даже в рамках одного типа членораздельности нельзя утверждать, что отношение единицы одного уровня к единице ближайшего низшего уровня такое же, как отношение последней к единицам низшего уровня, из которых она состоит, что, например; фонетическое слово относится к слогу так же, как слог относится к фонеме.

Теория уровней не учитывает, далее, того обстоятельства, что деривационные связи между элементами двух соседних уровней могут в принципе быть разнотипными. Теория уровней знает лишь один тип деривации, согласно которому единицы одного уровня складываются из единиц ближайшего низшего уровня, например словоформы складываются из морфем. Но образование словоформ можно объяснить и как следствие словоизменения. В парадигме словоизменения производные формы образуются путем преобразования одной формы, исходной, в другую, производную от нее, например форма дательного падежа *земле* разъясняется как производная от формы именительного падежа *земля*. Процесс преобразования форм принципиально отличается от процесса сцепления морфем. Если процесс складывания словоформ из морфем основывается на предположении о самостоятельности морфем и их независимости от слов, то процесс преобразования словоформ исходит из понимания морфем как частей целого, вне целого не существующих и способных изменяться только в рамках целого. Одностороннее понимание деривационных связей в духе теории уровней несет с собой опасность произвольного обособления структурно подчиненных элементов и конструирования языковых единиц, самостоятельной значимости в системе языка не имеющих.

К недостаткам теории уровней относится, наконец, и ее одностороннее увлечение синтагматикой речи. За членораздельностью речевых явлений она не замечает косвенно отражающихся в речи парадигматических связей. А. Мартинэ правильно отмечал привычку последователей Блумфилда «истолковывать все применительно к речевому потоку, а также их упорное нежелание рассматривать парадигматические отношения как обладающие некоторой реальностью».⁸ Но одной синтагматики, как заметил еще А. А. Потебня (пользовавшийся, разумеется, иной терминологией

⁸ А. Мартинэ. Принцип экономии в фонетических исследованиях. М., 1960, стр. 40.

гией), «недостаточно для понимания входящего в нее (т. е. в речь, — С. К.) слова».⁹ Неслучайно поэтому столь важная конститутивная единица языка, как слово, выпадает из иерархии языковых единиц во многих вариантах теории уровней.

Понятие «уровня» переносит сегментные свойства речи прямо и непосредственно в систему языка, отождествляя тем самым структуру речи и структуру языка. Проблема функционирования языка и перехода от языка к речи при таком подходе даже не встает. Все происходит так, как если бы единицы разных уровней просто выстраивались в линейный ряд, определяя сегментное построение речи.

В более широком плане проблема соотношения речи и языка была поставлена Л. В. Щербой в его знаменитой статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании».

В общей «совокупности языковых или речевых явлений» (понятие, соответствующее у Щербы сосюрсовскому понятию *langage*) теперь выделялись не два основных аспекта, как прежде, а три: наряду с системой языка, определяемой как словарь и грамматический строй, и речью как результатом процессов говорения теперь появляется новый аспект — речевая деятельность общающихся индивидов.

Речевая деятельность — это процессы говорения и слушания-понимания, опосредующие переход от системы языка к речевым текстам («необязательно литературным», как подчеркивает Щерба). Процессы говорения активны; они создают речевые тексты. В процессе говорения мы «сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые». Внешний процесс соединения слов отражает при этом внутренний процесс сложения смыслов, в результате которого получается «не сумма смыслов, а новые смыслы». Но «не менее активными» и не менее важными, чем процессы говорения, являются, по мнению Щербы, и «процессы понимания, интерпретации знаков языка». Исследование речевой деятельности упирается, таким образом, не только в проблемы собственно языковые, но и в сложные вопросы «сложения смыслов» и их понимания.¹⁰

Процессы говорения и понимания опосредуют не только переход от системы языка к речи, но в некотором смысле и переход от речи к системе языка. В процессе функционирования языка совершенствуются и обогащаются речевые способности индивидов, их языковые знания. Усвоение языка в детстве также совершается

⁹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, 1888. стр. 34.

¹⁰ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1931, стр. 113—114.

при посредстве речи. Индивидуальное знание языка — это по своему происхождению «неупорядоченный лингвистический опыт, иначе говоря, сумма отдельных актов говорения и понимания, имевших место в истории данного индивида . . . и длящихся в воспоминании».¹¹ Накоплению языковых знаний способствует не только активный процесс говорения, но также процесс понимания, являющийся «пробным камнем для процесса говорения; если понимание не наступает или если оно идет не так, как ожидал этого говорящий, то это сигнализирует ему о каких-то дефектах в процессе его говорения».¹²

Тексты или речевые материалы, возникающие в процессе речевого общения, являются отправным пунктом и для исследователя языка. Система языка не дана в непосредственном опыте и наблюдении. Внутренняя организация языковых фактов может быть выведена только путем сложных умозаключений из языкового материала. «Человечество в области языкознания искони и занималось подобными умозаключениями, делаемыми, однако, не на основании актов говорения и понимания какого-либо индивида, а на основании всех (в теории) актов говорения и понимания, имевших место в определенную эпоху жизни той или иной общественной группы».¹³ О том, каким образом могут быть реконструированы процессы речевой деятельности, Щерба не говорит. Выделив новый аспект речевых явлений, он ограничивается общими замечаниями о соотношении его с другими аспектами. Система языка, речевая деятельность и речевые произведения — это, по Щербе, не три автономные области, резко отграниченные одна от другой.

Ф. Соссюр, как известно, настаивал на том, что язык и речь — две независимые сферы. При теоретическом осмыслении языковых явлений исследователь, по словам Соссюра, неизбежно приходит к «развилке дорог, следовать по которым одновременно не представляется возможным; надо отдельно идти по каждой из них».¹⁴ Щерба, напротив, подчеркивает взаимозависимость и взаимосвязь выделенных им аспектов. «Само собою разумеется, — пишет он, — что все это несколько искусственные разграничения, так как очевидно, что языковая система и языковой материал — это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности, и так как не менее очевидно, что языковой материал вне процесса понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (т. е. языковой системы) невозможно».¹⁵ Три аспекта языковых явлений — это

¹¹ Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1947, стр. 64.

¹² Там же.

¹³ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений. . . , стр. 114.

¹⁴ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 43.

¹⁵ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений. . . , стр. 115.

абстрактные моменты живой целостности, невозможные один без другого и в сумме составляющие противоречивое единство. Каждый из аспектов должен быть выделен в его отличии от других, но определение своеобразия каждого аспекта невозможно без оглядки на другие аспекты, без выяснения условий его взаимодействия с другими моментами.

Речевая деятельность, протекающая в процессах говорения и понимания.— это языковая система в действии, или функционирование языка. Вне этого функционирования невозможны ни «производство» речевых произведений (т. е. «сложение смыслов» и говорение), ни их «потребление» (т. е. слуховое восприятие). Вне функционирования языка не существует и языковой материал. Тексты на мертвом языке, которые никто не читает, являются таковыми только в потенции.

Независимо от Щербы, но совсем другими путями пришел к проблематике речевой деятельности Н. Хомский. Хотя его порождающая грамматика не ставит перед собой задачу моделирования реальных процессов говорения и слушания, как они протекают в актах речевого общения, однако, выясняя общие теоретические предпосылки функционирования языка, она способствует их лучшему пониманию. Попытка воссоздать в деталях внутреннюю структуру процессов, связанных с формированием предложений, является тем новым, что порождающая грамматика внесла в теорию языка.

Н. Хомский начинает с того, что Щерба называл языковым материалом. В понимании автора «Синтаксических структур» это множество или корпус, готовый набор отдельных, не связанных между собой предложений. Не целостные сообщения и связные тексты, а разрозненные предложения произвольной длины служат ему сырьевой базой при разработке теории языка. Это обстоятельство, как увидим, накладывает специфический отпечаток на всю его грамматическую теорию.

Каждое предложение имеет, по Хомскому, свою внутреннюю историю, свою синтаксическую родословную. Лишь простейшие повествовательные предложения, как *Джон идет* или *Джон бьет Билла*, не имеют «деривационной истории» и могут рассматриваться как исходные или «ядерные» структуры, образованные путем развертывания их компонентов по схеме дерева. В массе же предложения являются производными от одной или нескольких ядерных структур. Так, русское предложение *При задержании браконьер оказал яростное сопротивление* имеет в своей основе три ядерных предложения: *Браконьера задержали*, *Он оказал сопротивление*, *Сопротивление было яростное*. Слияние этих ядерных предложений в одно происходит в результате ряда преобразований: прямой объект первого ядерного предложения преобразуется в субъект производного предложения, предикат первого ядерного предложения превращается в отглагольное имя, оформ-

ленное предложным падежом с предлогом *при*; второе ядерное предложение становится матричной структурой, в которую включаются результаты преобразования остальных ядерных предложений; из второго ядерного предложения элиминируется местоимение *он*, и т. д. Хомский исходит из того, что все такие преобразования совершаются по заданной схеме, заключающей в себе не только схемы исходных ядерных структур, но также схемы всех трансформаций, которым подлежат эти структуры. Конечные образования, возникающие в результате процессов трансформации, Хомский называет «поверхностными»; предшествующие им в процессе «деривационной истории» структуры начиная с начальной трансформационной схемы он называет «глубинными». Раскрытие динамики синтаксических структур и роли процессов синтаксической деривации в формировании предложений — важнейшая заслуга грамматического учения Хомского.

Грамматику Хомский определяет как автоматическое устройство, порождающее предложение, или, что, по его мнению, одно и то же, как устройство, сопоставляющее каждое поверхностное предложение с деривационной историей этого предложения. Процесс порождения протекает, по Хомскому, в собственно синтаксической сфере, не затрагивая ни семантики, ни фонологии, которые подключаются к этому процессу в качестве специфических «интерпретаций». Начальной фазе процесса соответствует, согласно этой теории, «семантическая интерпретация», наполняющая лексемы смысловым содержанием (вспомним соссюрговскую «реализацию означаемых»), а результирующей его фазе соответствует «фонологическая интерпретация», приводящая к «звуковому исполнению» порожденного высказывания. Процессам порождения синтаксических структур и их фонологической интерпретации порождающая грамматика уделила много внимания. Существует ряд конкретных разработок в этом направлении. Что же касается семантической интерпретации, то она остается «белым пятном» в новой теории.

Отсутствие семантического звена в порождающей схеме — не просто пробел, временно остающийся незаполненным. Достройка здания без переделки его основания в данном случае невозможна. Включению проблем семантики в порождающую грамматику мешает лежащее в ее основании понимание соотношений синтаксиса с семантикой и сведение семантики к простой «интерпретации» или, в терминологии Соссюра, к «исполнению» синтаксических схем.

Грамматика, по Хомскому, асемантична. Понимая под семантикой исключительно лексическое значение, Хомский писал: «Предполагая, что синтаксическая структура может пролить свет на проблему значения и понимания, мы вступаем на опасную почву. Не существует иного аспекта лингвистического исследования, вызывающего больше путаницы и недоразумений и более

нуждающегося в ясной и тщательной формулировке, нежели проблема связи между синтаксисом и семантикой». ¹⁶ Вопрос этот, по мнению Хомского, не только запутан, но и непропорционален: «... много сил потрачено на то, чтобы ответить на вопрос: „Как построить грамматику, не обращаясь к значению?“. Однако сам этот вопрос поставлен неправильно, поскольку подразумеваемый при этом тезис о том, что, обращаясь к значению, мы можем построить грамматику, совершенно не обоснован. С тем же правом можно спросить: „Как построить грамматику, не зная ничего о цвете волос говорящих?“». ¹⁷

Эта позиция удерживается в общем и в позднейших работах Хомского, хотя иногда в них проскальзывают нотки сомнения. В «Аспектах», например, он утверждает, что какой-либо признак является для него «семантическим» только в том случае, если этот признак не упоминается в каком-нибудь синтаксическом правиле, допуская, таким образом, что некоторые семантические признаки все же входят в синтаксис. ¹⁸ В вышедшей позднее работе он признает, что разработка вопросов «семантической интерпретации» все еще оставляет желать лучшего. Резонно замечая, что для семантической интерпретации глубинных структур важнее такие понятия, как «логический субъект» (т. е. агенс), нежели «субъект предложения», Хомский, однако, не входит в дальнейший разбор взаимоотношений грамматики и семантики. ¹⁹

Конечно, если под семантикой понимать только лексические значения в отрыве от грамматики, тогда грамматические функции уже по определению не попадут в семантику. Если, однако, семантическими мы будем называть всякие единицы языкового содержания, отражающие объективную реальность, то многие синтаксические функции, например функции орудийности или обстоятельственные функции имен и т. п., окажутся семантическими. Но и формальные синтаксические функции, как мы напомним, показаны в дальнейшем, формируются на основе семантико-синтаксических функций и без них невыполнимы. Вот почему сама идея «семантической интерпретации», ставящая семантическую структуру предложения в зависимость от его формальной структуры, представляется необоснованной. Скорее, наоборот, формальная синтаксическая структура, как ее вскрывает грамматический анализ, является производной от семантической структуры

¹⁶ Н. Хомский. Синтаксические структуры. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962, стр. 504.

¹⁷ Там же, стр. 505.

¹⁸ N. Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge (Mass.), 1965, p. 142.

¹⁹ N. Chomsky. Topics in the Theory of Generative Grammar. — Current Trends in linguistics, III, Theoretical Foundations. The Hague, 1966, p. 34. См. также: R. H. Matthews. [Rev. of:] N. Chomsky. Aspects of Language. — Journal of Linguistics, vol. 3, 1, 1967, p. 132 et sqq.

предложения, своего рода «синтаксической интерпретацией» глубинной семантической структуры.

Отказ от изучения «проблемы связи между синтаксисом и семантикой» отрицательно сказывается не только на понятии «глубинная структура». Он сказывается и в более широком плане. Порождающий процесс, как его воспроизводит порождающая грамматика в силу игнорирования семантики, несколько расплывается и теряет свою определенность. «Деривационная история» предложения, эксплицирующая порождающий процесс, в сущности, не может быть отождествлена с процессом речеобразования и тем более с процессом слушания-понимания, как они реально протекают в акте речевого общения. Последнее, впрочем, неоднократно признавал и сам Хомский, указывая, что его порождающая грамматика не воспроизводит процессы «синтеза» и «анализа» речи в уме говорящих.

Согласно порождающей концепции, поверхностные, т. е. фактически встречающиеся в речевых произведениях, предложения, возникают из простейших ядерных предложений в результате ряда последовательных преобразований. Как «задаются» исходные предложения и чем обусловлены их последующие преобразования, остается при этом неясным. Свою задачу порождающая грамматика видит лишь в том, чтобы восстановить формальные синтаксические операции, предваряющие поверхностное предложение.

Но, реконструируя деривационную историю поверхностного предложения, порождающая грамматика, в сущности, сводит к минимуму различие между поверхностным и глубинным синтаксическим образованием. Заранее ориентированная на готовое предложение глубинная структура уже содержит в себе всю информацию, необходимую для порождения данного предложения. Глубинная структура отличается здесь от поверхностной только тем, что она еще не «исполнена». Глубинная структура — это готовое произведение, данное в потенции, тогда как поверхностная структура является реализацией данной потенции. Мы видим, следовательно, что формально-синтаксическая трактовка порождающего процесса возвращает нас назад к сосюровским понятиям «реализации» и «исполнения», игнорирующим творческий характер этого процесса. Но если порождающий процесс является лишь «исполнением» заданного произведения, то чем же тогда он отличается от его «интерпретации», скажем, фонологической?

Несмотря на четкую разграниченность фаз порождающего процесса, в целом этот процесс лишен у Хомского структурной определенности и функциональной направленности. Даже если оставить в стороне семантическую фазу, не получившую в порождающей грамматике конкретного освещения, то и в остальном содержание процесса останется недостаточно проясненным. С одной стороны, создается впечатление, что порождающий процесс про-

текает в направлении от глубинных синтаксических структур к поверхностным и дальше к фонологической интерпретации поверхностных структур. Невольно напрашивается мысль, что динамика трансформационных процессов в какой-то мере воспроизводит процесс мышления-говoreния, как он совершается в голове говорящего. Но, с другой стороны, внимательно присматриваясь к порождающим процессам, как их изображает Хомский, мы вдруг замечаем, что уже в исходной синтаксической структуре, с которой начинается весь процесс, содержится в запрограммированном виде весь итог процесса. что, иначе говоря, все преобразования заранее рассчитаны на вполне определенную поверхностную структуру и фактически исходят из нее. Но коль скоро за исходный пункт принимается результирующая поверхностная структура, то генеративный процесс в целом, скорее, имитирует процесс слушания-понимания, нежели процесс мышления-выражения. Хомский, правда, решительно возражает против отождествления его порождающих процессов с реальными процессами речевой деятельности. Но круговой характер конструируемых им процессов этим не снимается.

Присваивая готовым, уже порожденным и засвидетельствованным в текстах предложениям определенные схемы порождения, Хомский представляет порождение предложений как автоматический, жестко детерминированный процесс. Ближе к истине был, думается нам, Л. В. Щерба, настаивавший на продуктивном и творческом характере процессов речевой деятельности.

Реальный процесс мышления-выражения больше, думается нам, похож на музыкальную композицию, чем на исполнение готовой симфонии. «Говорящий в известной мере соединяет в себе одновременно роли композитора и интерпретатора. Аналогию к использованию языка представляет скорее импровизация, придерживающаяся правил определенной тональной системы».²⁰ Выделяя три основных уровня в процессах речевой деятельности — речемыслительный, лексико-грамматический и фонологический, — мы полагаем, что на первых двух уровнях наряду с жесткими, автоматически протекающими операциями применяются и операции импровизационного свойства. Только на фонологическом уровне господствуют, по-видимому, автоматизированные операции.

Из двух разнонаправленных процессов речевой деятельности — процесса формирования мысли-высказывания и процесса восприятия-понимания — первый процесс более активен, так как именно он создает речевое произведение, или сообщение, текст. Процесс понимания в этом отношении пассивен, так как он имеет дело с восприятием готового текста. Это, однако, не значит, что процесс восприятия-понимания пассивен во всех отношениях.

²⁰ M. Bierwisch. *Strukturalismus: Geschichte, Probleme und Methoden.* — *Kursbuch*, herausgegeben von H. M. Erzenberger, 5, 1966, S. 120.

Напротив того, как отмечал еще Гумбольдт, в главном, а именно на глубинной его фазе (т. е. фазе понимания), он носит активный и творческий характер. «Люди,— писал Гумбольдт,— понимают друг друга не вследствие того, что они будто бы в самом деле друг другу передают знаки вещей, и также не вследствие того, что они будто бы уговариваются между собой точно и в полной мере воспроизводить в себе одно и то же понятие, а тем лишь путем, что они дотрагиваются друг в друге до одного и того же звена в цепи их чувственных представлений и внутренних понятийных образований, ударяют по одному и тому же клавишу их духовного инструмента, вслед за чем в каждом из них всплывают сходные, но не вполне тождественные понятия».²¹

Процесс понимания в этом изображении не есть спиритуалистический процесс переселения готовой мысли из одной головы в другую, а творческий процесс воссоздания мысли в связи с звуковыми текстами, получаемыми извне. Передаются только звуки, именно они «ударяют по клавишам» и приводят в движение весь «духовный инструмент». Вместе с возбужденным понятием начинает вибрировать множество иных, созвучных ему понятий, связанных между собой в личном опыте слушателя. У каждого отдельного индивида этот процесс протекает по-своему в зависимости от уровня его знаний, особенностей личного опыта и некоторых других факторов. Понимание есть деятельность ума по самостоятельной переработке воспринятых текстов, их расшифровке, взвешиванию и приведению в соответствие с ранее приобретенным опытом. «Никто не понимает слова именно так, как другой... Всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях — вместе разногласие».²²

В этой резкой формулировке подразумевается, конечно, не обязательность расхождений и разлада в мыслях, сколько творческий характер усвоения мысли, совершаемого каждым слушателем по-своему. «Возбуждение извне — повод для развертывания своего».²³ Эта формула относится и к интерпретации художественных произведений и к процессам заимствования понятий и слов, но прежде всего к каждому акту слушания-понимания в отдельности.

Гумбольдт впервые разгадал сущность речевой деятельности как взаимообусловленной корреляции двух дополняющих друг друга процессов, из которых один распадается на фазы формирования речи-мысли и ее звуковой зашифровки, а другой проти-

²¹ W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. — Werke in fünf Bänden, III, Schriften zur Sprachphilosophie. Berlin, 1963, S. 559.

²² Ср.: А. А. Потебня. Мысль и язык. Одесса, 1922, стр. 29.

²³ Л. А. Булаховский. Потебня-лингвист. — В сб.: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, III, кн. 2. Уч. зап. МГУ, вып. 107. М., 1946, стр. 39.

воположный по своей направленности процесс состоит из дешифровки и последующего воссоздания мысли в опоре на знание языка и свой личный опыт.

Мысли Гумбольдта, во многом развитые Штайнталем и Потебней, не только очерчивают основные контуры процессов речевой деятельности, но и помогают лучше понять структуру языка и его роль в процессе мышления и обмена мыслями. Факты современной лингвистики и смежных наук подтверждают основное направление этих мыслей и в ряде существенных моментов обогащают их новыми идеями и фактами.

2. Язык и сознание

Представления о структуре языка являются, можно сказать, функцией от способа понимания процессов речевой деятельности и роли языковых элементов в этих процессах.

Для Соссюра язык был лишь инвентарем языковых элементов, суммой словесных образов и системой грамматических форм. Отношения между элементами языковой структуры намечались им лишь в самой общей форме (оппозиции, тождества, значимости, парадигматические и синтагматические связи). Проблемы функционирования языковой системы конкретного освещения в его концепции не получили.

Теория уровней лингвистического анализа едва ли не впервые обратила внимание на эту сторону языковых явлений. Язык представлялся ей в виде многоярусной структуры, своего рода стеллажа, на разных полках которого в зависимости от формата размещались единицы языка. Сами же языковые единицы отождествлялись с выделенными из речевого потока в результате последовательного его членения разноформатными сегментами. Переход от языка к речи можно было, таким образом, понимать как перемещение единиц из расположенных по вертикали уровней языковой структуры в горизонтальную плоскость линейной речи. Очевидный факт членораздельности речи и подкупающая ясность образов «уровней языка» и «цепочки речевых сегментов», которыми оперировала теория уровней, в немалой мере содействовали ее популярности.

О недостатках теории уровней уже говорилось в предыдущем разделе. Здесь заметим лишь, что подробности перехода от языка к речи эту теорию, в сущности, не интересовали. Даже вопрос о том, где совершается предполагаемый процесс «сборки» единиц большого формата из меньших, в самом ли языке или при построении речи, оставался открытым. Предположение об «урвневной» структуре языка означало, что все единицы языка, начиная с фонем и признаков фонем и кончая сложнейшими составными образованиями вроде синтагм и едва ли не фраз, хранятся в готовом виде на разных «ярусах» языка. Вместе с тем не исклю-

чалось, что некоторые из перечисленных единиц «составляются» в процессе формирования речи.

Порождающая грамматика впервые по-серьезному заговорила о процессе порождения речи и его механизмах. В структуре языка она особо выделила роль грамматического строя или, точнее, синтаксиса, разгадав в нем особого рода автоматическое устройство, способное порождать предложения из лексических единиц. Убедительно показав, что процесс порождения предложений совершается не методом «сборки» узлов разной степени сложности из мельчайших деталей, а путем последовательных преобразований целостных синтаксических структур, порождающая грамматика задалась целью раскрыть реальную структуру этого процесса в его самодвижении от «глубинных» теоретически восстанавливаемых структур к «поверхностным», непосредственно наблюдаемым структурам. Синтаксические структуры предстали в такой трактовке как своего рода инструкции или предписания, в соответствии с которыми совершаются операции механизмов речи. Старые представления о структуре языка как простой корреляции разноформатных языковых единиц, претерпели, таким образом, коренные изменения. Статическое понимание языка уступило место динамическому.

Предложенное Хомским рекурсивное определение грамматики как автоматического устройства, перечисляющего предложения на данном языке и ставящего в соответствие каждому из них схему его порождения, содержало, однако, в себе ряд непримиримых противоречий. Понятие порождения речи в значительной мере подрывается исходным тезисом Хомского о существовании готового корпуса или набора предложений, которые грамматическая машина выдает на поверхность и генетически разъясняет. Но генетическое объяснение синтаксической структуры готового предложения неравнозначно объяснению генезиса предложения. Одно дело — «исполнение» готового предложения с последующим, пусть даже «генетическим», анализом его синтаксической структуры, а другое дело — образование такого предложения в целом. Для того чтобы полностью восстановить порождающий процесс, необходимо еще ответить на вопрос, «каким образом говорящий выбирает содержание своих данных».²⁴ Порождающая модель Хомского — это автоматическое устройство без входных содержательных данных. Она не преобразует входные сообщения в выходные, а только вспоминает то, что «задает» себе самой, прилагая к каждому предложению его родословную. От реального процесса говорения она отличается еще тем, что имеет дело с разрозненными, вырванными из контекста предложениями, а не с целостными сообщениями, в которых предложе-

²⁴ Д. Миллер, Ю. Галантер, К. Прибрам. Планы и структура поведения. М., 1965, стр. 167.

ния подчинены структуре текста. Хомский не учитывает того обстоятельства, что механизмы языка спарены с механизмами сознания и что речемыслительные механизмы — это свособразные преобразователи со множеством входов и выходов.

Язык — это не только орудие общения, но также орудие формирования и эксплицирования мысли. Процесс порождения речевого сообщения менее всего похож на процесс выражения готовой мысли или механического поэлементного перевода синтаксической структуры с какого-то внутреннего кода на изоморфный ей поверхностный код. Формы языка необходимо сопутствуют мысли уже на начальной фазе ее зарождения, образуя вместе с нею единый речемыслительный процесс.

Чтобы точнее определить роль языка в процессе мышления, надо прежде всего уточнить понятие речевого мышления в его отношении к сознанию. Речемыслительные процессы протекают в актах общения говорящих и слушающих индивидов, и хотя лингвиста интересует общая речемыслительная структура этих процессов, а не ее психологическая и нейрофизиологическая сторона, но материалы смежных наук могут помочь ему в реконструкции закономерностей этих процессов.²⁵ В мозгу индивида сознание и язык образуют две относительно автономные области,²⁶ каждая из которых обладает своей «памятью», в которой хранятся относящиеся к ней строевые элементы. Эти две области сопряжены между собой таким образом, что деятельность сознания необходимо сопровождается деятельностью языка, выливаясь в единый, хотя и сложный по своей внутренней структуре, речемыслительный процесс.

Сознание — это в некотором роде сознание, т. е. совокупность знаний об окружающем мире, которыми владеет индивид. Элементами или единицами индивидуального сознания являются знания; «способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это знания».²⁷ Хранящиеся в подвалах сознания группы содержательных знаний — это, разумеется не только знания книжного происхождения, но также — и даже в первую очередь — практические и житейские знания, составляющие жизненный опыт индивида.

²⁵ Ср.: А. Р. Лурья. Афазия и анализ речевых процессов. — ВЯ, 1959, № 2, стр. 65—72; R. Jakobson. Zwei Seiten der Sprache und zwei Typen aphatischer Störungen. — R. Jakobson und Halle. Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960, S. 49—70.

²⁶ Говоря о сферах сознания и языка в мозгу индивида, мы, конечно, не имеем в виду их локализацию в отдельных «центрах» во френологическом смысле. Как показали современные нейрофизиологические исследования, эти сферы представляют собой сложные функциональные системы, координирующие работу многих взаимодействующих и отчасти компенсирующих друг друга динамических структур в коре головного мозга.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 633.

О том, как хранятся такие знания в памяти сознания, можно лишь строить догадки. Ясно, во всяком случае, что хранятся они не в виде обработанных и подготовленных для устного исполнения речевых текстов. В арсенале наших знаний могут, конечно, находиться затверженные тексты, как пословицы и прибаутки, исторические предания и сказания, поэтические произведения и научные формулы. Но подобный способ хранения знаний вряд ли следует считать господствующим. Тот факт, что словесное воспроизведение знаний требует всякий раз словесной импровизации, форма и объем которой меняются в значительных пределах в зависимости от ситуативных условий и стратегии говорящего, говорит, скорее всего, об обратном.

Можно, далее, предполагать, что знания сохраняются в упорядоченном виде целыми тематическими группами, относящимися к различным сферам житейского опыта. События и факты из личной жизни запоминаются, по-видимому, в виде образных фрагментов пережитого прошлого, упорядоченных по оси времени. Американские нейрофизиологи В. Пенфильд и Л. Робертс называют сектор памяти, хранящий «все те вещи, о которых человек знал, даже незначительные переживания, в постоянной последовательности», «памятью пережитого».²⁸ С помощью электрического раздражения коры головного мозга испытанному иногда удается активизировать прошлые переживания, и тогда больной словесно воспроизводит мельчайшие подробности пережитого, в строгом временном порядке, от начала к концу, так как если бы он считывал их с ленты кинофильма. В нормальных условиях человек вспоминает меньшее число деталей, его память удерживает лишь самое существенное и впечатляющее из того, что он пережил, так как многие детали со временем подавляются и исчезают из активной памяти.²⁹

Приведенные факты дают основание думать, что воспоминания о событиях, относящихся к жизненному опыту личности, сохраняются в виде наглядно-чувственных образов. Обобщенные знания, касающиеся производственно-трудовой деятельности людей или правил их поведения, хранятся, по-видимому, иным, более сложным способом, что не исключает, однако, того, что и к знаниям этого рода примешиваются различные фрагменты наглядных образов пережитого. В хранении теоретических знаний значительную роль играет, очевидно, и логический аппарат, позволяющий получать выводные знания из известных индивиду обобщенных эмпирических фактов. Как бы, однако, сложны и разнообразны ни были способы хранения знаний в нашем уме,

²⁸ В. Пенфильд, Л. Робертс. Речь и мозговые механизмы. Л., 1964, стр. 209—210.

²⁹ Там же, стр. 56.

в их основе всегда лежат различного рода предметно-содержательные связи.³⁰

Знания — это всегда знания о чем-то, знания об окружающем мире. Этим, конечно, не исключается возможность иллюзорных и фиктивных знаний. Дело в том, что знания не вливаются в наше сознание механически извне, путем прямой и непосредственной «интериоризации» внешних событий и фактов. Свои знания люди добывают в активном процессе познания действительности, обусловленном их практической деятельностью. Этот процесс имеет сложную внутреннюю структуру, допускающую возможность отрыва от действительности. Познание мира движется в категориях и понятиях, своеобразно и противоречиво отражающих объект. Познание есть процесс приближенного и неполного отражения объекта, в котором всегда таится опасность огрубления и омертвления живой действительности. В самом простом обобщении и самой элементарной абстракции, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, содержится момент фантазии и тем самым возможность отхода сознания от действительности.³¹

Как целостная организация всех знаний личности, сознание является, по определению Гердера, сложным «хозяйством», предполагающим не только хранение знаний, но и многогранную деятельность по добыванию новых и использованию добытых знаний. Если хранение знаний — это процесс, протекающий в сознании незаметно для самого индивида, то деятельность сознания, особенно в той ее части, которая направлена на объект, протекает осознанно. Сознание, следовательно, отнюдь не предполагает осознанность всех совершающихся в нем процессов. Даже в направленной на внешний объект деятельности сознания имплицитно содержится много моментов, которые осознаются лишь тогда, когда объектом познавательной деятельности становится само сознание и процессы его деятельности.

Деятельность сознания выражается в процессах мышления. Нередко, впрочем, значение этого термина ограничивается познавательной деятельностью сознания, которая является лишь одним, — правда, самым важным, — аспектом деятельности сознания. В дальнейшем мы будем пользоваться термином «мышление» в расширительном смысле, включающем все виды активной деятельности сознания.

Хотя процессы деятельности сознания непосредственно протекают в голове отдельной личности, но в своих истоках и итогах, в формах своей деятельности и в содержании, в характере и составе накопленных знаний и в способах их накопления, сознание и его деятельность глубоко социальны. Общественная

³⁰ Ср.: Н. И. Жинкин. О кодовых переходах во внутренней речи. — ВЯ, 1964, № 6, стр. 36—37.

³¹ В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1947, стр. 308, 330.

природа сознания проявляется не только в связи мышления с языком. Сознание уходит своими корнями в социально обусловленные процессы трудовой деятельности людей. Знания, которыми располагают отдельные люди, добываются ими в условиях их общественной жизни либо приобретаются в готовом виде от других людей. Даже знания, относящиеся к личной жизни индивида, как знание местности и жилища, где он живет, знание семьи и близких людей и т. п., отмечены клеймом социальности, поскольку они добыты в процессе общения с другими индивидами, сохраняются в отработанных историей общества формах мышления, актуализируются с помощью языка и т. д.

Как сложное «хозяйство», сознание в своей деятельности характеризуется некоторыми общими аспектами, кое в чем напоминающими общие моменты хозяйственной, социально-экономической деятельности людей, — производство, распределение, обмен и потребление.

Моменту производства в деятельности сознания соответствует познавательный аспект. Познание — это прежде всего общественно обусловленный процесс производства знаний, процесс производства представлений, понятий, идей. Познавательная деятельность людей направлена на объект, на природу, на окружающий мир. Внешний объект является ее материалом и целью; воздействуя на объект и взаимодействуя с ним, она стремится вскрыть объективные свойства вещей и создать идеальные их модели. Добывая новые данные о предметах, познание обрабатывает эти данные с целью их согласования с ранее добытыми сведениями и стремится найти для них объективные формы, которые позволили бы упорядочить процесс хранения новых знаний и оперативно пользоваться ими. Познавательный процесс — это, таким образом, непосредственно связанный с практической и прежде всего трудовой деятельностью людей процесс извлечения новых, общественно значимых знаний об окружающем мире.

Момент распределения в деятельности сознания связан с реальными различиями в конкретном составе знаний, имеющихся у отдельных индивидов, — различиями, обусловленными индивидуальным опытом, общественным разделением труда, уровнем образования, развитием умственных способностей и т. п. Накопленные обществом знания неравномерно распределяются между отдельными индивидами, причем виды знаний, обусловленные разделением труда и специальными интересами, получают комплементарное распределение. Конкретный процесс распределения знаний зависит от способов передачи накопленных обществом знаний отдельным лицам. Усвоение готовых знаний может совершаться организованно и систематически, как это имеет место в школах или в условиях продуманной системы воспитания в семье, и неорганизованным путем, в «университетах» самой

жизни. Если познавательный процесс — это общественный процесс накопления новых знаний, то процесс «распределения» имеет дело с усвоением накопленных знаний отдельными лицами, их обучением или самообучением.

В деятельности сознания может быть выделен и момент обмена. Неравномерное распределение знаний между индивидами создает предпосылки для взаимного обмена информацией в процессе общения. Этот момент трудно отграничить от процессов обучения и усвоения знаний, так как они легко взаимодействуют и переходят друг в друга. Разница между ними состоит в том, что в случае обучения речь идет о заготовке знаний «впрок», о деятельности, специально направленной на увеличение объема и уровня знаний индивида, тогда как взаимный обмен информацией имеет целью непосредственное использование данной информации. Обогащение индивидуальных знаний является побочным продуктом процесса обмена мыслями.

Последний момент в деятельности сознания — это момент потребления, практического использования накопленных знаний, их применения на деле. При этом несущественно, получены ли эти знания в результате открытия, совершенного в процессе общественного познания, или в результате обучения и обмена мнений.

Разграничение всех этих моментов в значительной мере условно, так как они взаимообусловлены и легко переходят друг в друга. Момент познавательной деятельности особенно важен для понимания истоков сознания и процессов мышления. Но не менее важен и процесс реализации добытых знаний, так как в этом процессе совершается процесс верификации знаний, их проверки и уточнения.

Если под мышлением понимать не только процесс познавательной деятельности, но и все остальные процессы, связанные с деятельностью сознания, то мышление без языка невозможно. Вся деятельность сферы сознания осуществляется с помощью языковой системы, подключенной к сознанию в качестве его вспомогательной сферы. Система языка также предполагает знания, но знания особого рода, основанные на знакомстве с лексикой и грамматическим строем данного языка. В части фонетики это не знания в собственном смысле, а, скорее, приобретенные в процессе усвоения языка специфические навыки. Но и применительно к содержательным единицам языка не всегда есть основания говорить о знаниях в собственном смысле.

Только употребление полнозначных слов связано с осознанием их смысла. Говорящие, как правило, отдают себе отчет в содержании таких слов и могут по желанию эксплицировать их содержание с помощью парафразы или толкования, синонимической замены или «наглядного определения» (указания на подразумеваемый словом предмет). Владение грамматическими фор-

мами характеризуется иной когнитивной модальностью. Хотя выражение мысли и ее понимание совершается при посредстве грамматических форм, в фокусе внимания участников речевого общения находится лишь вещественное содержание речи. Функции грамматических форм осознаются лишь вместе с полнозначными словами и при их посредстве. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда, когда грамматический строй становится объектом научного познания.

Словарь и грамматический строй являются средствами активизации элементов сознания и их словесного выражения в процессе формирования мысли и речи. Процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления.

От других вариантов порождающей грамматики наша интерпретация отличается прежде всего тем, что рассматривает речевую деятельность в тесной связи с деятельностью сознания. Без входных данных, поступающих в сферу языка извне, без волевых импульсов и материалов сознания невозможна работа механизмов речи. Речевая деятельность — не имманентный процесс, замыкающийся в сфере языка. Она не сводима также к поэлементному переводу мыслительного содержания с одного кода на другой, как это имеет место при переводе с другого естественного языка. Необходимой предпосылкой процессов речевой деятельности является мышление, разносторонняя деятельность сознания, осуществляемая при посредстве языка и механизмов речи.

Лингвистическая теория давно уже выявила словарный состав и грамматический строй как основные области языковой системы. Попытки теории уровней обойтись без этого фундаментального членения не имели успеха. Исследования в области порождающей грамматики и механизмов речи не только подтвердили правильность традиционных взглядов, но и позволили точнее определить роль словаря и грамматики в функционировании языка. Основными дискретными единицами языка являются, в сущности, только полнозначные слова. Что до грамматики, то она выступает в роли «механизма» или «устройства», порождающего из дискретных элементов языка (слов и их значений) предложения путем преобразования глубинных синтаксических структур в поверхностные (в актах порождения речи) и поверхностных синтаксических структур в глубинные (в актах восприятия речи).

Словарный состав языка не обладает однородной структурой. В лексике любого языка можно выделить два компонента: семантический и лексемный. Основанием для разграничения семантического и лексемного компонента является отсутствие изоморфизма между планом выражения и планом содержания в лексике любого языка. Явления омофонии лексических значений и

омосемии лексем, широко известные под традиционными именами омонимии, полисемии и синонимии, прямо указывают на относительную автономность семантического и лексемного компонентов.

К выводу о необходимости различать систему лексических понятий и систему слов приходят также некоторые психологи и нейрофизиологи. В. Пенфильд и Л. Робертс кроме относящейся к сфере сознания «памяти пережитого» выделяют еще два рода памяти: память понятий и словесную память.³² Относительная независимость блока понятий от блока слов ярко проявляется в случае афазии. У некоторых больных с нарушением звуковой схемы слов понятия сохраняются, но подыскание слова затруднено. Отчетливо понимая, что он хочет сказать, такой больной часто не может найти нужное слово («ну вот... это... ведь я знаю... эх... ну вот...»).³³

Семантический компонент в свою очередь состоит из двух структурных пластов: универсального, или логико-семантического, и идиоэтнического, или собственно семантического. Основанием для их выделения служат соображения типологического свойства. Современной семасиологии хорошо известен факт «языковой относительности» лексических значений. Лексические значения одного языка могут не иметь прямых эквивалентов в другом языке даже приблизительно того же уровня развития. Единственным способом воспроизвести значение чужого слова в случае отсутствия прямого соответствия является описание. Русск. *сутки* (ср. норв. *døgn*) не имеет прямого соответствия в немецком и английском языках. Заменой в этом случае служат описательные выражения типа 'день и ночь, 24 часа'. Ср. еще: русск. *дождаться* и нем. *so lange warten bis etwas (jemand) kommt*; русск. *накипеть* (о пене) и нем. *sich beim Kochen an der Oberfläche ansammeln*; нем. *zusammentrommeln* и русск. *бить сбор на барабане, собрать барабанным боем*; нем. *einfädeln* и русск. *вдевать нитку* (в иголку); русск. *односельчанин* и англ. *inhabitant of the same village*; англ. *spell* и русск. *писать (произносить) слово по буквам* и т. п. На других, более сложных случаях соответствий между лексическими значениями разных языков мы здесь останавливаться не будем.

Если под лексическими значениями понимать не произвольно конструируемые «общие значения», а реальные значения, устанавливаемые с учетом полисемии, омонимии и синонимии, то между лексическими значениями разных языков нет изоморфизма. Языковеды неогумбольдтианского направления (как Б. Л. Уорф, Л. Вайсгербер и др.) склонны на этом основании утверждать, что системы значений в каждом языке являются

³² В. Пенфильд, Л. Робертс. Речь и мозговые механизмы, стр. 209—211.

³³ А. Р. Лурья. Травматическая афазия. М., 1947, стр. 210.

своего рода монадами, не имеющими «окон» в семантический мир других языков, и что каждый язык характеризуется своим собственным «методом членения мира». Неогумбольдтианский тезис о языковом «градуировании» мира, в сущности, отрицает возможность межъязыкового общения. Но факты многоязычия отдельных людей и целых общественных коллективов, а также богатая практика переводов с разных языков резко контрастируют с неогумбольдтианством. Переход от семантической системы одного языка к семантической системе другого языка в принципе всегда возможен, по крайней мере если перед нами языки приблизительно одинакового уровня развития и если имеются в виду именно значения, а не стилистические нюансы и игра значений, построенная на созвучиях слов.

Передача значений одного языка средствами другого языка возможна в силу того факта, что каждое значение разложимо на составные компоненты и что компоненты значений могут быть воссоединены в целостные значения. О составном характере значений отчасти уже говорилось выше при рассмотрении «скрытой деривации» (гл. III). Приемы анализа значений с помощью описаний, как и приемы синтеза значений путем собирания разных семантических компонентов в единое составное значение, используются не только при переводе с одного языка на другой, но также в условиях «внутреннего перевода». Даже оставаясь в рамках одного языка, мы производим операции анализа и синтеза значений, прибегая к анализу в случае толкования слов, уточнения изложения и т. п. и к синтезу в случае сокращения, сжатия изложения.

«Внешняя» и «внутренняя» переводимость значений дает основания предполагать, что в основе семантики лежит логико-семантический аппарат, позволяющий производить операции «разложения» и «сложения» значений, и что этот аппарат типологически универсален. Он состоит из набора категорий и элементарных вещественных значений, позволяющих осуществлять деривационные операции в обоих направлениях.

Переход от логико-семантической системы к идиосемантической системе данного языка не представляет значительных трудностей, так как, оставаясь в пределах одного языка, мы всегда знаем, когда конфигурация понятийных компонентов образует фиксированное нормой значение и когда ей соответствует не одно, а несколько значений. Когда же мы сталкиваемся с новым для нас языком, эти грани исчезают в силу иного распределения понятийных компонентов между значениями по сравнению с тем, с которым мы сжились. Именно понятийные компоненты значений являются условием *sine qua non* их типологической (межъязыковой) конгруэнтности. Связи между системой значений и системой лексем еще более сложны. Они перекрещиваются между собой в силу сложного распределения семантического со-

дѣржания между лексемами данного языка. Эти связи отражают не только значимостные соотношения (омофонию разных значений и омосемию разных лексем), но также стилистические накладки на семантические единицы. Заметим еще, что лексические единицы связаны с морфологией языка и с его фонетической системой. Это значит, что каждая лексема содержит в себе общие схемы ее морфологического и фонетического функционирования.

Как лексика языка, так и грамматический строй распадаются на несколько подчиненных областей. Если под морфологией понимать не только морфологию слова, но и так называемую синтаксическую морфологию (см. выше стр. 57), то грамматический строй делится прежде всего на морфологию и область грамматических функций. В области грамматических функций необходимо отграничить формальные функции (как категориальные функции морфологических категорий, например функция выражения именительного падежа, присущая определенным показателям) от содержательных. В системе содержательных функций в свою очередь необходимо выделить функции семантические и несемантические. Семантические функции, выражаемые явной грамматикой вместе с семантическими функциями скрытой грамматики, образуют область грамматической семантики. Последней противостоит другая область содержательных функций, обусловленных общими условиями речевого общения и обратным воздействием форм языка на элементы мышления. Функции второго рода обычно называют синтаксическими, хотя этот термин не всегда одинаково понимается.

Область грамматической семантики можно определить двояко, в зависимости от того, с какой стороны мы к ней подойдем. Отправляясь от системы сознания, ее можно определить как формальную сторону процессов содержательного мышления. Приближаясь к ней со стороны языка, мы найдем, что эту область образуют семантические функции грамматических форм и категориальные признаки лексических значений. Грамматическая семантика охватывает, таким образом, семантическое содержание как явной, так и скрытой грамматики.

Существование грамматической семантики признается далеко не всеми. В структуральной лингвистике о ней говорят лишь немногие (например, Е. Курилович и в самое последнее время некоторые представители порождающей грамматики, как П. Сгалл, М. Бирвиш, Ч. Дж. Филлмор). По свидетельству У. Вайнрайха, в американской лингвистике господствует точка зрения, согласно которой никаких «грамматических значений» вообще не существует; имеются лишь грамматические формы, обладающие формальными, но не семантическими свойствами.³⁴ Точка зрения «ав-

³⁴ У. Вайнрайх. О семантической структуре языка. — В сб.: Новые в лингвистике, вып. V. М., 1970, стр. 196—197.

тономности семантических и грамматических критериев» поддерживается также семиотикой и логистикой, выделяющими синтаксис, семантику и прагматику как независимые друг от друга области. Но, как верно замечает П. Сгалл, эти науки имеют дело с значительно менее сложными и запутанными системами, чем естественные языки.³⁵ Их заключения могут поэтому переноситься в языкознание лишь с большой осторожностью. Заметим в скобках, что, отстаивая грамматическую семантику, мы вовсе не солидаризируемся с теми, кто говорит о «грамматических значениях» как функциональном содержании грамматических форм. Уже при анализе функций морфологических категорий в гл. II нам неоднократно приходилось отмечать, что не всякая грамматическая функция содержательна и не всякая содержательная функция семантическая. Называть грамматические функции «значениями» можно, с нашей точки зрения, лишь применительно к семантическим функциям, но и это нежелательно ввиду того факта, что когнитивная модальность лексических значений и семантико-грамматических функций неодинакова.

Семантические функции отражают предметные связи объективной реальности, а несемантические синтаксические функции наслаиваются на них в целях обеспечения специфических требований процесса речевого общения. Вместе с семантическими функциями они входят в универсальный компонент грамматического строя.

Фонологический строй языка остается вне сферы интересов данной работы. Заметим лишь, что и фонологический строй предполагает набор звуковых единиц определенного рода: в первую голову фонем и синдем (суперсегментных единиц), реализующихся согласно схемам фонологического порождения, привязанным к словоформам и их комбинациям в предложении.

Если исходить из всей совокупности частичных систем, составляющих общую систему «сознание — язык», то процесс речи предстанет перед нами в существенно измененном виде. В идеале этот процесс должен рассматриваться не как порождение отдельных, изъятых из общего контекста и независимых друг от друга предложений, а как порождение текстов, законченных речевых произведений, сообщений монологического или диалогического характера. К сожалению, однако, лингвистическая структура целостных текстов еще почти не изучена. Вряд ли придется сомневаться в том, что кроме «малого синтаксиса», определяющего формы связи между словами в предложении, существует и «большой синтаксис», отображающий связи между предложениями и речевыми единицами сверхфразового формата. К числу форм сверхфразового синтаксиса можно, например, от-

³⁵ P. Sgall. Zur Frage der Ebenen im Sprachsystem. — Travaux Linguistiques de Prague, 1. Prague, 1966, S. 95.

нести не только анафорические элементы речи, но и многие другие. Ср., например, слова и выражения, несущие функции темпоральной организации текста: *сначала, потом, засим, ранее, позднее, много времени спустя, незадолго до этого, вскоре после этого* и т. д. Ср. еще средства логической организации текста: *поэтому, вследствие этого, при этом условии, с этой целью, стало быть, следовательно, итак, однако, напротив того, во-первых, во-вторых, далее* и т. п.

Лингвиста не могут не интересовать содержательные отношения между предложениями в тексте, которые далеко не однотипны. Предложения могут выражать цепь последовательных актов, дополняя друг друга в описании какого-то события. Они могут касаться некоторых общих условий и обстоятельств, на фоне которых совершалось какое-то событие, и выполнять, таким образом, обстоятельственную функцию в тексте наподобие той, какую выполняют обстоятельственные члены в предложении. Они могут служить пояснением к предшествующему тексту и т. п. Без учета соотношений в контексте многие предложения окажутся вообще непонятными. Что означает, например, само по себе предложение: *От низу до верху висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии, выигрыши, кукиши с маслом, щелчки по носу и проч.?* Оно понятно только в контексте первого абзаца чеховского рассказа «Елка»: «Высокая, вечнозеленая елка судьбы увешана благами жизни... От низу до верху висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии, выигрыши, кукиши с маслом, щелчки по носу и проч. Вокруг елки толпятся взрослые дети. Судьба раздает им подарки...». Образ рождественской елки как воплощения судьбы, заданный в первом предложении, является здесь ключом к содержанию всех последующих предложений.

Процесс порождения речи, как мы его здесь понимаем, не сводится к формуле «от глубинных структур к поверхностным и от поверхностных структур к глубинным». Важно еще указать на органическую связь порождающих процессов с деятельностью сознания. Общее направление этих процессов будет определено точнее формулой «от содержательных элементов сознания к речевым текстам и от речевых текстов к содержательным элементам сознания». Так как предметно-содержательные знания удерживаются в сознании не в виде готовых текстов, то порождающий процесс менее всего можно понимать как процесс перекодирования готовых «смыслов», встречающийся в практике перевода текстов с одного языка на другой. Код, с помощью которого фиксируются знания в «запасниках» сознания, существенно, должно быть, отличается от форм языка. Процесс порождения речи является поэтому не только процессом образования текстов, но и процессом образования «смыслов»; это единый процесс порождения мысли и речи.

Речемыслительный процесс включает в себе ряд операций, результаты которых не могут быть заранее предсказаны с абсолютной точностью. Структура текстов определяется не только их содержанием и лежащими в сознании порождающего процесса исходными структурами, но также ситуативными условиями речи и некоторыми другими, не поддающимися точному учету факторами, влияющими на стратегию говорящего. Операции, совершаемые механизмами речи в процессе ее порождения, не могут поэтому носить во всех случаях абсолютно «жесткий», автоматический характер. Они необходимо перемежаются с вероятностными операциями, в ходе которых совершается отбор одного из возможных путей продолжения процесса. Тем не менее общий ход процесса и основные этапы его протекания могут быть определены с достаточной четкостью.

Порождающий процесс начинается с определения темы и стратегии сообщения. Говорящий обычно знает, о чем он собирается говорить, стремится рассказать все «по порядку», определяет способ своего речевого поведения, меру подробности изложения, его модальность в плане общего отношения к содержанию высказывания и т. д. В процессе речи он в той или иной мере следит за последовательностью отдельных частей, исправляет замеченные отклонения и ошибки, реагирует на поведение слушателя и т. д. Все это отражается и в самой речи, в которую вносятся элементы, характеризующие построение текста и необходимые коррективы.

Выработка плана и стратегии сообщения не всегда принимает осознанный характер. Наблюдая речь многих людей, можно заметить в ней ненужные повторы, непоследовательность и сбивчивость мысли, незаконченные фрагменты, перескакивания с одной темы на другую и т. д. При всем этом имплицитно в любой речи имеется план и стратегия изложения; не только слушатель замечает ее, реагируя на нарушения, но при наличии должного самоконтроля существенные отклонения от темы и плана отмечаются самим говорящим.

План изложения проявляется не только в содержании, но и во внешней структуре речи. Развернутое сообщение всегда подразделяется на отрывки, которые отделяются один от другого особыми интонациями и паузами, меной тематического подлежащего, вводными замечаниями о переходе к новому подразделению плана и т. д. Средства межфразового синтаксиса еще плохо изучены грамматикой, которая в своих исследованиях обычно не выходит за пределы отдельного предложения.

Сказанное, конечно, в большей мере относится к пространной монологической речи, повествованию, рассказу о виденном и т. д. В диалогической речи отношения складываются по-иному, и композиционное строение диалогической речи обычно определяется равнодействующей, возникающей из столкновения различ-

ных тематических замыслов и стратегий участников речевого общения.

Значение тематического единства и плана для развертывания и понимания сложного текста хорошо иллюстрируется фактами нарушения динамики речевого мышления. Как отмечает А. Р. Лурия, больные этой группы не обнаруживают дефектов в произношении, могут без труда называть предметы и составлять предложения, хорошо понимают слова и предложения, иногда даже сложные грамматические конструкции, но испытывают серьезные затруднения при попытке самостоятельно построить (или понять) развернутый контекст. Из уст таких больных часто можно слышать жалобы на то, что им трудно составить программу или схему речевого высказывания, удержать порядок изложения и связать отдельные отрывки между собой. Вот типичные сетования таких больных: «Плана составить не могу, чтобы продолжать разговор... мысль рвется... Вот странно, память у меня хорошая, а плана у меня никакого нет... Когда я разговариваю, я могу отдельные факты изложить, а в целом не могу, или начало спутаю, или конец...»; или еще: «Мне надо составить план по кусочкам, вот это-то и трудно... Я не знаю, как поступить, откуда отправляться, отдельные-то куски есть, а все вместе не получается».³⁶

Определение темы сообщения является средством активизации требуемого участка знаний, а первая наметка плана — средством первичного развертывания данных и их сегментации на отдельные части. В случае сообщения о пережитых событиях последовательность частей естественно следует обычно той «нити времени», которая пронизывает «память пережитого», обуславливая порядок хранения относящихся к прошлому знаний.³⁷ Если же предметом сообщения являются более сложные вещи, то порядок сообщения в большей мере определяется стратегией говорящего.

Дальнейшее развертывание данных сознания в процессе порождения речи-мысли совершается с помощью инвентарных единиц и порождающих механизмов, вступающих в дело на разных уровнях процесса. Отчет этих уровней мы будем вести применительно к процессу говорения, т. е. в направлении от сознания к речевому сообщению. Процесс слушания-понимания характеризуется теми же уровнями, которые, однако, теперь протекают в обратном направлении (от речевого текста к сознанию). Процесс понимания, как тонко заметил Гумбольдт, по своему характеру не менее активен, чем процесс формирования мысли. Но в плане создания текста первенство принадлежит процессу говорения, поскольку слушание имеет дело с уже готовым текстом. Вот почему, говоря об уровнях

³⁶ А. Р. Лурия. Мозг человека и психические процессы. М., 1963, стр. 296—339.

³⁷ В. Пенфильд, Л. Робертс. Речь и мозговые механизмы, стр. 57—58.

порождающего процесса, удобнее держаться направления, присутствующего процессу говорения.

В процессе порождения речи можно выделить три основных ступени: речемыслительную (или семантическую), лексико-морфологическую и фонологическую.

Первая ступень охватывает все собственно семантические процессы, начиная с квантования элементов сознания (знаний) на отдельные пропозиции и кончая формированием глубинных семантико-синтаксических структур.

На второй ступени совершаются процессы отбора лексических единиц и грамматических форм, опосредствующие переход от семантико-синтаксических структур предшествующей ступени к конкретным предложениям.

На третьей ступени имеет место выработка глобальных произносительных схем в опоре на звуковые схемы отдельных словоформ, синтагм и фонетических фраз. «Фонационное исполнение» произносительных схем завершает весь процесс порождения предложений.

Каждая ступень характеризуется своими особыми структурными единицами и механизмами порождения. В некотором смысле можно утверждать, что каждая ступень имеет свой «словарь» (т. е. набор дискретных элементов) и свой «синтаксис» (механизм преобразования структур одного порядка в структуры другого порядка). На первой ступени в функции дискретных единиц выступают представления и понятия, а в функции порождающих механизмов — структуры содержательной валентности. На второй ступени им на смену приходят лексемы и механизмы формальной валентности (о формальной и содержательной валентности см. выше, гл. III, разд. 2г). На третьей ступени единицами построения являются звуки речи и фонемы, а порождающими механизмами — глобальные произносительные схемы.

В типологическом отношении первая ступень универсальна. Содержание процессов на этой ступени определяется не структурами отдельных языков, а универсальной структурой человеческого мышления. Остальные ступени базируются на собственно языковых данных и в силу этого обнаруживают идиоэтнические особенности.

Сходные предположения о строении порождающего процесса высказывались не только в языкознании, но и в сопредельных науках. Особенно важны в этом плане исследования в области афазии, прямо поставившие вопрос о механизмах порождения речи, об особых «кинетических схемах» грамматического и фонетического структурирования. Как показал А. Р. Лурия, при некоторых видах афазии у больных нарушаются схемы предложений, следствием чего является аграмматизм и так называемый «телеграфный стиль». Речь таких больных состоит из изолированных «событийных» слов, обычно употребляемых в исходной форме (существительные — в именительном падеже, глаголы — в инфинитиве).

В передаче одного больного история его ранения звучит так: «Вот... фронт... и вот... наступление... вот... взрыв... и вот... ничего... вот... операция... осколок... речь, речь... речь».³⁸ Изолированные слова как бы намечают оглавление или план сообщения, схемы целого высказывания («линейные схемы фраз») при этом не возникают.³⁹ Нарушение схем высказывания нередко сопровождается распадом схемы слова. Справляясь с артикуляцией отдельных звуков, такие больные не могут произнести упорядоченной серии таких звуков, послоговой схемы слова и целого предложения.⁴⁰

Нарушения речевых функций могут, далее, выражаться в том, что больной затрудняется найти слово для обозначения предмета. Больному показывают предмет или его изображение и просят назвать его, например, пилу. Название в таких случаях обычно заменяется парафразой («ну... это... железо... нет... лопата... нет... железная... ну вот... эти дрова пилят... ну... железная пила»). Что дело здесь не просто в утере названия, видно из того, что в составе словосочетания или фразы больной в состоянии произнести нужное слово. Отчетливо представляя себе нечто, больные часто не могут найти нужное слово («ну вот... это... ведь я знаю... эх... ну вот...»)⁴¹ Особенно показательны в этом отношении случаи временной афазии, вызванные электрическим раздражением. Больной по рисунку легко узнает предмет: «Это то, на что надевают ботинок». Но только после удаления электрода он говорит: «нога».⁴² Больного в данном случае затрудняет не опознание предмета, не значение как таковое, а обозначение, подбор имени для значения. Отсюда следует, что значения не связаны намертво с их именами и что в механизмах порождения должно существовать особое звено, опосредствующее переход от значений к лексемам.⁴³ Относительная автономность значений, фиксированных, видимо, каким-то особым кодом в нашем уме, создает возможность двойного перехода от значений к словам путем обозначения отображаемых ими предметов и путем их определения и описания.

Непосредственное отношение к проблемам речевой деятельности имеет также проведенное психологами разграничение «внутренней» и «внешней» речи. Процесс порождения речи не всегда ориенти-

³⁸ А. Р. Лурия. 1) Травматическая афазия, стр. 86, 91, 217 и др.; 2) Высшие корковые функции человека. М., 1962, стр. 180.

³⁹ А. Р. Лурия и Л. С. Цветкова. О некоторых нейропсихологических механизмах речевого высказывания. — В кн.: Семинар по психолингвистике. Тезисы докладов и сообщений. М., 1966, стр. 2.

⁴⁰ Т. В. Рябова. Механизм порождения речи по данным афазиологии. — В сб.: Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967, стр. 80—81.

⁴¹ А. Р. Лурия. 1) Высшие корковые функции человека, стр. 337; 2) Травматическая афазия, стр. 210, 213.

⁴² В. Пенфильд, Л. Робертс. Речь и мозговые механизмы, стр. 208; Д. Вулдридж. Механизмы мозга. М., 1965, стр. 221—224.

⁴³ Т. В. Рябова. Механизм порождения речи..., стр. 83.

рован на слушателя и не всегда завершается отчуждением продуктов этого процесса вовне. Во многих случаях этот процесс замыкается в сфере субъекта и имеет самоцелью разговор с самим собой, внутреннюю работу мысли и воображения. Внутренняя речь, или речь для себя, заметно отличается по своей структуре от внешней, или речи для других. Согласно Л. Выготскому, синтаксис внутренней речи предельно сжат: все, что субъекту представляется известным или самоочевидным, в ней опущено. Существенную роль в процессах внутренней речи играет ее ситуативная обусловленность. Внутренняя речь предикативна; предмет речи, подлежащее как бы выносится за скобку, он заранее известен, и главный интерес сосредоточен на том, что мыслится о подлежащем.⁴⁴

Разграничение внутренней и внешней речи позволяет уточнить наши представления о первой ступени порождающего процесса. Совершающийся на семантической ступени процесс эксплицирования данных сознания может, очевидно, осуществляться в разных пропорциях в зависимости от того, рассчитана ли порождаемая речь на слушателя или же она строится в собственных интересах мысли. В рамках внутренней речи, в особенности, когда она оперирует наглядно-чувственными данными, процесс эксплицирования может ограничиться минимальным преобразованием активизируемых материалов сознания. Для этого, думается нам, достаточно сегментировать поток поступающей информации с помощью пропозициональных функций и в рамках выделенных пропозиций уточнить категориальный характер их «аргументов» (т. е. предметов, причастных к данной «функции»). Пока содержанием порождающего процесса являются живые образы вещей, наглядные представления, такой минимальной «категориализации» вполне достаточно для воссоздания мысленного образа событий и положений. Но для того чтобы словесно воспроизвести это содержание и превратить его в сообщение, необходим еще ряд дополнительных операций по эксплицированию содержания пропозиций.

Орудием дальнейшего эксплицирования содержания являются предикативные понятия и присущие последним валентности. О соотношении пропозициональных функций и предикативных понятий будет сказано в разд. 4 настоящей главы. С помощью предикативных понятий достигается превращение пропозиций с их своеобразной структурой в более сложные формы развернутых высказываний, содержащих в себе всю полноту информации, необходимой для формирования предложений внешней речи.

В противоположности внутренней и внешней речи можно видеть основания для разграничения семантической ступени порождающего процесса на две фазы, первичную и вторичную. Первичная фаза отличается недостаточной расчлененностью ее семантических структур и их близостью к чувственному образу. Синкретизм ее

⁴⁴ Л. С. Выготский. Мышление и речь. М.—Л., 1934, стр. 292 и сл.

структурных форм препятствует их непосредственному преобразованию в словесные высказывания. На вторичной фазе совершается переструктурирование ситуативно связанных пропозиций в более сложные содержательные структуры, основанные на понятиях и близкие по своему характеру к поверхностным предложениям. То, что в синтаксических образованиях первичной фазы дано в имплицитной форме, теперь в интересах слушателя вычленяется и уточняется. Чтобы превратить содержательные структуры вторичной фазы в поверхностные предложения, остается лишь подобрать к ним лексемы и сформировать на их основе предложения, отвечающие нормам определенного языка.

Подытоживая все сказанное выше о процессах порождения речи, следует вновь подчеркнуть связь этих процессов с деятельностью сознания. Из двух противоположных по своей общей направленности процессов речевой деятельности — говорения и слушания порождает речь только первый. В этом смысле процесс слушания пассивнее, он сводится к восприятию готовых текстов. Но сопровождающая речевые акты деятельность мысли в равной мере пронизывает оба процесса. Процесс слушания предполагает понимание; как и процесс говорения, он невозможен без мысли. Разница между ними теперь в общей направленности движения. Если процесс порождения речи движется от элементов сознания к речи и представляет собой процесс «развертывания» латентных знаний в речевые формы, то процесс восприятия речи движется от готовых текстов к элементам сознания и представляет собой процесс «свертывания» текстов в специфические формы знания.

Процесс говорения нередко называют синтезом речи, а процесс слушания — анализом речи. Если этим хотят лишь подчеркнуть противоположную направленность этих процессов, то против предложенных терминов возражать не приходится. Но с этими терминами связываются подчас особые представления о внутренней структуре процессов. Говорение интерпретируется тогда как односторонний процесс синтеза текста из языковых элементов, а слушание — как односторонний процесс анализа текста. Такое понимание процессов речевой деятельности отвечает, скорее, представлениям теории языковых уровней, нежели порождающей грамматики в собственном смысле. Лежащий в основе порождающей грамматики принцип преобразования глобальных структур в корне противоречит представлениям о процессах «сборки» и «разборки» текста.

С определенной точки зрения можно утверждать, что в каждом процессе речевой деятельности чередуются акты синтеза и анализа порождаемых структур.

Процесс формирования мысли-речи, начинающийся с «развертывания» элементов сознания и завершающийся «фонационным исполнением» речевых образований, проходит, как мы пытались показать, ряд ступеней, на каждой из которых совершается процесс

преобразования глобальных структур одного порядка в глобальные структуры другого порядка. От активизированных элементов сознания к отдельным событиям и положениям, от событий и положений к пропозициям и мыслительным структурам более сложного порядка, от глубинных семантико-синтаксических структур к поверхностным предложениям, оснащенным лексемами и грамматическими формами и от последних к исполняемым фонологическим структурам — таков в общих чертах путь, совершаемый элементами сознания в процессе порождения речи. Переход от одной ступени процесса к другой предполагает анализ глобальных структур, сложившихся на предшествующей ступени, и синтез новых глобальных структур из полученных при анализе данных.

Аналогичным образом протекает и противоположный по своей направленности процесс слушания-понимания. Переход от одной ступени к другой осуществляется и в этом случае путем преобразования глобальных структур одного порядка в глобальные структуры другого порядка, причем каждое преобразование начинается с анализа преобразуемой структуры, вычленения из нее строевых элементов, необходимых для порождения новой структуры, и завершается синтезом новой структуры из найденных элементов.

Восстанавливаемая таким образом структура процессов речевой деятельности позволяет думать, что система языка состоит не только из инвентаря дискретных элементов, но также из речевых механизмов, своего рода динамических стереотипов, производящих анализ и синтез глобальных структур на каждой ступени рече-мыслительного процесса. Так как подвергающаяся преобразованию глобальная структура необходимо отличается всякий раз от новообразуемой, то выделяемые анализом дискретные элементы не совпадают с дискретными элементами, на базе которых сложилась анализируемая структура. Чтобы конкретнее представить себе характер трансформационных процессов и структуру участвующих в них строевых единиц, необходимо ближе рассмотреть относящиеся к этим процессам языковые факты. В настоящем исследовании нас, естественно, будут занимать только содержательные единицы языка, непосредственно связанные с семантическими фазами процессов речевой деятельности.

3. Рече-мыслительные и универсально-языковые основания традиционных частей речи

Функционирование слов в процессе речевой деятельности обусловлено их грамматическими свойствами. Сочленение слов в предложении и расчленение предложений на слова в актах речеобразования и восприятия речи неизменно совершается в опоре на грамматические свойства лексических единиц. Исследование этих свойств и классификация слов по грамматическим признакам пред-

ставляет поэтому насущный интерес для общей теории речевых процессов. Традиционная грамматика всегда интуитивно считалась с тем обстоятельством, что противоположность грамматического строя и лексики не является абсолютной и что грамматические различия пронизывают всю лексику, организуя ее изнутри. Грамматическая классификация слов, их распределение по «частям речи», издавна входит в грамматическое описание отдельных языков как его неотъемлемый ключевой компонент.

Правомерность традиционной классификации и целесообразность ее применения в описательной грамматике не подлежит сомнению. Пользуясь классификационными признаками, легко определить принадлежность слова к той или иной части речи и в рамках данной части речи уточнить правила его речевого поведения. Явные недостатки этой классификации не имеют существенного значения, пока мы имеем дело с эмпирическим описанием строя одного языка. Но положение резко меняется, как только от описаний отдельных языков мы переходим к широким типологическим сопоставлениям и обобщенному рассмотрению их структур. Логическая непоследовательность и сбивчивость традиционного учения, его «расплывчатый и бесплодный эмпиризм»,⁴⁵ становятся с этого момента серьезной помехой на пути к теоретическому осмыслению фактов.

Как давно отметили Г. Пауль и Ф. Ф. Фортунатов, старая классификационная схема не имеет единого принципа деления.⁴⁶ Выделение частей речи производится в ней на основе смешанных критериев: морфологических, синтаксических и логико-семантических. Привести эти признаки к единому знаменателю невозможно. Этому препятствуют асимметрия формы и содержания, а также синтаксиса и грамматической семантики. Пытаясь совместить несовместимое, традиционная грамматика в своих определениях частей речи делает крен то в сторону морфологии, то в сторону синтаксиса, то в сторону категориального содержания. В итоге ни один из этих принципов последовательно не выдерживается.

Уравнение морфологии с содержательным планом, выдвижение ее в качестве равноправной основы классификации наряду с функциональными критериями неизбежно ведет к искажению реальной перспективы. Функциональные разряды, как правило, не получают единого и последовательного звукового выражения. Во флективных языках, на материале которых формировалась традиционная классификация, переоценка морфологии перерождается в «морфологизм», т. е. одностороннее равнение на факты синтетической морфологии. Из всех разновидностей звукового выражения грамматических форм выхватывается словоизменение,

⁴⁵ L. Tesnière. *Éléments de syntax structurale*. Paris, 1959, p. 52.

⁴⁶ Г. Пауль. *Принципы истории языка*. Русск. пер. М., 1960, стр. 415; Ф. Ф. Фортунатов. *Сравнительное языковедение. Общий курс*. — В кн.: *Избр. тр.*, т. 1, М., 1956, стр. 166.

которому приписывается роль едва ли не важнейшего конструктивного фактора. Имена определяются как слова склоняемые, глаголы — как спрягаемые, наречия — как неизменяемые. Сталкиваясь с исключениями из этих фактов, традиционная грамматика либо молчаливо отмечает их, либо же конструирует из них особую часть речи. Так, в грамматиках русского языка отмечается существование группы несклоняемых существительных (*пальто, эму, боа*) и группы изменяемых наречий (*высоко—выше, глубоко—глубже, далеко—дальше* и т. п.), а существование неспрягаемых глаголов не признается, и такие образования, как *рад, должен, обязан* и др., либо относятся к прилагательным и причастиям, либо же выделяются в самостоятельную часть речи, так называемую категорию состояния. Преувеличение роли морфологического фактора сказывается часто и в том, что по формальному признаку в одну часть речи объединяются разнородные в категориальном отношении слова. Так, в разряд наречий, в семантическом плане определяемых как призначные слова второй степени (признаки признаков) наряду с собственно призначными словами, как *горячо, медленно, слепо*, зачисляются еще семантически близкие к существительным слова, как *домой, дома* (ср. к *своему дому, у себя в доме*), *завтра* (ср. *в четверг*), *утром* (ср. *в то утро*), а также служебные слова, как *вдруг, очень, едва, уже* и т. п., — на том лишь основании, что они неизменяемы.

Узко-морфологический подход к проблеме частей речи, целиком ориентированный на языки синтетического строя, естественно приводит к осложнениям при анализе несинтетических языков. Достаточно сослаться в этом отношении на споры в китайском языкознании. Для типологии языков существенным является вопрос, в какой мере выработанная на материале европейских языков номенклатура частей речи приложима к другим языкам. Мнения исследователей на этот счет резко расходятся.

Одни из них готовы признать традиционную классификацию универсальной. Эту точку зрения в последнее время высказал В. М. Жирмунский. В работе «О природе частей речи и их классификации» он писал: «... в своей лексико-семантической основе категории частей речи, по-видимому, имеют универсальный характер. Это относится не только к „основным частям речи“ — существительным, прилагательным, глаголам и наречиям, т. е. к разрядам слов с прямой предметной соотнесенностью, но и к полуформальным — местоимениям (заменителям имен) и числительным (счетным словам), к чисто формальным связочным словам (типа предлогов и союзов) и к „эмоциональным сигналам“ (типа междометий)».⁴⁷

⁴⁷ Вопросы теории частей речи. (На материале языков различных типов). Под ред. В. М. Жирмунского и О. П. Суника. Л., 1968, стр. 24.

Противоположной точки зрения держался, например, Э. Сэпир, полагавший, что подлинно универсальными частями речи являются лишь имя и глагол: «Какой бы, — писал он, — неуловимый характер ни носило в отдельных случаях различие имени и глагола, нет такого языка, который вовсе пренебрегал бы этим различием. Иначе обстоит с другими частями речи. Ни одна из них для жизни языка не является повелительно необходимой».⁴⁸

Первая точка зрения представляется нам более вероятной. Но значит ли это, что традиционную классификацию можно принять в качестве надежной основы для типологии языков, выделив из нее «лексико-семантическую основу» как универсальную, действительную для всех языков? Мы этого не думаем. Универсальные и идиоэтнические признаки настолько перемешались в традиционном учении о частях речи, лексико-семантическая характеристика частей речи в нем так смутно намечена, что прямо переносить ее в типологию языков было бы неосторожно.

Морфологические признаки сами по себе не могут служить отправной точкой для построения универсальной теории грамматических классов. Способы звукового выражения частей речи многообразны, и каждый язык обнаруживает в этой области неповторимые индивидуальные черты. Типологии языков остается в этом случае выявить лишь некоторые общие закономерности оформления частей речи, свойственные им морфологические универсалии. В настоящей работе, рассматривающей типологию языков только с содержательной стороны, вопрос о морфологических универсалиях, естественно, не ставится. Мы ограничимся анализом речемыслительных и синтаксических предпосылок грамматической классификации слов.

Грамматическая классификация слов, или, точнее, лексических значений, основывается на посылке, что в каждом лексическом значении содержатся некие моменты, определяющие грамматические потенции данного значения. Выделению грамматических классов слов уместно будет поэтому предпослать некоторые общие замечания о лексических значениях и их внутренней структуре.

Под лексическими значениями мы понимаем значения полнозначных слов в отличие от слов неполнозначных, «пустых», несущих грамматическую функцию. Отделить одни слова от других не всегда легко. Понятие грамматической функции очерчено более или менее четко только применительно к синтетическим формам. Показателем грамматической функции является в этих случаях грамматическая форма. Что же касается неполнозначных

⁴⁸ Э. Сэпир. Язык. Русск. пер. М., 1934, стр. 93.

или грамматических слов, то они зачастую лишены внешних примет, которые позволили бы отличить их от полнозначных слов. Задача в этом случае заключается в том, чтобы найти содержательные критерии. Пока это не сделано, мы, оперируя полнозначными словами, будем пользоваться лишь такими примерами, полнозначность которых вполне очевидна.

Говоря о лексических значениях, мы имеем в виду не надуманные «общие значения», искусственно конструируемые некоторыми лингвистами для каждого слова, а реальные значения, которых в слове может быть — и обыкновенно бывает — более одного. Иначе говоря, мы считаемся с полисемией слов как объективной данностью. Разумеется, совмещение нескольких лексических значений в одном слове не проходит бесследно для самих значений, которые нередко осложняются при этом добавочными стилистическими оттенками и требуют особых ситуативных или контекстуальных условий для своего обнаружения. Специфические обстоятельства, сопутствующие полисемии, не снимают, однако, самого факта сосуществования многих значений «под крышей» единого слова.

Чтобы эффективно пользоваться словами и их значениями, надо знать, что они выражают. Объем предметных знаний, предполагаемых лексическими значениями, сравнительно невелик. Лексическое знание — это, собственно говоря, минимум знаний, достаточный для опознания отображаемого объекта. Оно включает в себе совокупность основных примет, по которым опознается объект. Языковые знания этого рода не следует смешивать с конкретными знаниями о мире, которые выражаются с помощью языка.

Конкретные знания о мире различаются у разных людей в зависимости от житейского опыта, круга занятий и интересов, уровня образования и т. п. Что объединяет при этом всех носителей данного языка, это знание основ языка и соответственно минимальный запас предметно-содержательных знаний, подсказываемых языковыми единицами. Круг знаний о мире, которыми располагает каждый индивид, следует отличать от минимального круга языковых знаний, т. е. знаний о мире, обусловленных языком. Каждый человек, как правило, знает о предметах и их свойствах гораздо больше, чем это нужно ему для целей названия. Только при первом знакомстве с предметом и его наименованием эта разница может быть исчезающе малой. Конкретные знания о предметах могут быть весьма обширными, выражаются они с помощью языка, но не в самом языке, а в образуемых на его базе речевых произведениях, сообщениях, текстах. Определение лексического значения как минимума знаний, достаточного для узнавания отображаемого объекта и употребления его словесного обозначения, имеет принципиальное значение для семантики. А. А. Потебня был, насколько мне известно,

первый, кто, разграничив «ближайшие» и «дальнейшие» значения, указал на этот важный момент.⁴⁹

Очертить и эксплицитно выразить минимум предметных сведений, подразумеваемых лексическим значением данного слова, не всегда легко. Толковые словари в общем справляются с этой задачей, сохраняя дистанцию между собой и энциклопедическим словарем. Предлагаемые толковыми словарями определения значений не всегда выдерживают критику с точки зрения их логичности и последовательности (ср., например, нередкие в словарях «круговые» определения типа «курица — самка петуха» и «петух — самец курицы»). Но, критикуя словарные определения за их неуклюжесть и логическую невыдержанность, необходимо помнить, что задачей толкового словаря является не разработка строгой и логически непротиворечивой теории лексических значений, а экспликация внутреннего содержания слов. Стремясь раскрыть спрятанное в слове значение, толковый словарь может прибегать к разным приемам: описаниям предмета, дефинициям, синонимам. Все эти приемы правомерны как попытка дать приблизительное представление о границах семантического содержания слова. Если, однако, даваемые словарями дефиниции подчас тяжеловесны и искусственны, то объясняется это тем, что лексические значения повседневного языка соответствуют не научно-упорядоченным понятиям, а элементарным понятиям, добытым повседневным мышлением с помощью так называемых «остенсивных определений».

Отождествление лексических значений с понятиями в известных границах вполне правомерно. Лексические значения действительно близки по своему семантическому содержанию к тому, что в логике называют понятиями. Но полностью отождествить их нельзя. Этому мешает не только то обстоятельство, что на семантическое ядро лексического значения часто наслаиваются всякого рода экспрессивно-стилистические оттенки, но и тот более существенный в типологическом плане факт, что и в своей семантической сердцевине лексические значения обнаруживают индивидуальные отклонения.

Лексические значения не универсальны и заметно меняются от языка к языку. Сопоставляя факты разных языков, легко заметить, что нередко лексическое значение одного языка не находит себе лексического эквивалента в другом языке и содержание его передает описанием. Ср., например, англ. *to case* и русск. *класть в ящик*, англ. *crusted* и русск. *покрытый коркой*; ср., с другой стороны, русск. *кулек* и англ. *small mat-bag*, русск. *дочитать* и англ. *to read to the end*. Ср. еще нем. *verdursten* и русск. *умирать от жажды*, нем. *berüchtigi* и русск. *пользующийся дурной славой*

⁴⁹ А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 8—9.

и, с другой стороны, русск. *прилетать* и нем. *angeflogen kommen*, русск. *накануне* и нем. *tags zuvor, am vorangehenden (vorangegangenen) Tage*.

С отмеченными различиями связаны различия в объеме значений. Англ. *to come*, например, означает 'приходить, приезжать, прибывать' без уточнения способа передвижения. В русском языке используются обычно частные обозначения: *приходить, прибежать, приезжать, прилетать* и т. д. Русск. *прибывать*, правда, имеет более обобщенное значение, но применительно к пришедшему человеку оно употребляется только в специальном значении 'явиться по официальной надобности к какому-либо должностному лицу'. Различия в объеме значений создают предпосылки для воспроизведения значений назывных слов путем описания.

Разница между назывным словом и его парафразой весьма существенна. При упоминании предмета мы обычно называем его, а не описываем. К описаниям мы прибегаем сравнительно редко, например при объяснении значения нового слова или в стилистических целях. В систему языковых единиц входят только назывные слова. Описания не даны нам как готовые элементы языкового строя, они составляются по мере надобности в порядке речевой импровизации. Но это функциональное различие, будучи существенным для каждого языка, в значительной мере стирается при рассмотрении общих свойств лексических значений, поскольку в содержательном плане значение и его описание обнаруживают принципиальное сходство.

Обращаясь к рассмотрению общих предпосылок грамматической классификации лексических значений, следует четко разграничить речемыслительную и узко-лингвистическую области исследования.

В речемыслительном плане фундаментальное значение для грамматической классификации слов имеет противоположение предметных и призначных значений. Это противоположение лишь отдаленно напоминает принятое в грамматике деление слов на имена существительные, с одной стороны, и глаголы, прилагательные и наречия — с другой. Что касается слов, выражающих призначные значения, то традиционная грамматика их, как самостоятельную категорию, вообще не выделяет, и некоторые ряды таких слов, именно прилагательные, объединяются ею с существительными под общей шапкой «имен» (имена существительные и имена прилагательные). Существительные же определяются в грамматике как слова, выражающие предметы, но это понятие предметности не совпадает с нашим.

Под предметными значениями мы понимаем лексические значения, отображающие материальные предметы, физические тела, как например 'камни, деревья, звезды, лошади, карандаши, мозг, вода' и т. д. Традиционная грамматика не довольствуется таким ограничением. В число предметов она включает все то, что выра-

жается существительными. Кроме собственно предметов туда зачисляются ею еще и события (как 'наводнение, гроза, обвал, война, концерт, свадьба'), пространственные и временные отношения (как 'поверхность, простор, дыра, новолунье, каникулы, юбилей'), качества, состояния и действия (например, 'белизна, высота, мягкость, косьба, хождение, усталость, гнев'), формы предметов ('шар, капля, брусок'), численные определения ('пара, дюжина, сотня'), логические и философские категории ('сущность, основание, бытие, вероятность') и т. д. и т. п.

Рассматривая столь разнородные объекты именованья, как предметы традиционная грамматика не могла не ощущать некоторой неловкости. Особенно остро сознавала она несообразность включения абстрактных существительных, как *белизна* или *бег*, в разряд предметных слов. Многие исследователи, определяя существительные, делали поэтому оговорку относительно того, что существительные обозначают не только предметы, но и «предметы мысли», все то, что «мыслится как предмет». ⁵⁰ При этом, как правило, читателям предоставлялось лишь догадываться о том, что такое «предмет мысли» и почему, понимая, что качества, состояния и действия не являются предметами, люди сплошь и рядом «мыслят их как предметы». Лишь немногие исследователи пытались дать ответ на эти вопросы.

Одним из них был А. М. Пешковский. В способности языка «опредмечивать признаки» он видел «величайшее противоречие, величайшую алогичность, величайшую иррациональность языка». Считая, что язык обладает своей особой предметностью, отличающейся от логической, он писал: «Для грамматики достаточно просто констатировать, что все непредметное может быть в языке при помощи определенных грамматических средств опредмечено». ⁵¹ С этим замечанием трудно согласиться. Одной констатации того, что язык объединяет предметы и их признаки в одну категорию слов, явна недостаточно для конструирования особой категории «грамматической предметности». Необходимо еще показать, чем «грамматическая предметность» отличается от «логической» и каковы ее функциональные основания в языке.

Тоньше подошел к этому вопросу А. А. Потебня. Считая, что в отвлеченных существительных типа *белизна* предметность фиктивна, он вместе с тем указывал на то, что «фикции этого рода» становятся возможными лишь на относительно высокой ступени развития. Отвлеченное существительное — это, по Потебне, особый «способ представления» признака в языке, смысл которого заключается в том, что признак мыслится в данном случае «самостоятельно, независимо от какого-либо ком-

⁵⁰ См., например: Грамматика русского языка, т. I. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 103.

⁵¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 93—94.

плекса признаков» и может выступать в функции подлежащего или дополнения, тогда как в прилагательном такой признак мыслится не самостоятельно, а как заключенный в чем-то другом.⁵² Указание на закономерное появление субстантивированных признаков в языке и на скрывающийся за субстантивацией «особый способ представления признака» несомненно заслуживает, как увидим позже, внимания. Но в рассуждениях Потебни ощущается и некоторая недоговоренность. Область существительных, выражающих признаки, отнюдь не исчерпывается субстантивацией (ср. такие существительные, как *день, время, место, ком, круг* и т. п.). Как к тому же совместить с интерпретацией Потебни способность субстантивированных признаков сочетаться с существительными, ср. *белый снег* и *белизна снега*? Что функционально нового вносит в язык субстантивация, позволяющая представить признак как «независимый от предмета», и что в теоретико-познавательном отношении соответствует этой «независимости»?

Оставляя пока в стороне имена существительные, попытаемся уточнить состав семантического класса предметных лексических значений, образующего, как мы думаем, семантическую базу имен существительных.

Предметные значения, или понятия, характеризуются прежде всего тем, что они отображают материальные предметы и содержат в силу этого в себе общий категориальный признак предметности (не «грамматической» или «фиктивной», а реальной). Дополнительные признаки, присоединяющиеся к основному категориальному признаку, не влияют на определение данного значения как предметного. Иногда в пособиях по логике можно прочесть, что слово *отец*, например, выражает не предмет, а отношение. В такой трактовке термины родства оказываются разновидностью слов, выражающих отношения, как *любовь, добрососедство, неприязнь* и т. д. Но обозначение отношений и обозначение предметов по их отношениям — не одно и то же. Слово *отец* непосредственным образом выражает не отношение, а лицо, характеризуемое по его отношению к ближайшему потомству. Равно и слово *противник* выражает не отношение, а лицо или множество лиц, характеризуемых отношением враждебности и противодействия кому-либо. Отношения в таких словах — не объект именованья, а признаки, по которым выделяются определенные предметы, подобно тому как в словах *беляк, игрушка, кругляк, краска, великан, мудрец, трус, озорник* и т. п. в роли таких признаков выступают некоторые свойства предметов.

Предметные значения отличаются от призначных по своей семантической структуре, или, точнее, по структуре своего интен-

⁵² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 91.

сионала. Логическое содержание значения или его интенционал — это совокупность признаков, в опоре на которые выделяется отображаемый данным значением класс объектов (так называемый денотат). Интенционал имеет определенную структуру, исключаящую возможность рассматривать его как простой «пучок» или внешнюю рядоположность разнородных признаков. Различные признаки, входящие в состав интенционала, образуют организованное единство, целостную конфигурацию со сложной внутренней структурой.⁵³

Признаки, входящие в состав интенционала, делятся на категориальные и эмпирические. Именно категориальным признакам принадлежит роль организующего начала, цементирующего и подчиняющего себе всю структуру. Основными категориальными признаками лексических значений являются категории предметности и призначности. Дополняя друг друга, они образуют основу деления всех полнозначных слов на предметные и призначные.

Основные категориальные признаки членятся на дальнейшие, более дробные категории. Категория предметности распадается на подкатегории существ и вещей, а каждая из этих подкатегорий в свою очередь распадается на подкатегории низшего уровня; первая из них распадается на подкатегории лиц и не-лиц, а вторая — на подкатегории вещей естественных (отприродных) и искусственных (артефактов, изделий). В итоге получается целая иерархия предметных категориальных признаков. Традиционная грамматика давно догадывалась о существовании такой иерархии, как показывают установленные ею различия «одушевленных» и «неодушевленных», а также «разумных» и «неразумных» предметов. Только там эти понятия не были чисто семантическими; они строились на базе морфологических именных классификаций, в которых такие различия проведены непоследовательно.

Речемыслительные категории, только что названные нами, следует, конечно, отличать от категорий научного мышления, отражающих более глубокое понимание действительности. Речемыслительная категория существ не должна, например, отождествляться с научным понятием живого организма. К существам относятся только животные, да и то, по-видимому, не все, а только способные к активному, самостоятельному передвижению.

В иерархии простейших речемыслительных категорий каждая низшая категория включает в себя все предшествующие ей по

⁵³ О различии понятий «пучка» и «конфигурации» в несколько иной связи говорил А. М. Пешковский, употреблявший для них термины «простой конгломерат» и «интегрально-дифференциальный конгломерат признаков» (см.: А. М. Пешковский, Избр. тр., М., 1959, стр. 77). См. также: U. Weinreich, Explorations in Semantic Theory. — Current Trends in Linguistics, III. Ed. T. A. Sebeok. The Hague, 1965, стр. 418—419.

прямой линии высшие категории. Так, категория артефактов предполагает категорию вещей и категорию предметов: всякий артефакт есть вместе с тем вещь и предмет, а всякое лицо есть вместе с тем существо и предмет. Указывая, например, что *стол* это артефакт, нет нужды уже отмечать, что это еще вещь (т. е. несущество) и предмет; последние две категории имплицитно первой, однозначно вытекают из нее.

Кроме категорий предметности интенционал предметных значений включает в себе ряд признаков эмпирического характера. Толковые словари определяют *дом* как здание или строение, предназначенное для жилья или работы в нем. Но такое определение, хотя и воспроизводит содержание слова, существенно модифицирует его; рационализируя составные элементы значения, оно приписывает им абстрактный характер, в целом им несвойственный. Не всякий, кто уверенно и правильно пользуется словом *дом*, знаком с такими словами, как *строение* или *жилье*. А истолковать слово *дом* в таких выражениях, как это делает словарь, смогут только люди с вышколенным умом. Ребенок, усваивая язык, овладевает конкретными словами в результате многократных «остенсивных определений». Ему много раз показывают и называют предмет, после чего он начинает самостоятельно пользоваться его именем. Постепенно, после долгих проб и ошибок, в его уме откладывается обобщенный чувственный образ предмета, из которого отсеяны все несущественные чувственные признаки. Этот чувственный образ составляет эмпирическое содержание предметного значения и в языке взрослых. Хотя взрослые уже владеют мыслительными и языковыми формами, нужными для эксплицирования содержания слова, они этого не делают, как не станут пользоваться огнетушителем для погашения спички. Толкования, даваемые словарями обиходным словам, часто производят поэтому несколько странное впечатление. «Рационализация» предметного значения, эксплицирование его содержания требуют от носителя языка большого напряжения, и только лексикограф знает, каких трудов стоит каждое определение, предлагаемое словарем.

Призначные значения также имеют интенционал, определяемый категорией признака и рядом дополнительных признаков категориального и эмпирического свойства. В значении 'красный', например, категория признака уточняется категориальным признаком качества и эмпирическим признаком цвета; в значении 'носить' к основной категории присоединяются еще категориальные признаки предикативности, фактитивности и движения, а также эмпирические признаки, указывающие на то, что объект фактитивного действия удерживается субъектом движения в руках, на спине или иным образом.

Интенционал — лишь одна из сторон лексического значения. Характеристика различия предметных и призначных значений

была бы неполной, если бы мы забыли о другой их стороне — логическом объеме или экстенционале.

Экстенсионалом называют мысленное отражение класса объектов, выделенных с помощью интенционала. Экстенционал содержит в себе минимум сведений о классе, его общих свойствах и составе. Для предметных значений экстенционал устанавливает прежде всего, дискретны ли элементы данного класса или нет, имеем ли мы дело с классом единичных предметов или с веществом. От этого зависят такие свойства элементов класса, как считаемость, прямая и косвенная. Только дискретные предметы непосредственно считаемы; вещества же поддаются подсчету лишь при условии их предварительной дискретизации с помощью единиц измерения (ср. *два яблока*, но *два литра молока*). Применительно к считаемым предметам экстенционал устанавливает, состоит ли данный класс из одного уникального предмета или из многих предметов. Для классов второго рода экстенсионалом предопределяется возможность подсчета элементов класса и определения их с помощью кванторов *один*, *несколько*, *многие*, *все*, *каждый*, *любой* и т. д. Экстенционал предусматривает также возможность объединения всех или многих элементов класса в собирательные понятия типа *учительство*, *молодежь*, *народ*, *персонал*, *толпа*. Экстенционалу, таким образом, присущи категории дискретности и непрерывности (вещественности), прямой и косвенной считаемости, собирательности.

Экстенционал отличается от интенционала своей противоположной направленностью. Интенционал выявляет в разных предметах общую для них и в этом смысле инвариантную конфигурацию признаков, образующую основу для выделения класса; экстенционал же имеет дело с уже выделенным классом, элементы которого выступают в виде вариантов, каждый из которых чем-то отличается от других. Как бы похожи ни были между собой разные элементы одного класса, они необходимо предполагают не только сходство, но и различие. Даже для класса с уникальным элементом мы вправе допустить, что если бы вдруг нашлись новые представители данного класса, если, например, на нашем небосклоне было бы несколько лун, то у каждой из них непременно были бы свои отличительные особенности.

Выделяя в каждом элементе класса конфигурацию признаков, привязывающих его к данному классу, интенционал как бы настаивает на том, что существенными для каждого элемента являются лишь его интенциональные признаки, а все остальные — нерелевантны. В противовес интенционалу экстенционал берет элемент класса как реальный предмет во всей полноте его существенных и несущественных, актуальных и потенциальных признаков. Экстенционал как бы намекает на то, что признаки, существенные в плане словесного обозначения предмета, могут оказаться недостаточными для выделения конкретного элемента

класса, референта. Говоря о данном элементе класса, мы не только называем, но и характеризуем его по его актуальным в момент речи дополнительным признакам. Мы, следовательно, не довольствуемся интенционалом и выходим за его пределы.

Интенционал центростремителен: ориентированный на собственный класс, он отталкивается от прочих предметных классов. Экстенционал же, напротив, центробежен: допуская вычленение отдельных признаков предмета, независимо от того, входят ли они в состав интенционала или нет, он указывает на пересечение классов. Каждый признак, каждый комплекс признаков, обнаруженный в предмете, выводит его за пределы данного класса. Обнаружив, что яблоко румяное, мы тем самым отмечаем, что оно входит в класс красных предметов. Обнаружив, что оно вполне съедобно, мы причисляем его к классу предметов питания, и т. д. и т. п. В речевом плане интенционал обуславливает возможность названия предмета по его имени. Экстенционал открывает дополнительную возможность актуализации с помощью определений и предикатов.

До сих пор мы говорили преимущественно об интенционале и экстенционале предметных значений. Но обе стороны значений присутствуют и в призначных значениях. Интенционал призначного значения позволяет выделить определенный класс признаков, элементами которого будут конкретные разновидности данного признака. Конечно, выделить отдельные разновидности признаков несравненно труднее, чем выделить отдельные элементы класса дискретных предметов. Отсутствие резких границ между разновидностями признаков, постепенно переходящими одна в другую, усложняет в этом случае задачу. Но аналогичные трудности возникают и при выделении элементов классов веществ (недискретных предметов).

Анализ содержания лексических значений вскрыл в них противоречивые стороны, в сумме определяющие минимум знаний, необходимый для владения словом. Что же в онтологическом плане представляет собой этот минимум знаний? Какая внеязыковая реальность стоит за фундаментальным для всей структуры языка и речевого мышления противоположением предметных и призначных значений? Можно ли сказать, что не только речи, формирующейся на базе языка, но и языку как таковому соответствует некая внеязыковая реальность?

Реальные факты действительности отражаются не в изолированных словах, как они, скажем, даны в словарях, а в речевых коммуникациях, целостных сообщениях, текстах, минимальными единицами которых являются предложения. Именно в коммуникациях находят себе выражение наши знания о мире, несоизмеримо более обширные у каждого носителя языка, чем знания, предполагаемые основными единицами языка, в том числе и лек-

сическими значениями. Предложение является минимальной речевой единицей, сохраняющей живые связи языка с отображаемой мыслью действительностью. Слова и их значения в своем отношении к сознанию и реальной действительности опосредованы предложением и вне предложения являются лишь потенциальными единицами. Их можно сравнить с деталями механизма, функции которых могут быть поняты лишь в связи с целостным механизмом. Функциональные потенции слов обнаруживаются в предложении и теоретически выводимы из него.

Мыслительное содержание предложения нередко называют «смыслом» или «значением», приравнивая его к значению слова. Но мыслительное содержание предложений качественно отличается от мыслительного содержания слов, изъятых из контекста предложения. Слово само по себе, вне предложения, ничего не высказывает о реальных фактах, не воспроизводит их. Называя предметы и признаки предметов, мы лишь намекаем на некоторые факты, но не отображаем их. Различия, о которых мы сейчас говорим, очень важны. Они заслуживают более подробного рассмотрения

В наивном сознании говорящих, основывающихся на повседневном опыте усвоения имен и их употребления, постепенно созревает убеждение, что мир — это огромная коллекция вещей и что каждому имени в реальности соответствует какая-то вещь. Будучи сформулировано в общих выражениях, это убеждение перерастает в постулат об изоморфизме элементов языка и элементов реального мира.

Многие исследователи принимают этот постулат. Они исходят из положения, что каждому значению непременно соответствует какой-то денотат. Но сталкиваясь с фантастическими и иллюзорными понятиями, как 'жар-птица, скатерть-самобранка, душа, ангел', такой исследователь сбивается с пути. Он либо признает, что в реальности таким понятиям ничего не соответствует, что образуемые их интенционалами классы «пусты», либо же тщится доказать, что и таким понятиям соответствует некая предметная реальность. В первом случае он вступает в противоречие с тезисом об изоморфизме языка и мира, из которого он исходит, во втором случае он вступает в противоречие с самой действительностью.

Ошибочность точки зрения, устанавливающей однозначное отношение между назывным словом и его денотатом (т. е. внеязыковым предметом или признаком), коренится в наивном представлении, будто название является внешним ярлыком для денотата и непосредственно соотносится с ним. Между денотатом и названием, однако, лежит промежуточная область значений; каждое название соотносится со своим денотатом через значение. Лексическое значение или понятие — это не просто чувственный образ предмета, пусть даже генерализованный. Каждое лексиче-

ское значение предполагает определенные категориальные признаки, а также минимум интенциональных и экстенциональных знаний, необходимых для идентификации предмета и оперирования его названием. Наречению предмета должна поэтому предшествовать работа ума, полуинтуитивный, полусознательный процесс знакомства с объектом. Этот процесс не прекращается и после появления названия с той лишь разницей, что название выполняет теперь роль звуковой модели, с помощью которой говорящий уточняет мыслительное содержание слова.

Процесс выработки значений не всегда протекает прямолинейно и гладко. Предварительные суждения о предмете и его категориальная «оценка» могут оказаться ошибочными, вследствие чего в лексическое значение проникают элементы домысла и фантазии. По своему характеру фантастические понятия могут быть разными. Одни из них отражают растерянность незрелого ума перед могущественными силами природы и социальной жизни, в других сильнее сказывается элемент творческой мечты и стремления переиначить мир, изменить его. Понятия первого рода наполняют мир сверхъестественными существами, обладающими противоречивыми и несовместимыми свойствами; понятия второго рода наделяют реальные объекты чудесными свойствами, воспроизводящими в гиперболизированном и исправленном виде их естественные свойства. Но всякое вмешательство фантазии в процесс формирования значений было бы невозможно, если бы значения возникали в путях прямого и непосредственного отображения объектов.

Мнение, будто мир это огромное скопление разрозненных предметов и признаков, на которые остается лишь навесить словесные этикетки, неверно и, в сущности говоря, навеяно структурой языка. В реальности мир — не вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки, и словарь — не их инвентарная опись. «Мир, — как писал Энгельс, — состоит не из готовых законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов».⁵⁴ Непосредственной реальностью мира являются процессы, события, факты, данные в их пространственных и временных границах. Языковые единицы, слова непосредственно не отображают процессы или события; их отображает речь в своих предложениях.

Содержание предложения принципиально отличается от содержания слов тем, что оно сохраняет живой контакт с действительностью. Языкознание не выработало единого термина для обозначения мыслительного содержания предложения. Его называют то «мыслью», то «смыслом», то «суждением» и т. д. Мы будем придерживаться термина «пропозиция», принятого

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, М., 1961, стр. 302.

в современной логике. Каждое предложение своим пропозициональным содержанием отображает (так или иначе) какое-то событие. (Отбирая слово «событие» из числа других синонимичных слов, как ситуация, положение дел и т. д., мы, естественно, имеем в виду самое общее значение этого слова, обозначающего любое явление действительности, любой факт, пусть даже мелкий и несущественный. В понятие события входят и такие «спокойные», лишенные внутреннего движения факты, которые обычно называют «положениями», как например факт, выраженный предложением *На столе лежит книга.*)

Реальные процессы или события не отделены непроницаемыми перегородками друг от друга. Каждое событие связано со многими другими событиями, входит в состав событий большего формата и дробится на частные события. «Атомарных событий», т. е. далее нечленимых, несвязанных между собой и независимых друг от друга, существование которых допускали Л. Витгенштейн и Б. Рассел, в действительности не существует. Иное дело предложения, которые могут быть элементарными, т. е. неразложимыми на меньшие предложения. Но элементарность их относится к форме, а не к содержанию высказывания.

Отображение событий в речи определяется не только объективной структурой событий, но и многими другими обстоятельствами, как внешняя ситуация и внутренний контекст речи, интересы говорящего и его аудитории, уровень понимания ими сущности событий, степень развития языка и его ресурсов и т. д. Всякое предложение отражает реальные факты с известным приближением. Выражаемая им пропозиция может быть в своем отношении к действительности верной, неточной или вовсе ложной. Всякая пропозиция имеет поэтому, как выражается логика, «функцию истинности».

Но если только предложения в их пропозициональном содержании соотносятся с действительностью, то из этого не следует, что лексические значения, из которых «состоят» предложения, не имеют реального соответствия вне языка. Последнее верно лишь применительно к иллюзорным значениям, да и то лишь рассматриваемым в целом. Некоторым составным элементам и в таких значениях соответствует реальность. Когда говорят, что лексические значения как таковые не отражают реальность, то этим хотят сказать лишь то, что лексические значения — это абстракции, отображающие лишь определенные стороны, аспекты, моменты реальности, и что только в контексте предложения они, дополняя друг друга, создают конкретный мысленный образ действительности.

Понятие о событиях как целостных структурах действительности существенно для понимания не только предложений, но также слов и их значений. До сих пор мы в нашем изложении имели дело лишь с двумя разновидностями объектов обозначен-

ния: предметами и их признаками. Теперь мы можем восполнить серьезный пробел в нашей классификации объектов, выделив события как самостоятельный разряд таких объектов. Лексические значения, отображающие события, занимают ключевое место в иерархии лексических значений. В зависимости от степени конкретности или приближения к действительности можно выделить два уровня лексических значений (понятий). Наиболее конкретно, и в этом смысле непосредственно и прямо, выражают действительность событийные значения, близкие в этом отношении к предложениям. Они образуют базисный уровень. За ними следуют предметные и призначные значения, вычленяемые речевым мышлением из целостности события.

Назывные слова, обозначающие события, настолько близки по своему содержанию к предложениям, что превращаются в предложения с помощью самых минимальных средств. Ср. предложения типа *Пожар; Дождь; Война; Листопад* и т. п. Чтобы превратиться в предложения, слова этого типа нуждаются лишь в уточнении их грамматического времени. Но в некоторых ситуациях и этого не требуется, так как ситуация или заменяющий ее речевой контекст делают такое уточнение избыточным. Ср. *Пожар!*, где крик и интонация указывают на актуальность события. В других случаях для превращения событийного имени в предложение достаточно прибавить к нему глагол, указывающий на время события, ср. *Шло собрание; Разразилась гроза; Представление начинается; Раздался грохот* и т. д. Глагол в таких случаях часто выступает в функции «вербализатора», полужормального слова, способствующего преобразованию событийного имени в предложение. На его формальность указывает то обстоятельство, что во многих случаях такой глагол тавтологичен, нередко он воспроизводит не только содержание имени, но и его звуковую форму, ср. *Подул ветер; Вспыхнула молния; Гремит гром* и т. п. Собственно безличные глаголы типа *Светает; Морозит; Горит* также выражают события и близки по своему значению к событийным именам, ср. *Рассвет; Мороз; Пожар*. Негативным событийным словом является *Тишина* (=отсутствие звуков, безмолвие, молчание), ср. также *Мрак; Темнота* (=отсутствие света).

Включение событий в число объектов, отображаемых лексическими значениями, позволяет внести существенные уточнения в понятие призначного значения, которым мы пользовались до сих пор. В зависимости от того, к какому разряду объектов непосредственно относится данный признак, все призначные значения можно подразделить на три разряда: признаки событий, признаки предметов и признаки признаков. Прямо или опосредованно признаки принадлежат только событиям и материальным телам. Поскольку, однако, связь между телами и их свойствами не всегда однозначна, имеются объективные основания

говорить о признаках признаков, т. е. признаках такого рода, которые характеризуют предмет через посредство другого признака.

Признаками, характеризующими события, являются место и время их протекания, их продолжительность, интенсивность, размах и т. д. Непосредственными признаками предметов являются их форма, размер, цвет, вкус, запах, количество и т. д. Признаками признаков являются интенсивность признака, его количественные и качественные приметы, длительность и т. д. Заметим, что здесь нас интересуют лишь семантические категории, а не способы их выражения. Прилагательное *белый* и существительное *белизна* одинаково выражают признак предмета, и в этом отношении они равноценны. То, что их различает, относится к иной области отношений, к рассмотрению которой мы перейдем позднее.

Признаки признаков могут различаться по уровням в зависимости от степени их «удаленности» от предмета. В сочетании *очень осторожная игра дебютанта* признак осторожности характеризует признак игры, непосредственно относящийся к предмету, а признак 'очень' характеризует признак 'осторожный'. О. Есперсен в своей «Философии грамматики» квалифицировал эти различия как различия «рангов» или «уровней» зависимости признаков от предмета. Но устанавливаемые им «ранги» не совпадают с нашими. Есперсен, собственно говоря, имел в виду не отношения между признаками и реальными предметами, а отношения между словами в предложении.⁵⁵ Мы же, говоря о «признаках признаков» и об их распределении по «уровням» или «рангам», имеем здесь в виду не синтаксические связи, а их онтологические предпосылки.

Сложные взаимоотношения предметов с другими предметами, проявляющиеся в их многообразных разнонаправленных и перекрещивающихся признаках, предполагают наряду с непосредственными и прямыми признаками предметов также косвенные и многократно опосредованные. В силу своей опосредованности многие признаки получают относительную самостоятельность, дающую право говорящему абстрагироваться от предметов, к которым они относятся. В результате абстрагирующей деятельности человеческого ума на протяжении многих тысячелетий обособились целые области абстрактных свойств и отношений в их внутренних связях и движении, как например область духовной жизни людей и т. д. Каждая такая область отличается своими событиями, своими явлениями и фактами, которые нужно отличать от материальных событий и фактов.

Подробное рассмотрение сложной структуры бытия не входит в задачу лингвиста. Но некоторые аспекты структуры мира не могут не волновать его. Для грамматической теории важно

⁵⁵ О. Есперсен. Философия грамматики. Русск. пер. М., 1958, стр. 106 и сл.

различать понятия предмета (материального тела) и «носителя признаков», поскольку «носителем признаков» может быть не только предмет, но и признак предмета. Относительная автономность признака от предмета позволяет в случае необходимости абстрагироваться от предмета и рассматривать признак обособленно как «вместилище» ряда «собственных» признаков. Не менее важно различать реальные опосредования свойств, как они даны в объективной действительности, и «уровни», или «ранги», опосредований, фиксируемые грамматическим строем.

Онтологические моменты, выделенные выше, сами по себе недостаточны для понимания сущности грамматической классификации слов. Они образуют лишь некоторые, самые общие предпосылки такой классификации. Более конкретные представления о ней можно получить, если обратиться к универсально-лингвистическим факторам, обуславливающим грамматическое строение лексических значений.

Семантико-грамматическая классификация лексических значений основывается на двух различных принципах членения, образующих два пересекающихся множества. Одним из них является способ обозначения или, как иногда выражался Потебня, «способ представления» объекта в языке, в соответствии с которым все полнозначные слова подразделяются на назывные (пойтетические) и указательные (дейктические). Другим принципом является функция лексического значения в процессе «сложения смыслов» (Щерба), совершающемся в предложении. В соответствии со вторым принципом все полнозначные слова делятся на именные и неименные.

Основанием для первого деления служит различное отношение лексических значений к ситуации речи, той наглядно-чувственной обстановке, в которой непосредственно протекает акт речевого общения.

Назывные слова выделяют объект по некоторому минимуму признаков, присущих ему независимо от речевой ситуации. Этот минимум, очерченный интенционалом и экстенционалом, состоит, как отмечалось выше, из ряда категориальных и эмпирических признаков, необходимых для опознания объекта и правильного употребления его названия. Краткое описание объекта, сохраняющее силу для любой ситуации, — такова характерная особенность назывного слова. Слова типа *стул*, *мягкий*, *копать* не только обозначают определенные объекты, но и характеризуют их, выделяя их отличительные свойства. Знание этих слов предполагает, известный минимум сведений об объекте. Говорящий, например, должен знать, что *стул* — это артефакт, предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, что от кресла, например, его можно отличить по отсутствию ручек-подлокотников, а от табурета — по спинке; говорящий должен знать, что *мягкий* в отличие от *твердого* значит 'легко поддающийся сжатию и де-

формации при надавливании'; что *копать* обозначает действие по раздроблению и разрыхлению почвы с помощью лопаты или другого орудия, и т. д. Иначе говоря, назывное имя по-своему воспроизводит «качественную определенность предмета», ту его сторону, которую греческие мыслители называли термином ποιότης (ср. Wasbestimmtheit К. Бюлера).⁵⁶ На этом основании назывные слова и выражаемые ими значения можно назвать характеризующими или пойнотетическими.

Указательные слова в отличие от назывных ситуативны. Описательный элемент в них очень беден и редуцирован до минимума. Недостаток качественной определенности восполняется в них дейксисом, словесным указанием на ситуацию *hic et nunc*. Слова типа *я, теперь, там, сюда, этот, так* имеют широкое поле неопределенности. Только что слово *здесь* в моих устах обозначало поверхность стола, а спустя несколько минут оно уже обозначает книжную полку, а для обозначения поверхности стола я уже пользуюсь словом *там*. Чем отличается *ты* от *я*? Оба слова в равной мере обозначают партнеров в акте речевого общения, при этом, однако, каждый из них обозначает себя словом *я*, а другого — словом *ты*. В отличие от имен собственных местоимение *я* не прикреплено к определенным лицам. Оно легко перекочевывает от одного лица к другому, стоит лишь кому-то заговорить о себе.

Неситуативное содержание указательного слова сводится к некоторым очень тощим и абстрактным определениям. Что значит *это* само по себе? Все, что угодно, любое событие, любой предмет и любой признак. Только в конкретной речевой ситуации, иногда с помощью указательного жеста *это* лишается неопределенности и обозначает конкретный объект.

Естественным центром речевой ситуации является говорящий субъект. Отношение говорящего к самому себе, выражаемое местоимением *я*, незримо присутствует во всех указательных словах. — Что такое *ты*? — Лицо, к которому я непосредственно обращаюсь. — Что такое *здесь*? — Место подле меня. — Что такое *теперь*? — Время, когда я говорю. — Что такое *туда*? — В направлении ко мне. Говорящее лицо становится в таких словах естественной точкой, отправляясь от которой мы уточняем их содержание. Дейктические слова можно поэтому назвать еще эгоцентрическими.⁵⁷

Указательные слова употребляются, впрочем, и вне ситуации речи, например при воспроизведении нами прямой речи лиц, от-

⁵⁶ К. Bühler. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934, S. 103.

⁵⁷ О ситуативных или указательных словах см.: Г. В. Гегель. Феноменология духа. Русск. пер. СПб., 1913, стр. 44 и сл.; Б. Рассел. Человеческое познание. Русск. пер. М., 1957, стр. 110 и сл.

сутствующих в настоящий момент. Но обязательным условием такого употребления является воссоздание прежней речевой ситуации средствами речевого контекста.

То, что традиционная грамматика называет местоимениями, лишь приблизительно соответствует указательным словам. Так как в понятии местоимений функциональные особенности смешаны с формальными, то несклоняемые указательные слова, как *здесь, теперь, так* и т. п., обычно зачисляются в наречия. Неудачен и сам термин, выделяющий указательные слова по присущей лишь некоторым из них способности замещать имя. Если последнее верно (по крайней мере отчасти) в отношении таких местоимений, как *он, этот, тот* и др., то о местоимении первого лица, являющегося, как мы видели, средоточием данного разряда, сказать этого нельзя. Местоимение *я* не имеет заместительной функции; в речи говорящего о себе оно стоит не вместо имени собственного, а само за себя. Употребление имени собственного или выражений типа *Ваш покорный слуга, автор этих строк* и т. п. в данной позиции следовало бы скорее признать особыми стилистическими заменами «местоимения» первого лица.

Традиционные местоимения сближаются с именами существительными по иной линии. Они способны выступать в функции тех же членов предложения, что и существительные. Это обстоятельство действительно отличает их от указательных прилагательных и наречий (*такой, так* и др.). Но такое сближение основывается на принципе, несовместимом с делением слов на указательные и назывные. Местоимения в классической грамматике выделялись, следовательно, на основании двух разнородных принципов, что нарушало последовательность классификации.

Существует промежуточный разряд слов, объединяющих в своем содержании назывные и указательные элементы. К ним относятся, например, обычно относимые к наречиям слова, как *дома* (= у себя в доме), *домой, сегодня, вчера, завтра, заграницей* и др. В интенционал таких слов кроме общего категориального значения лица, места и времени входят еще назывные компоненты, как 'дом, день, страна' и некоторые другие. Ср. еще серб.-хорв. *летос* 'этим летом', латышск. *šonedēl* 'на этой неделе', нем. *heuer* 'в нынешнем году'. Во многих случаях гибридный характер таких слов свидетельствуется их словообразовательной или этимологической структурой, ср. русск. *сегодня* < сего дня, нем. *heute* < *hiu tagu.⁵⁸

Переходя к делению слов на именные и неименные, напомним, что эта классификация охватывает все полнозначные

⁵⁸ Много примеров этого рода можно найти в статье: R. Löttsch. Zur Frage der allgemeinen Semantik lokaler, temporaler und kausaler Adverbien. — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, B. 22, Hf. 2, 1969, S. 119 ff.

слова, как назывные, так и указательные. Но в назывных словах, составляющих подавляющую массу единиц словаря, предлагаемые данной классификацией различия проявляются полнее и резче. Различие именных и неименных слов принимает здесь форму противоположения имен и «не - имен».

Основанием для деления полнозначных слов на именные и неименные и соответственно назывных слов на имена и «не-имена» служит различие их функций в процессе «сложения смыслов» в предложении.

Сочетание полнозначных слов в предложении сопровождается специфическими процессами «сложения» значений. Правила «сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы», лингвистами до сих пор, как заметил Л. В. Щерба, «мало обследовались», хотя такие правила «гораздо важнее» формальных синтаксических правил.⁵⁹ Роль полнозначных слов в процессах «сложения смыслов» неодинакова. Если ограничиться сочетаниями, в которых происходит сращение двух лексических значений в одно более конкретное, то в таком сочетании одно из слов уточняет, как правило, другое. В сочетании *угловая комната* второе слово уточняется первым; в сочетании *мальчик заболел* первое слово уточняется вторым; в сочетании *слегка простудился* в роли уточнителя выступает *слегка*, а в роли уточняемого слова — *простудиться*. Уточняемое слово мы в дальнейшем будем называть экспликандумом, а уточняющее — экспликантом.

Четко выделить экспликандумы и экспликанты в каждом парном сочетании не всегда легко. Где, например, экспликандум и где экспликант в сочетании *вернуться домой* или в сочетании *купить книгу*? В сочетаниях, где существительное «дополняет» глагол, на первый взгляд неясно, уточняет ли существительное глагол или же глагол уточняется существительным. (Напомним, что *домой* означает 'в свой дом' и в семантическом плане должно рассматриваться как субстанциональное дополнение к глаголу.) В таких сочетаниях возникают дополнительные трудности, которые будут рассмотрены в следующем разделе. За этим исключением отношения в парных сочетаниях рассматриваемого типа весьма просты; функции экспликандума и экспликанта в них ясно различаются.

Как можно видеть из приведенных примеров, названные функции не совпадают с традиционными «членами предложения». Они не сводимы к функциям «определения» и «определяемого» или «подлежащего» и «сказуемого». На данном этапе изложения мы имеем еще дело с абстрактными категориями, из которых впоследствии предстоит вывести более богатые и содержательные категории традиционного синтаксиса.

⁵⁹ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1931, стр. 113.

Процессы сращения значений являются таковыми только в речевой деятельности слушателя. В каждой паре определенным образом связанных между собой лексических значений в процессе восприятия речи выделяются экспликандум и экспликант. Содержание экспликанта срастается с содержанием экспликандума, присоединяя к уже имеющимся у слушателя знаниям об объекте (референте) то новое, что вносит в него экспликант. Сращение значений обогащает знания слушателя об объекте. Процессы, протекающие в речевом механизме говорящего, противоположны по своей направленности. Говорящий стремится сообщить слушателю нечто новое, неизвестное последнему об объекте. Для этого он должен разложить свой конкретный образ референта на экспликандум и экспликант, обнаруживая свои знания с помощью языковых единиц. Парное сочетание лексических значений, состоящее из экспликандума и экспликанта, является минимальной семантико-синтаксической структурой, образуемой на этом пути. Термины «экпликандум» и «экпликант» ориентированы, как можно видеть, на говорящего. С точки зрения процесса слушания-понимания следовало бы говорить об «уточняемом» и «уточняющем» либо «обогащаемом» и «обогащающем» элементе пары.

У. Вайнрайх, своими последними исследованиями внесший неоценимый вклад в теорию грамматики, различал два типа лексических сочетаний: сцепление (linking) и включение (nesting). Первый из этих типов имеет прямое отношение к тому, что занимает нас сейчас. Сцепление, согласно определению Вайнрайха, — это такое сочетание двух полнозначных слов, которое влечет за собой логическое перемножение их интенционалов (в терминологии Вайнрайха — «десигнатов»). Пусть, говорит он, перед нами сочетание *желтый цветок*, в котором *цветок* имеет интенционал, состоящий и признаков $s_1 \cdot s_2 \cdot s_3$, а *желтый* имеет интенционал с признаками $s_4 \cdot s_5$. Тогда сочетание в целом получит составной интенционал $s_1 \cdot s_2 \cdot s_3 \cdot s_4 \cdot s_5$. Сводный интенционал парных сцеплений всегда, с такой точки зрения, будет составлять логическое произведение признаков сцепляемых значений.⁶⁰

Выделение сцеплений как особого типа сочетаний в противовес включениям является бесспорной заслугой Вайнрайха. Однако определение, даваемое им сцеплениям, в некотором отношении неточно. Вайнрайх не учитывает того, что отношения между элементами в парном сцеплении обусловлены не только интенционалами, но и некоторыми дополнительными моментами. Если бы все дело сводилось к логическому произведению интенциональных признаков, то не было бы разницы между такими сцеплениями, как *желтый цветок* и *желтизна цветка*, *поезд прибыл* и *прибытие*

⁶⁰ U. Weinreich. On the Semantic Structure of Language. — Universals of Language. Cambridge (Mass.), 1966, p. 130 et sqq.

поезда. Схема, иллюстрирующая результат сцепления, должна заключать в себе не только перечень признаков обоих интенционалов, но также указание на «направление», в котором совершается процесс их сращения. Точнее говоря, интенционалы должны содержать в себе отметку относительно их функции в данном сочетании. Слово *цветок*, например, в сочетании *желтизна цветка* существенным образом меняет свой интенционал: оно обозначает теперь уже не предмет, а отношение к предмету. Основным категориальным признаком, свойственным значению 'цветок', признак предметности, теперь уступает место другому категориальному признаку, отношению. Предмет и отношение — разные категории; категория отношения к чему-либо, конечно, содержит в себе здесь указание на член отношения, на некий предмет, но это не дает оснований рассматривать отношение к предмету как предмет. В сочетании *желтизна цветка* второй элемент выражает не предмет, а отношение к нему, и это обстоятельство существенным образом меняет структуру интенционала. Для Вайнрайха интенционал — это простое соединение признаков, логическая конъюнкция, в которой порядок элементов несуществен. Но интенционал, как указывалось выше, представляет собой иерархию признаков, в которой доминирующая роль принадлежит основному категориальному признаку. Выражаясь терминами самого Вайнрайха, интенционал — это не «пучок» признаков (*cluster*), а «конфигурация».⁶¹

Здесь снова важно подчеркнуть, что термин «предмет» мы употребляем не в том расплывчатом смысле, в каком он обычно употребляется в грамматике (согласно которой всякое существительное выражает «предмет»). Предмет для нас — только физическое тело (вещь, вещество, растение, живое существо). С другой стороны, признак для нас — это сторона, аспект, свойство или качество, особенность, отношение предмета. И предметы и признаки реальны и в этом смысле одинаково являются объектами. Признак не менее реален, чем предмет. Реален не только дом, но и то, что он кирпичный и высокий. Отношение к предмету есть признак, а не предмет. И поскольку форма родительного падежа *цветка* в сочетании *желтизна цветка* выражает не предмет, а отношение к предмету, она попадает в разряд языковых средств, выражающих признаки. То обстоятельство, что та же форма в сочетании *Я не сорвал цветка* выражает уже не отношение, а предмет, указывает на полифункциональность формы, обнаруживающей то предметное, то призначное значение.

Теперь мы можем определить, что такое именное слово. Именными мы называем слова, выступающие обычно в функции экспликандума и лишь в особых случаях несущие на себе функ-

⁶¹ U. Weinreich. Explorations on Semantic Theory. — Current Trends in Linguistics, III. Ed. T. A. Sebrok. The Hague, 1965, p. 418 et sqq.

цию экспликанта. Можно сказать, что функция экспликандума в таких словах первична, а функция экспликанта — вторична. Вторичный характер функции внешне проявляется в том, что для выражения ее требуется особая языковая форма, указывающая на сдвиг в функциональной значимости слова. Неименными в таком понимании являются слова с первичной функцией экспликанта и вторичной функцией экспликандума. И в данном случае вторичный характер функции предполагает особую форму. Говоря о формах, выражающих сдвиг экспликативной функции, переход от первичной функции к вторичной, мы понимаем форму весьма широко. Это не обязательно синтетические формы, аффиксы или агглютинативные приметы. Форма, выражающая отклонение от первичной функции, может быть и синтаксической, она может опираться на порядок слов и синтаксическую позицию слова.

Именными указательными словами являются личные местоимения *я, ты* и др. Неименными указательными словами — притяжательные местоимения и слова типа *теперь, здесь, тогда* и т. п. Основной массив именных и неименных слов образуют назывные слова, соответственно распадающиеся на имена и неимена.

То, что мы называем именами, соответствует примерно тому, что в традиционной грамматике называется именами существительными, тогда как «не-именами» мы называем все прочие назывные слова. Традиционное употребление термина «имя» расходится с принятым нами. Традиционная грамматика обозначает этим термином не только существительные, но также прилагательные и числительные. Что же касается прочих частей речи, то их единство в противоположность именам не отмечалось. Основанием для объединения существительных с прилагательными и числительными в разряд имен служит в традиционной грамматике не общность функций, а формальное сходство, состоящее в том, что в индоевропейских языках все такие слова в отличие от глаголов склоняются, а не спрягаются. Некоторую роль сыграла, по-видимому, и легкость, с которой осуществляется субстантивация прилагательных в этих языках. Стоит, однако, покинуть область частного языкознания и стать на типологическую точку зрения, как тотчас же отпадут все такие основания. То, что действительно объединяет имена в разных языках, это присущая им в качестве первичной функции способность выражать экспликандум. Остальные назывные слова отличаются от имен во всех языках тем, что по своей первичной функции они экспликанты и лишь вторичным образом могут выполнять функции экспликандума.⁶²

⁶² Несколько иным путем к различению имен и не-имен пришел Дж. Лайэнз, см.: J. Lyons. Towards a 'notional' theory of the 'parts of speech'. — Journal of Linguistics, II, 1966, p. 214.

Разграничение первичных и вторичных функций имен и не-имен позволяет в каждом из названных основных грамматических классов выделить два слоя лексических значений, первичный и вторичный. Вторичные значения каждого грамматического класса в функциональном отношении однотипны с первичными значениями противоположного класса, тогда как их первичные значения диаметрально противоположны. Это обстоятельство обуславливает возможность перехода вторичных лексических значений из одного грамматического класса в другой, ср. слова *отца* и *отцовы слова*, где вторичное значение принадлежности предмету выражено первый раз именем, а второй раз — не-именем. Каждый язык по-разному использует эти возможности. То, что в одном языке откладывается в слове как его вторичная функция, в другом языке переходит в противоположный класс назывных слов и получает свое собственное название.

В индоевропейских и многих других языках широко используется прием субстантивации, т. е. перевода вторичных значений неименных слов в класс имен, ср. *старость*, *бег*, *борьба*. Субстантивации в индоевропейских языках могут подвергаться даже дейктические слова, ср. нем. *das Ich*, русск. (мое) *Я*, греч. τὸ εἶναι. Встречаются, однако, языки, в которых субстантивация представлена весьма скудно. Именные лексические значения, образованные от призначных слов, представлены в таких языках гораздо чаще в виде вторичных функций неименных слов. Так, в древнекитайском языке «совершенно отсутствуют отвлеченные названия действий и качеств, вроде русских *учение*, *любовь*, *мудрость*, *высота*».⁶³ Сравнительно редко представлены среди имен обозначения предметов по признакам, ср. *цай*² 'богатство', *сы*⁴ 'еда'. Но это не значит, что абстрактных именных значений, а также обозначений предметов по их признакам в древнекитайском совершенно не было. Такие значения выражались «не-именами» (в терминологии С. Е. Яхонтова, предикативами), которые обнаруживают в этом случае «функции, обычно свойственные именам». Так, не-имена со значениями 'жить' и 'мудрый' могут в определенных синтаксических позициях получить значения 'жизнь' и 'мудрость'. Отмечая, что «древнекитайский язык резко отличается от большинства других языков тем, что основная масса слов в нем может иметь и другое, необычное употребление», автор исследования подчеркивает, что хотя «временные» значения такого рода и приходят «в противоречие со значением данного слова как определенной части речи», при этом все же «не происходит ни образования нового слова, ни перехода слова из одной части речи в другую».⁶⁴

⁶³ С. Е. Яхонтов. Древнекитайский язык. (Серия «Языки народов Азии и Африки»). М., 1965, стр. 42 и сл.

⁶⁴ См. там же, стр. 41, 42.

Вторичные значения не-имен сохраняют, таким образом, относительную автономность. Они могут оставаться в грамматическом классе не-имен на правах вторичных (производных) значений либо же переходить в класс имен (субстантивироваться или, если угодно, «номинализироваться»), получая тем самым статус первичных функций производных (отглагольных и отприлагательных) имен. В первом случае эти значения требуют для своего выявления особых синтаксических позиций (выраженных порядком позиций субъекта и объекта), во втором случае требуются лексические показатели перехода значения из одного грамматического класса в другой. Разные языки в разной пропорции используют эти возможности, что ведет к расхождениям в лексическом составе грамматических классов в разных языках.

Аналогичные колебания обнаруживают и вторичные значения имен, отражающие определенные отношения к предметам. И в данном случае вторичное значение может оставаться в пределах грамматического класса, в недрах которого оно сформировалось, либо переходить в противоположный класс не-имен. Оставаясь в классе имен, такое значение может выражаться синтаксической позицией (чаще всего позицией определения) либо специальной именной формой, например формой родительного падежа, словосложением или инкорпорацией, формой определяемого слова (ср. *status constructus* в семитических языках) и т. д. При переходе в грамматический класс не-имен такое лексическое значение получает особые формальные приметы, ср. русск. *железный*, *городской* и т. п., где отношение к имени выражено относительным прилагательным. Поскольку разные языки в разной мере используют возможности отнесения вторичных функций имен к тому или иному основному классу слов, лексический состав этих классов в разных языках обнаруживает добавочные расхождения.

Пока вторичное значение остается в лоне «родного» класса, оно выражается либо тем же словом, что и первичное значение, от которого оно отпочковалось, и в этом случае отличается от последнего лишь смещенностью синтаксических позиций, либо словоизменительной формой. Если же вторичное значение переходит в противоположный класс, его название осложняется словообразовательным формантом, указывающим на изменение классной принадлежности. Если словообразовательные формы подчеркивают различие первичных и вторичных значений, то синтаксические и словоизменительные формы маскируют и затемняют факт сосуществования в лоне одного грамматического класса двух противоположных по своим синтаксическим функциям разрядов лексических значений.

Традиционное различие словообразовательных и словоизменительных форм приходит здесь в противоречие с содержанием этих форм. Под словообразованием обычно понимают образова-

ние новых слов по нормам синтетической морфологии, а под словоизменением — ряды синтетических форм, характеризующих различное синтаксическое употребление одного и того же слова. При этом молчаливо допускается, что значение слова в случае словообразования меняется, а в случае словоизменения остается постоянным. Но теперь мы сталкиваемся со своеобразными случаями, когда одни и те же разновидности лексических значений в языках одного типа выражаются с помощью словообразовательных форм, а в языках другого типа — с помощью словоизменительных форм и синтаксических позиций. Для понимания сложного соотношения между словообразованием и словоизменением небезынтересно отметить, что синтаксическая позиция и словоизменительные формы могут при известных обстоятельствах выполнять функции, обычно выполняемые словообразованием.

Как показал анализ лексических значений имен и не-имен, одни и те же лексические значения разносятся разными языками по разным рубрикам. То, что в одних языках квалифицируется как вторичное значение имени, в другом языке выступает как первичное значение не-имени, и, наоборот, то, что в одном из них определяется как вторичное значение не-имени, в другом выступает как первичное значение имени. Иногда, как мы видели, обе возможности используются даже в одном языке (*слова отца и отцовы слова*). Лексическое значение может, таким образом, вступить в конфликт с основным функциональным значением своего класса, оставаясь тем не менее в составе данного класса.

Распределение вторичных значений по словам осуществляется, вообще говоря, двояко: либо по семантико-деривационным основаниям, либо по функциональным. В первом случае вторичное значение удерживается в том классе, в котором оно возникло, во втором случае — переходит в противоположный класс. Деривационный принцип означает, что классная принадлежность лексического значения обуславливается его связями с производящим значением, частичным сходством их эмпирического содержания. Оставаясь в составе ставшего двузначным слова, производное значение отличается от производящего только другими синтаксическими условиями употребления слова или словоизменительной формой. При победе функционального принципа вторичное значение отрывается от породившего его значения и, получая самостоятельное словесное выражение, переходит в противоположный класс. На передний план выдвигаются теперь не деривационные, а функциональные связи.

Различая первичные и вторичные значения в именах и не-именах, мы не останавливаемся здесь на том, как сложились вторичные значения и восходят ли они непосредственно к первичным значениям или же предполагают одну или несколько промежуточных ступеней. Нам важно лишь констатировать возможность сосуществования в одном грамматическом классе двух типов значе-

ний, из которых один соответствует категориальной примете данного класса, а другой ей противоречит.

Переход производного значения из грамматического класса, в котором оно сформировалось, в противоположный грамматический класс не означает перемены в семантико-грамматической природе этого значения. 'Мудрость', например, остается призначным значением независимо от того, выражено ли оно прилагательным, как в древнекитайском языке, или же абстрактным существительным, как в русском. В обоих случаях это ставшее субстанциональным призначное значение, способное функционировать в качестве экспликандума. Субстантивация вторичного значения прилагательного не должна поэтому расцениваться как некое его «опредмечение». Точно так же обстоит дело с вторичными значениями имен. Значение принадлежности остается призначным, независимо от того, представлено ли оно в языке как вторичное значение имени или как первичное значение прилагательного, ср. *лучи солнца* и *солнечные лучи*. Возникновение относительного прилагательного на базе вторичного значения имени свидетельствует только об изменении способа выражения. Ходячие представления о том, что существительные выражают только предметы и субстанции, а прилагательные и глаголы — только несубстанциональные признаки, подрываются многочисленными примерами вторичных значений, идущих вразрез с основными (первичными) значениями названных частей речи.

Подведем теперь некоторые итоги всему, что говорилось выше о противоположении имен и не-имен. В лексико-семантическом плане это противоположение, как мы видели, базируется на различии субстанциональных и несубстанциональных значений, находящихся в сложных и противоречивых отношениях с отображаемыми ими отношениями реальной действительности, а также и с выражающими их грамматическими классами слов.

Соотношение субстанциональных и несубстанциональных лексических значений с объектами названия, предметами и их признаками, асимметрично: субстанциональные значения могут отображать и предметы, и признаки, тогда как несубстанциональные значения отображают только признаки. Обусловлено это расхождение тем, что не только предметы, но и признаки, обладая относительной автономностью, могут выступать как субстанции, непосредственные носители признаков. Свойством же характеризовать субстанции, выявлять хранящиеся в памяти знания о них, обладают только признаки. Этим объясняются семантико-синтаксические свойства лексических значений. Если именные (субстанциональные) значения функционируют в «сцеплениях» в роли экспликандумов, содержание которых ожидает раскрытия, то неименные, т. е. несубстанциональные призначные значения, функционируют в «сцеплениях» в качестве экспликантов, с помощью которых выявляются знания об экспликандуме.

Мы видели далее, что слова, выражающие основные классы значений, дополнительно усложняют общую картину. Имена, призванные в первую очередь выразить субстанциональные значения, при некоторых условиях способны выразить еще и несубстанциональные значения. Сходным образом и не-имена выражают не только неименные значения, но в некоторых, строго определенных случаях также именные. Совмещение противоположных категориальных значений в словах одного грамматического класса регламентировано правилом полисемии: несубстанциональные значения в именах и субстанциональные значения в не-именах могут встречаться лишь на правах вторичных производных значений; первичными в именах могут быть только субстанциональные значения, а в не-именах — только несубстанциональные значения.

Уже в простейшем подчинительном сочетании из двух полнозначных слов прослеживаются, таким образом, два соотносительных плана семантико-грамматических отношений: план синтаксических отношений между полнозначными словами внутри сочетания и план синтаксических потенциалов полнозначных слов вне сочетания. Первый план — семантико-синтаксический, он касается функций полнозначных слов в подчинительном сочетании, или «сцеплении»; второй план — лексико-грамматический, он касается категориальной принадлежности слов, обуславливающей их синтаксические возможности. Семантико-синтаксический и лексико-грамматический планы тесно связаны между собой, но не изоморфны. Самыми общими категориями семантико-синтаксического плана являются экспликандум и экспликант; самыми общими рядами лексических значений, формирующихся на базе основных синтаксических функций, являются субстанциональные и несубстанциональные значения. Отношения между семантико-синтаксическими и лексико-грамматическими категориями усложняются вследствие того, что в роли экспликандума может выступать не только предметное, но и призначное значение. Так как призначное значение может выступать в двойной функции, то оно тем самым расщепляется на несубстанциональное и субстанциональное призначное значение. С другой стороны, на базе предметных значений могут сформироваться новые призначные значения, выражающие какое-либо отношение к данному предмету, например отношение принадлежности. Распределение таких значений по словам может, как мы видели, оказаться весьма сложным. Как бы, однако, ни сложилось их распределение по отдельным словам, различие субстанциональных и несубстанциональных значений остается по своей природе семантико-синтаксическим. Разница между семантико-синтаксическими категориями экспликандума и экспликанта и лексико-грамматическими категориями субстанциональных и несубстанциональных значений заключается лишь в том, что вторые из них содержат в себе в виде потенциалъ-

ной категории то, что первые реализуют в синтаксическом сочетании.

Переходя от простейших подчинительных сочетаний к более сложным, можно заметить, что в составе законченных предложений основные синтаксические функции усложняются и вместе с ними усложняется грамматическая классификация слов и лексических значений.

Ближайшим основанием для выделения дополнительных семантико-синтаксических функций является различное отношение экспликанта к составным элементам предложения. До сих пор мы рассматривали отношения между экспликандумом и экспликантом так, как если бы речь состояла исключительно из парных «сцеплений», в которых экспликант выявляет в референте признак, актуальный в данный момент. Мы прибегли к несколько искусственному допущению с целью раскрыть свойства, общие всякому экспликанту. Теперь же, обращаясь к реальному многочленному высказыванию, мы замечаем, что осуществляемая экспликантом функция эксплицирования признака референта принимает разные формы в зависимости от того, каково ее конкретное проявление в предложении.

Эпликант может служить целям экстенционального отграничения субстанционального значения, уточнения референта относительно класса объектов, к которому он принадлежит. Говоря *белая скатерть, увлекательная игра* или *быстро бежать* и т. п., мы с помощью экспликантов выделяем референты как актуальные элементы определенного класса, противопоставляя их другим элементам того же класса, — белую скатерть — другим скатертям, увлекательную игру — другим играм, быстрый бег — другим разновидностям бега. Актуальность признака выражается здесь в том, что он сужает субстанциональное значение, подготавливая тем самым его появление в высказывании.

Иную функцию выполняет экспликант, указывающий на непосредственное отношение экспликандума к событию, обозначенному предикатом. В сочетаниях типа *Он идет; Ребенок разбил чашку; Игра была увлекательной* и т. п. экспликанты актуальны не в плане отграничения референта от других элементов его класса, а в плане словесного воссоздания события, в котором замешаны определенные референты. Если экспликанты первого рода соотносят референты с другими элементами их классов, остающимися вне данного предложения, то экспликанты второго рода соотносят референт с событием, а если референтов в предложении много, то всех их вместе с событием, выраженным в предложении. Экпликанты первого рода действуют по парадигматической оси; отбирая нужные элементы из класса одноименных объектов, они тем самым оставляют в стороне все остальные элементы данного класса. Экпликанты второго рода действуют по синтагматической оси; они объединяют разные субстанциональные

значения (если в предложении их несколько) — независимо от их экстенционалов — в единое высказывание. Поскольку, наконец, экспликанты первого рода актуальны лишь в плане экстенциональной характеристики предмета, то они могут быть заменены другими экспликантами либо вовсе опущены, не нарушая целостности предложения. Без экспликантов второго рода предложение, как таковое, невысказуемо.

Эпликанты обоих типов хорошо известны в традиционной грамматике, первые — под именем атрибутов (определений), вторые — под именем предикатов (сказуемых).

Расщепление экспликантов на атрибуты и предикаты не остается без последствий и для их экспликантов. Среди последних приходится теперь различать детерминандумы (определяемые) и предикандумы («дополнения» в широком смысле). Предикандумы — это, таким образом, субстанциональные значения, эксплицируемые с помощью предикатов.

Сочетание субстанционального значения с несубстанциональным, выступающим в роли атрибута, приводит к образованию атрибутивной группы, тогда как сочетание субстанционального значения с несубстанциональным, выступающим в функции предиката, приводит к образованию предложения. Так как в предложении все подчинено организующей силе предиката, то атрибутивная группа входит в предложение на правах единого члена предложения, распадаясь внутри себя на детерминандум и атрибуты к нему, атрибутивная группа по отношению к предикату остается целостной единицей, единым экспликантом. Аtribuтивная группа образует составной член предложения, характер которого определяется ведущим членом этой группы, субстанциональным значением. Приравнение всей атрибутивной группы к одному из предикандумов является выражением главенствующей роли предиката в предложении.

Второстепенная роль атрибута сравнительно с предикатом сказывается и в другом отношении. Если без предиката предложение невысказуемо, то атрибут не является его обязательным членом. Как отмечалось выше, атрибут преследует цели лексической актуализации субстанционального значения, его экстенционального уточнения. Если субстанциональное значение достаточно четко выделяется речевой ситуацией или контекстом, то в атрибуте оно не нуждается. Определенные разряды субстанциональных значений появляются обычно в предложении без атрибутов. К ним относятся прежде всего дейктические значения. Местоимения я, ты, он и т. д. не принимают атрибутов в силу их ситуативной определенности. Не принимают атрибутов и некоторые другие разряды субстанциональных значений, о которых будет сказано позднее.

Рассматривая отношение определения к определяемому, мы квалифицировали лексическое значение, выступающее в функ-

ции определяемого, как субстанциональное. Может показаться, что примеры типа *необычайно радостный, очень рано, упорно работать* и т. д. противоречат нашему утверждению. Перед нами здесь сочетания призначных слов разных «уровней» или «рангов» подчинения. В предложении *Он встал очень рано* слово *очень* определяет *рано*, а *рано* определяет предикат *встал*. Двум определениям разных уровней в этом предложении соответствуют два разных по уровню определяемых: *рано* и *встал*. Каковы же значения этих слов в качестве определяемых, субстанциональны они или нет? Мы сталкиваемся здесь со случаями, когда одно и то же слово совмещает в себе функции экспликанта и экспликандума: будучи экспликандумом по отношению к предшествующему *очень*, наречие *рано* в свою очередь является экспликантом по отношению к *встал*. Такое совмещение функций имеет место при сочетании различающихся по уровню экспликантов.

Обособление наречий в особую часть речи связано, очевидно, с необходимостью разграничить различные уровни экспликации. Если, однако, в языке различаются лишь два уровня экспликации (наречная форма экспликанта, указывающая на «признак признака», и ненаречная форма, указывающая на непосредственную связь экспликанта с экспликандумом), то условием сведения многоступенчатых связей признаков с предметами в реальной действительности к двум уровням в языке является, можно думать, то обстоятельство, что форма «признака признака» является сигналом того, что форма, которой она подчинена, функционально двузначна, что она совмещает в себе функции экспликанта и экспликандума.

Понятие «определяемого» было хорошо известно традиционной грамматике (в силу чего термин «детерминандум» в сущности излишен и оправдан лишь постольку, поскольку он вводит элемент упорядоченности в терминологию основных синтаксических функций). Понятие же «предикандума» не было ей знакомо. Круг синтаксических функций, охватываемых этим понятием, приблизительно покрывается традиционными терминами «субъект предложения» и «объекты» (дополнения). Но функциональная общность всех объединяемых предикатом субстанциональных значений оставалась в традиционной грамматике неразгаданной.

Впрочем, выделив понятие «дополнения» (ср. фр. *complement*, нем. *Ergänzung*) наряду с понятием «объекта», традиционная грамматика сделала существенный шаг по направлению к понятию «предикандума» (или аргумента при предикате, как выражается современная логика). В термине «дополнение» явно сквозит сознание того, что предикат как бы содержит в своем значении несколько «пустых клеток», которые требуют «заполнения» их в предложении. Указание на необходимость «восполнения» или «дополнения» глагола именными значениями предвосхищает понятие валентности предиката. Ср., например, следующее замечание

А. А. Потебни: «Не договаривая дополнения при объективном глаголе, мы не делаем этого глагола субъективным (т. е. непереходным,— С. К.), потому что, нисколько не изменяя этим самого глагола, мы, так сказать, оставляем при нем пустое место для объекта: он уже читает — что бы то ни было, но нечто такое, что, выраженное именем, стояло бы непременно в винительном падеже».⁶⁵

Живое чувство контраста функций субъекта и объекта долго мешало языковедам осознать тот факт, что предикат содержит при себе «пустые места» не только для объектов и что субъект, с этой точки зрения, является одним из «дополнений» («дополнителей») предиката. Пока термин «дополнение» не охватывает и подлежащее, он остается синонимом термина «объект» и не имеет самостоятельного веса.

Реальному пониманию сущности «предикандумов» препятствовал и тот еще факт, что границы между объектами глагола и примыкающими к ним «обстоятельствами» остаются неясными. Четкое представление о сущности «предикандумов» или «мест» при глаголе может быть получено, таким образом, только по исследовании условий размежевания субъекта и объектов, с одной стороны, объектов и «обстоятельств» — с другой. Проблема валентности глагольных предикатов была уже отчасти затронута нами выше, в разделе о падежах. Вопрос об особом месте субъекта предложения среди предикандумов и соотношении последних с «обстоятельствами» будет рассмотрен в следующем разделе. Здесь же мы ограничимся общим определением предикандумов, или аргументов, как именных (субстанциональных) значений, непосредственно объединяемых предикатом и дополняющих его до уровня предложения.

Атрибутивные и предикативные функции образуют основу для дальнейшей дифференциации грамматических классов.

Все несубстанциональные значения, безотносительно к тому, выражены ли они именами или не-именами, могут функционировать и в качестве атрибутов, и в качестве предикатов. Выражающие их слова должны, следовательно, иметь формы, отграничивающие атрибутивное употребление несубстанционального значения от предикативного. Если бы распределение форм не зависело от содержания несубстанциональных значений, то соотношение форм во всех несубстанциональных словах было бы совершенно одинаковым. При этом условии можно было бы ожидать, что одна из функций, скажем, атрибутивная, выражалась бы в слове с несубстанциональным значением немаркированной формой, а противоположная ей предикативная форма выражалась бы маркированной формой. Реальное положение дел, наблюдаемое в язы-

⁶⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 200.

ках мира, не подтверждает наших ожиданий. Ни один язык, насколько нам известно, не оформляет свои несубстанциональные значения таким образом, чтобы все их предикативные значения были бы производными от атрибутивных или, наоборот, все атрибутивные значения были бы производными от предикативных. Реальная картина более сложна. Некоторые субстанциональные значения немаркированы в атрибутивной функции и маркированы в предикативной; другие же немаркированы в предикативной функции и маркированы в атрибутивной. Несубстанциональные значения первого рода мы будем называть атрибутивными, а несубстанциональные значения второго рода — предикативными.

Мы сталкиваемся здесь снова с принципом деривационного распределения элементов содержания, с которым мы уже встречались раньше при рассмотрении распределения субстанциональных и несубстанциональных значений в именах и не-именах. В именах, как было установлено, субстанциональные значения первичны, а несубстанциональные вторичны, тогда как в не-именах первичны несубстанциональные, а вторичны субстанциональные значения. Только там шла речь о различии основных грамматических типов значений и об их распределении по словам, здесь же наше внимание приковано к различиям функций и их распределению внутри одного из грамматических типов значений (именно несубстанционального). Теперь мы находим, что все несубстанциональные значения (будь то выступающие в именах на правах вторичных значений, будь то выступающие в не-именах на правах первичных значений) относятся к одному из двух подтипов несубстанциональных значений, атрибутивному либо предикативному. Оба подтипа сходятся в том, что относящиеся к ним значения употребляются в обеих функциях — атрибутивной и предикативной. Разнятся они друг от друга лишь деривационной значимостью функций: то, что в одном из подтипов выступает как первичная функция, в другом имеет вторичную значимость, и наоборот. Распределение функций по степеням деривационной значимости носит в подтипах инверсионный характер. См. схему деривационного распределения функций в несубстанциональных значениях, где знаком плюс отмечена первичная функция, а знаком минус — вторичная функция:

	Функции	
	атрибутивная	предикативная
Атрибутивные значения	+	—
Предикативные значения	—	+

Инверсивное распределение синтаксических функций в подтипах субстанциональных значений вызвано «возмущающим»

воздействием лексико-семантического фактора. По своему лексико-семантическому содержанию одни несубстанциональные значения предрасположены функционировать «в первую очередь» как атрибуты и только «во вторую очередь» — как предикаты, тогда как другие несубстанциональные значения предназначают этим функциям другую «очередность». Какие же семантические моменты влияют на размещение несубстанциональных значений по указанным подтипам?

Атрибут, как мы знаем, имеет целью актуализацию виртуального понятия об объекте, выделение какого-то объекта из множества одноименных объектов. Относительно устойчивые признаки предметов, как величина, форма, цвет, количество и т. д., больше подходят для этой цели, чем изменчивые признаки, отмечающие положение тела в пространстве, его движения, перемещения и т. д. Будучи ориентирован на парадигматические взаимоотношения объекта с другими объектами его класса, атрибут лишь косвенно связан с событием, отображенным в предложении, он необходим не столько для словесного воспроизведения самого события, сколько для актуализации понятия об одном из его предикандумов.

Другое дело — предикат. Он органически связан с предложением, которое без него немыслимо. Выбросить предикат из пропозиции — значит удалить ее жизненный нерв. Предикат неустраим без последствий для всей пропозиции, тогда как атрибут может быть заменен другим без большого ущерба для нее. В предложении *Маленькие кирпичные домики рыбаков были украшены по праздничному* можно, например, заменить атрибуты *маленькие* и *кирпичные* атрибутами *красные* и *двухквартирные*. Единственным условием для такой замены является равноценность новых атрибутов в плане актуализации понятия об объекте.

Относительная независимость атрибута от предложения отражается на его темпоральных свойствах. Предикат невозможен без указания на время его протекания, тогда как атрибут может обойтись без такого указания, довольствуясь временной формой предиката. Необходимо, однако, заметить, что форма времени предиката выполняет при этом неодинаковые функции. Если в самом предикате она отмечает время протекания события, то применительно к атрибуту она указывает лишь на то, что атрибут не утратил своей актуальности в момент выражаемого предикатом события.

Распределение атрибутивных и предикативных значений по словам во многом зависит от того, представлены ли они как первичные значения в не-именах или же как вторичные значения в именах. В первом случае они распределяются в соответствии с принципом деривационного распределения. Не-имена одного типа выражают атрибутивные значения, не-имена другого типа выражают предикативные значения. Поскольку соответствующие

таким не-именам несубстанциональные значения могут выступать в двух функциях, первичной и вторичной, постольку и выражающие их не-имена могут выступать в тех же функциях. Атрибутивные не-имена могут выступать как атрибуты в своей немаркированной форме и как предикаты в маркированной форме. Формативом, маркирующим предикативную форму атрибутивного не-имени, являются обычно местоименные или глагольные связки, присоединяющие к немаркированной форме примету грамматического времени. Предикативные не-имена функционируют как предикаты в своей немаркированной форме и как атрибуты в своей маркированной форме. Средством маркировки являются формативы, указывающие на переход от предикативной к атрибутивной функции (формы причастий, относительные местоимения и т. п.). То, что мы называем здесь атрибутивными словами, не имеет прямой аналогии в традиционных частях речи. Нашим атрибутивным словам приблизительно соответствуют имена прилагательные, числительные, призначные наречия. Предикативным словам приблизительно соответствует то, что традиционно называют глаголами. Полностью, однако, и эти категории не совпадают, так как мы руководствуемся содержательными критериями, а не формальными. Неспрягаемость ряда предикативных слов в русском языке (ср. *жаль*, *рад* и тому подобные образования, часто выделяемые в особую «категорию состояния») не препятствует зачислению их в разряд предикативных слов. К тому же предпринятая нами грамматическая классификация касается только полнозначных слов и, следовательно, заранее исключает из рассмотрения все служебные слова, в том числе и служебные глаголы. Следует отметить, что принцип деривационного распределения синтаксических функций применительно к глаголам и другим традиционным частям речи был, насколько мне известно, впервые сформулирован Е. Куриловичем в его замечательной статье «*Dérivation lexicale et dérivation syntaxique*».⁶⁶

Сложнее обстоит дело с несубстанциональными значениями, представленными в именах в качестве их вторичных значений. Случаи этого рода не всегда достаточно прозрачны. Более отчетливо несубстанциональные вторичные значения проявляются в примерах типа *Дом лесника стоял возле речки* и *Это был дом лесника*, где в первом случае форма *лесника* употреблена в атрибутивной функции, а во втором — в функции предикативной (если, конечно, во втором случае ударением выделена форма родительного падежа, что придает предложению значение 'этот дом принадлежал леснику'). В других случаях несубстанциональное значение выражено менее отчетливо. Мы имеем в виду случаи,

⁶⁶ J. Kuryłowicz. *Esquisses linguistiques*. Wrocław—Kraków, 1960, str. 42 et sqq.

когда именная форма, имеющая субстанциональное значение, в сочетании с другими именами получает скрытое несубстанциональное значение. Так, в аппозитивных сочетаниях типа *город Ленинград, инженер Петров* и т. п. имя собственное получает значение 'именуемый Ленинград', 'по фамилии Петров', т. е. выражает уже не предмет, а признак предмета. Получается это вследствие того, что содержащийся в интенционале имени собственного предметный признак (города в одном случае, лица — в другом) становится в таком сочетании избыточным, так как он выражен уже в предшествующем имени нарицательном. То новое, что имя собственное присоединяет в этих сочетаниях к содержанию нарицательного имени, сводится к указанию на признак, присвоенный предмету извне, его имя. Информативную ценность сохраняет только этот признак, позволяющий отличить в одном случае данный город от других городов, а в другом случае — данного инженера от других инженеров.

Сходным образом могут интерпретироваться примеры предикативного употребления имен, обозначающих лицо по какому-то признаку (профессии, состоянию, родственным отношениям и т. п.). В сочетании с именем, заключающим в себе признак лица, такие имена теряют свое предметное значение и получают вторичное несубстанциональное значение. Ср. *Он уже студент, Его выбрали председателем* и т. д. Содержащийся в интенционале таких имен категориальный признак лица становится здесь избыточным, так как он плеонастически повторяет категориальный признак, который содержится в характеризуемом лексическом значении. Информативную ценность сохраняет только характеристика лица, содержащаяся в интенционале.

Деление несубстанциональных значений на атрибутивные и предикативные находит отражение и в субстанциональных значениях, которые, в зависимости от способности присоединять к себе атрибутивные или предикативные значения, подразделяются на два противоположных разряда. По корреляции с атрибутивными значениями они делятся на определяемые и неопределяемые, а по корреляции с предикативными значениями — на предикабельные и непредикабельные.

К неопределяемым лексическим значениям относятся указательные субстанциональные значения, как *я, ты, он* и др. Лексические значения этого рода легко сочетаются с предикатами, но атрибутов не принимают. Можно, например, сказать *он работает, он спит, он отважен, он весел*, но невозможно сказать *веселый он, отважный он, работающий он* и т. д. Мы не рассматриваем здесь обособленных приложений типа *он, мятежный*, и т. п. Приложения относятся к иной плоскости синтаксических явлений, и о них нужно говорить особо.

Легко понять, чем вызвана дефективная валентность действительных субстанциональных значений на атрибуты. Будучи ситуа-

тивно и контекстуально обусловлены, они актуальны сами по себе и в дополнительной актуализации не нуждаются.

Не только дейктические субстанциональные слова не принимают к себе атрибутов. Этим свойством, хотя и в ограниченной мере, обладают и некоторые разряды пойнотетических значений. Сюда относятся прежде всего значения собственных имен. Как и значения нарицательных имен, они выделяют объект по некоторым присущим ему интенциональным признакам. Неповторимое своеобразие собственных имен заключается, однако, в том, что признак, по которому они выделяют объект, является признаком внешним, своего рода меткой или клеймом, нанесенным на объект извне с целью его индивидуализации. Имя в собственных именах выполняет двойную функцию: это не только звуковое обнаружение значения, но в качестве внешней приметы объекта еще и компонент значения.

Так как значения собственных имен отображают индивидуализированные объекты, то в дополнительной актуализации они обычно не нуждаются. Потребность в их актуализации появляется лишь тогда, когда имя собственное приобретает нарицательное значение, обозначая группу объектов, носящих одинаковое имя. Ср. *В комнату вошли два Петра, Петя Большой и Петя Маленький*. В этой фразе собственное имя употреблено один раз в нарицательном смысле и перед ним стоит количественное определение. Но употребление собственных имен в нарицательном смысле противоречит их основному назначению. Собственное имя призвано обозначать какой-либо индивидуальный объект, заранее известный участникам акта речевого общения. Если это условие нарушено и мы ничего об объекте не знаем, кроме его собственного имени, то знание об объекте становится иллюзорным. Говорящий, как указывалось выше, должен знать, в каких ситуативных и контекстуальных границах он может пользоваться таким именем без риска остаться непонятым. Если ситуация или контекст не гарантируют правильного понимания, то собственное имя подлежит уточнению с помощью другого имени — собственного или нарицательного.⁶⁷

Ограничение, налагаемое собственными именами на атрибутивную валентность, сказывается и в том еще факте, что всякий качественный или количественный атрибут, добавляемый к имени собственному в целях уточнения, обнаруживает тенденцию к слиянию с собственным именем и утрате своей нарицательной значимости. Такова судьба многих определений, превратившихся в компоненты или замены собственных имен (прозвища, клички, фамилии и т. д.). Ср. *Иван Грозный, Петр Первый, Северная Двина и Западная Двина, Латинская Америка* и т. д.

⁶⁷ О. Есперсен. *Философия грамматики*. Русск. пер. М., 1958, стр. 70 и сл.

Некоторые термины родства, имеющие в пределах семьи своего индивидуального носителя, приближаются по своей функциональной значимости к собственным именам. Слова *мама, папа*, а также *брат, сестра, дедушка, бабушка* и т. д. (последние при условии, если сфера их значимости вполне ясна, т. е. если брат, дедушка и т. д. только один в семье) также обнаруживают дефективную сочетаемость с атрибутами. Выражения типа *моя дорогая мама* не атрибутивны, под внешней атрибутивностью в них скрывается предикат. Присоединение атрибутивных слов продиктовано здесь не потребностями актуализации виртуального понятия, а соображениями экспрессивной модальности.

Дефективная валентность рассмотренных нами разрядов субстанциональных значений сопоставима в некотором отношении с дефективной валентностью событийных значений. В силу глобальности своих значений событийные слова часто бывают непредикабельны. Такие слова, как *дождь, наводнение, концерт, свадьба, война*, легко сочетаются с атрибутами, но с предикатами сочетаются в ограниченной степени.

Предикаты, сочетающиеся с событийными словами, указывают, как правило, на временные и пространственные границы события, на степень интенсивности события, способ его протекания и т. д. Ср. *Дождь продолжался долго; Война была изнурительной; Концерт прошел с большим успехом*. Это, так сказать, характеризующие и обстоятельственные предикаты, определяющие событие и условия его протекания.

В других случаях предикаты, сочетающиеся с событийными именами, носят формальный характер. Это своего рода служебные слова, выражающие грамматическое время события. В формальной функции «вербализатора» событийного имени могут выступать и не служебные глаголы, но в этом случае они теряют свою полноту. Ср. *Дождь идет; Дождь льет; Гром гремит; Дует ветер; Идет война; Идет собрание; Идет представление* и т. п. Формальный характер предиката подчеркивается здесь либо тавтологичностью его содержания, не прибавляющего ничего нового к семантическому содержанию имени, либо его опустошенностью. О дублировании содержания имени можно говорить не только в таких сочетаниях, как *Гром гремит*, где налицо «этимологическая фигура», но и в сочетаниях типа *Дождь льет, Ветер дует*, где идея движения воды или воздуха, содержащаяся в имени, повторяется в глаголе. Полная лексико-семантическая опустошенность глагола проявляется в сочетаниях *Шел дождь, Шло представление* и т. п., где глагол *ходить* низведен до уровня формального показателя предикативности.

Может показаться, что предложения типа *Гром разбудил меня, Концерт обрадовал зрителей, Война принесла много горя* и т. п. противоречат выдвинутому нами тезису. Но такие предложения, в которых события выступают как причины других событий, яв-

ляются преобразованиями двух глубинных предложений и к рассматриваемому нами плану элементарнейших синтаксических отношений прямого касательства не имеют. Речь о них пойдет в следующем разделе.

Неприятность событийных значений к предикатам вполне объяснима. Событийное значение, уточненное обстоятельствами (в первую голову — обстоятельством времени), является законченным предложением. По своему содержанию оно равно целому предложению. Задачей предиката в предложении является эксплицирование субстанциональных значений и превращение их в элементы предложения, предикандумы. Но событийные значения не нуждаются в таком эксплицировании как раз в силу глобальности своих значений, отображающих событие в целом.

Субстанциональные значения различаются, таким образом, по их сочетаемости с основными типами несубстанциональных значений. В субстанциональных значениях одного типа способность сочетаться с предикатами исключает способность сочетаться с атрибутами, в субстанциональных значениях другого типа способность сочетаться с атрибутами исключает или ограничивает способность сочетаться с предикатами. Этим типам субстанциональных значений, характеризующимся избирательным отношением к предикатам и атрибутам, противостоит другой тип, характеризующийся сочетаемостью как с предикатами, так и с атрибутами.

В результате предшествующего анализа определился инвентарь основных синтаксических функций и соотносительных с ними грамматических классов. К базисной синтаксической функции эксплицирования в ходе анализа присоединились специфицирующие ее функции атрибуции и предикации. На основе этих функций были выделены четыре грамматических класса: базисные классы субстанциональных и несубстанциональных значений и надстраивающиеся над ними классы атрибутивных и предикативных значений.

Полученные нами грамматические классы не дают еще достаточно функционально-семантического обоснования традиционным «частям речи». Чтобы ближе подойти к частям речи, подвергнем прежде всего дальнейшему анализу функцию атрибуции.

Целью всякой атрибуции является, как указывалось выше, ограничение референта от одноименных с ним фоновых объектов путем актуализации субстанционального понятия. Эта цель достигается всегда в опоре на интенционал актуализируемого значения. Использование интенционала в целях актуализации протекает, однако, не всегда одинаково. Рассматривая с этой точки зрения атрибутивные значения, в которых, как мы видели, интересующая нас функция первична, можно выделить два способа атрибуции.

Один из них опирается на признаки референта, не входящие в состав интенционала. Признаки, заключенные в интенционале,

для этого явно не годятся, так как они общи всем элементам объектного класса. При необходимости выделить какие-то яблоки из числа наличных яблок мы, естественно, не станем пользоваться признаками, общими для всех яблок, а воспользуемся лишь теми, которые присущи референту. Мы назовем их, например, румяными и спелыми, отграничивая, таким образом, румяные и спелые яблоки от зеленых и неспелых. В других случаях, когда актуализируемый объект отсутствует в наглядной ситуации и требуется выделить его непосредственно из объектного класса, мы также отвлекаемся от признаков, общих всем элементам данного класса. Во всех случаях мы, следовательно, отталкиваемся от интенциональных признаков данного класса. Атрибуцию этого рода, отталкивающуюся от интенционала и опирающуюся на различные признаки объектов внутри класса, можно назвать *к в а л и т а т и в н о й*.

Второй тип атрибуции отличается иным отношением к интенционалу. Вразрез со своей основной функцией — сплочения различных объектов в один общий класс — интенционал служит теперь, как бы странно это ни звучало, целям различения объектов внутри класса. Свойство интенционала уравнивать объекты, подводя их под единое наименование, выдвигается теперь на передний план. В процессе умственной идеализации отбрасываются все качественные различия между отдельными элементами класса, вследствие чего последние предстают перед нами как идеальные, качественно однородные элементы, отличающиеся каждый раз друг от друга лишь своими количественными соотношениями. То их оказывается много, то мало, то вовсе один. Атрибуцию этого рода, опирающуюся на количественные соотношения предметов, называют *к в а н т и т а т и в н о й*.

Атрибутивные значения и выражающие их слова, способные выступать в функции качественной атрибуции, можно поэтому назвать качественными, а атрибутивные значения и слова, способные выступать в функции количественной атрибуции, — количественными.

Легко заметить, что наши качественные слова напоминают традиционные «имена прилагательные», а наши количественные слова — традиционные «имена числительные». Полностью, однако, эти разряды не совпадают. Так как наша классификация преследует семантические цели, то морфологические особенности таких слов не принимаются нами в расчет. К числу качественных слов мы относим наряду со склоняемыми словами и несклоняемые, например русск. *экстра* (ср. *масло экстра*). К числу качественных слов мы относим далее и наречия, выражающие качественные признаки, как например *глубоко, сине, ярко* и т. п. Различия уровней опосредованности признаков не являются, с нашей точки зрения, релевантными в плане грамматического классовообразования. Они даны внутри класса атрибутивных слов и не могут слу-

жить основанием для противопоставления атрибутивных значений другим классам значений. С другой стороны, из числа качественных слов мы исключаем все явные и неявные относительные прилагательные, как *материнский, железный, богатый* и др., сложившиеся на базе субстанциональных значений и, следовательно, выражающие не качества, а отношения к предметам.

Равным образом и количественные слова не могут быть однозначно отождествлены с традиционными именами числительными. Помимо числительных к количественным словам относятся также количественные прилагательные и наречия, ср. *многие, некоторые, несколько, много, мало* и др.

Подобно тому как атрибутивные слова в зависимости от способа атрибуции подразделяются на качественные и количественные слова, точно так же и предикативные слова в зависимости от присущих им способов предикации делятся на более дробные разряды. Но дальнейшие подразделения предикативных слов нас в данном разделе не интересуют, так как они не приводят к каким-либо традиционным частям речи.

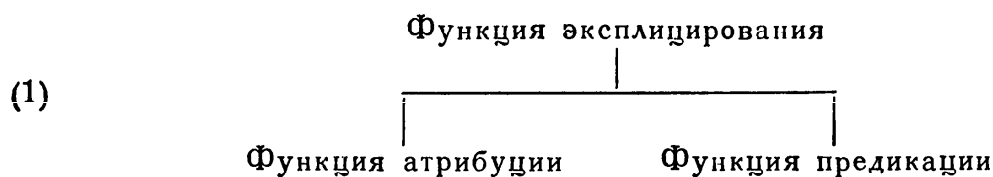
Мы можем теперь подвести общие итоги тому, что выше говорилось о грамматических классах значений и их соотношении с традиционными частями речи.

Предложенная нами классификация отличается от традиционной прежде всего своей семантической ориентацией. Нельзя сказать, чтобы семантическая сторона дела полностью отсутствовала в традиционной грамматике. Определив прилагательные как слова, выражающие качества, числительные — как счетные слова, а глаголы — как слова, выражающие действия и состояния, традиционная грамматика выделила ряд содержательных категорий, существенных для частей речи. Но традиционная классификация была классификацией слов, а не лексических значений. Грамматическая семантика не была в ней предметом специального анализа. Семантические моменты отмечались ею только при начальном определении частей речи, с тем чтобы потом к ним больше не возвращаться. В центре традиционного учения стояла морфология частей речи, которая к тому же понималась очень узко как флективная морфология индоевропейских языков. Так как традиционная грамматика не учитывала всей сложности взаимоотношений между грамматической формой и ее функциональным содержанием, между словом и лексическим значением, между семантикой грамматической и лексической, то предложенная ею классификация оказалась эмпирической и логически непоследовательной.

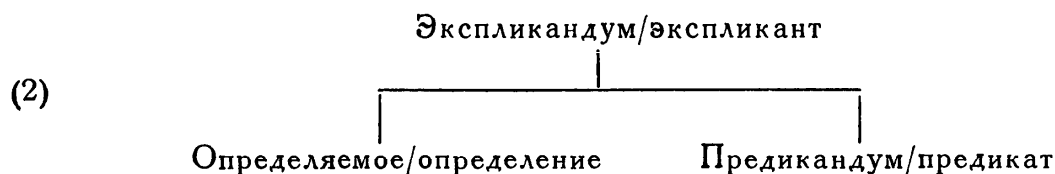
Наша классификация касается в первую очередь лексических значений. Конечно, значения без их звукового обнаружения — это абстракция, но абстракция вполне правомерная. Отсутствие изоморфизма между формой и содержанием в языке вынуждает исследователя до поры до времени отвлекаться от формальных раз-

личий и заниматься содержанием в «чистом виде». Только выявив сложную внутреннюю структуру того, что составляет содержание языковых образований, можно обратиться к рассмотрению соотношений содержательных и формальных моментов в структуре реальных языков, вернув им их естественную органическую целостность.

Решающую роль в нашей классификации лексических значений играют их синтаксические свойства, логически выводимые из функции эксплицирования. Логическая филиация синтаксических (или, если угодно, экспликативных) функций может быть представлена в виде следующей схемы:

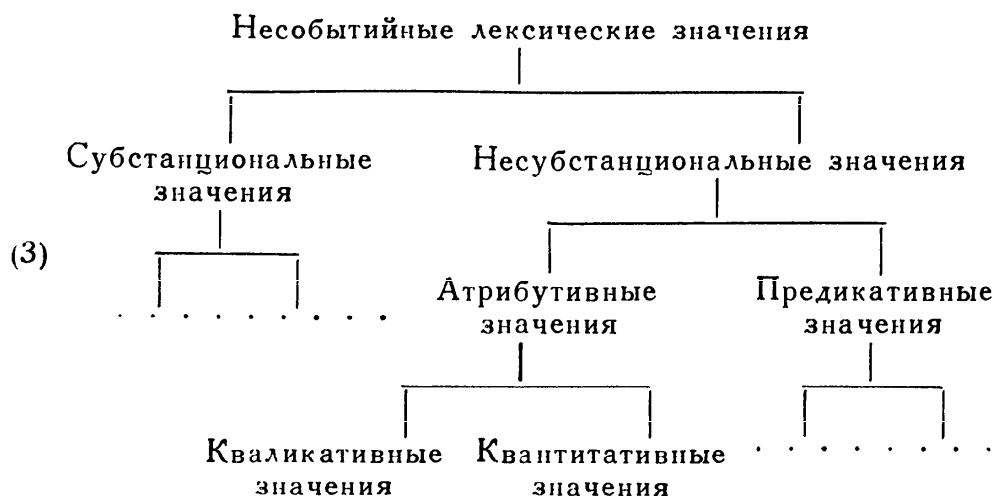
Так как каждая из упомянутых функций предполагает подчинительное синтаксическое отношение, то подставив в схему (1) соответствующие члены отношения, мы получим схему (2):

В схеме (1) отображена иерархическая структура основных синтаксических функций. Логически производные функции, т. е. функции атрибуции и предикации, имплицитно содержат в себе указание на исходную функцию эксплицирования. Определив, что в данном сочетании имела место атрибуция, мы тем самым уже знаем, что проявилась и функция эксплицирования. Но не наоборот: функция эксплицирования еще не предопределяет характера производной функции. То же самое можно сказать о членах основных синтаксических отношений. Зная, что перед нами определяемый член предложения, мы тем самым знаем, что он одновременно является и экспликандумом. Но об экспликандуме нельзя заранее сказать, будет ли это определяемое или предикандум.

Основные синтаксические функции и предполагаемые ими синтаксические отношения образуют основу для распределения лексических значений по грамматическим классам. На этой основе совершается деление всех лексических значений (кроме событийных) на субстанциональные и несубстанциональные. Дальнейшее членение лексических значений на более дробные классы обуслов-

лено специализацией основных синтаксических функций. Полученные нами семантические классы можно представить в виде следующей схемы:

В основе деления лексических значений на классы лежат, таким образом, синтаксические категории. Наряду с семантико-синтаксическими категориями, на базе которых производится выделение грамматических классов, в классификации представлены и категории другого порядка, которые можно назвать логико-грамматическими или онтологическими. Несмотря на их подчиненную роль в классификации, категории второго типа играют весьма существенную роль в общем грамматическом механизме языка.

Из числа уже упоминавшихся нами категорий к категориям логико-грамматического типа относятся предметность и призначность, качество и количество. На базе этих категорий в классе субстанциональных значений выделяются подклассы предметных и призначных значений, а в классе атрибутивных значений — подклассы квалитативных и квантитативных значений. Если семантико-синтаксические категории дают основание для выделения грамматических классов, то логико-грамматические категории служат основанием для разбиения грамматических классов на подклассы. Число основных семантико-синтаксических функций в языке невелико и соответственно невелико число грамматических классов. Логико-грамматических категорий несравненно больше. Осложняя инвентарь грамматических категорий, они содействуют уточнению синтаксических функций и грамматических классов.

Логико-грамматические категории воспроизводят в сознании реальные моменты объективной действительности. Это — элементарные познавательные категории, фиксированные в грамматической структуре языка. От гносеологических категорий научного познания они отличаются лишь своей элементарностью. Они

отображают самые простые и общие закономерности, без которых не может обойтись мышление, реализующееся в формах языка.

Отношение семантико-синтаксических категорий к реальности более сложное. Оно опосредовано логико-грамматическими категориями предметности и призначности. Реальные взаимоотношения между предметом и его признаками сложны и противоречивы. Различные предметные признаки по-разному соотносены со своим материальным субстратом. Одни из них связаны с ним прямо, другие — опосредованно, через другие признаки. Это обстоятельство открывает путь для относительного обособления признаков, для их рассмотрения в отвлечении от материального субстрата. Опираясь на объективные предпосылки, язык использует диалектику предмета и его признаков в целях сегментации объективной действительности, ее до некоторой степени искусственного препарирования. Не только предметы, но и их признаки могут быть представлены в языке в качестве субстанций, обладающих собственными признаками. Уподобление признаков предметам, подведение их под общую «шапку» субстанциональных значений является огрублением и упрощением реальных отношений. Одинаковая семантико-синтаксическая трактовка предметов и признаков как субстанций обусловлена различием уровней, или ступеней, опосредованности признаков в их отношении к своему материальному субстрату.

Синтаксические и логико-грамматические категории не являются единственными факторами, определяющими грамматическую классификацию значений. Немаловажную роль играет и такой специфический фактор, как способ обозначения внелингвистических объектов. Различие дейктических и пойнтетических значений, о которых уже говорилось выше, позволяет раскрыть сущность местоимений — единственной полнозначной части речи, которая осталась за пределами нашей классификации. Дейктические слова характеризуются, как известно, своим особым отношением к ситуации речи. Они необходимо предполагают наличие объекта в поле чувственного восприятия, в той наглядной ситуации, которая дана в момент речи. В качестве ситуативных слов, ориентированных на чувственно воспринимаемые объекты, они резко контрастируют с пойнтетическими словами, содержание которых свободно от уз ситуативности.

Дейктические субстанциональные слова не образуют особого грамматического класса. Это лишь особая разновидность субстанциональных значений, отличающаяся от пойнтетических субстанциональных слов специфическим способом обозначения. В синтаксическом плане они ведут себя так же, как другие субстанциональные слова. За одним лишь исключением. Ситуативность дейктических слов сказывается на их атрибутивной валентности. Как ситуативные, в достаточной мере актуализированные слова, они, как указывалось выше, не нуждаются в дальнейшей актуали-

зации. По этой причине они не принимают к себе атрибутов. Их атрибутивная валентность «дефективна».

Остается еще вкратце подытожить то, что говорилось выше о распределении лексических значений по грамматическим классам и о соотношении нашей грамматической классификации слов с традиционной классификацией слов по частям речи.

При рассмотрении распределения лексических значений по классам важно не упускать из виду факты скрытой деривации значений, обычно не учитываемые грамматикой. Принято считать что значение слова остается постоянным в пределах данной части речи и что словоизменительные и синтаксические формы осложняют лексические значения дополнительными грамматическими функциями, не меняя его существа. Анализ относящихся сюда фактов убеждает, однако, в том, что некоторые словоизменительные и синтаксические формы модифицируют лексическое значение настолько, что говорить о тождестве значения больше не приходится.

К числу таких форм относится, например, форма родительного падежа, предполагающая использование субстанционального слова в несвойственной такому слову функции атрибута. В словосочетании *дочка мельника* форма родительного падежа получает значение 'относящийся к мельнику', роднящее эту форму с относительным прилагательным, ср. *мельникова дочка*. Конечно, обе формы сходятся не во всем. Форма существительного, например, сочетается с атрибутом (ср. *дочка старого мельника*), тогда как относительное прилагательное этим свойством не обладает. Но это различие не следует переоценивать. Было бы неправильно думать, что существительное в рассматриваемой форме всегда удерживает субстанциональный характер значения. Словоформа *мельника* выступает в нашем примере в двойной функции: по отношению к атрибуту *старый* — это определяемое, а по отношению к *дочка* — определение. В первом случае слово *мельник* обнаруживает субстанциональное значение, во-втором — несубстанциональное. Аналогичные случаи совмещения двух категориальных значений в одном члене предложения попадались нам уже раньше при рассмотрении уровней опосредования атрибутивной связи. Так, в сочетании *быстро промчавшийся поезд* причастие является несубстанциональным только по отношению к определяемому (*поезд*), а по отношению к атрибуту *быстро* оно имеет субстанциональное значение.

Если какое-либо значение используется в различных категориальных функциях, то перед нами случай категориальной полисемии слова. Разница между значениями в таком слове минимальна. Значение каждого слова складывается из категориальных и эмпирических компонентов. В случае категориальной полисемии эмпирические компоненты одинаковы в обоих значениях; одно значение от другого отличается лишь своей категориальной харак-

теристикой. При одинаковом эмпирическом содержании одно из них оказывается субстанциональным, а другое — несубстанциональным либо оба значения оказываются несубстанциональными, но при этом одно из них атрибутивно, а другое — предикативно и т. д. При этом одно из таких значений оказывается в слове основным, а другое — производным.

Традиционная грамматика замечала категориальные различия значений только тогда, когда они выражались лексическими средствами. Ср. *белый* и *белизна*, *ходить* и *хождение*, *делает* и *делающий* и т. п. Но категориальные различия могут также выражаться средствами синтаксиса (переменой синтаксической позиции) и словоизменения. Если словоизменительная или синтаксическая формы меняют категориальную характеристику значения на обратную, преобразуя его исходное субстанциональное значение в несубстанциональное или наоборот, то в результате слово становится в категориальном отношении двузначным, совмещая в себе два противоположных по функции значения.

Когда в целях категориальной деривации используют словоизменительные и синтаксические средства, то различия между исходными и производными значениями скрадываются. Словоизменительные и синтаксические средства недостаточно оттеняют перелом в содержании значения. Оставляя производное значение в той части речи, в которой оно зародилось, деривация этого типа создает впечатление, будто классная принадлежность значения не изменилась. Такую деривацию мы называем *скрытой*. Она стирает границу, отделяющую собственно словоизменительные формы, оставляющие лексическое значение в пределах данного грамматического класса, от словоизменительных форм, переводящих данное лексическое значение из одного грамматического класса в другой.

Когда выше мы говорили о грамматических классах значений и выражающих их словах, мы еще не учитывали явления категориальной полисемии слов. К атрибутивным словам, например, мы относили всякое слово, выражающее атрибутивное значение, безотносительно к тому, является ли такое значение для него основным или производным и выражено ли оно самостоятельным словом или формой слова. Наша классификация слов является, таким образом, идеализированной классификацией, которая стала бы реальной только при условии, если бы каждому лексическому значению, возникшему в результате синтаксической деривации, соответствовало бы отдельное слово. Так как в «естественных», т. е. стихийно сложившихся, языках это условие не соблюдено, то к ним наша классификация слов непосредственным образом не приложима. Для них она является своего рода асимптотой, к которой они стремятся по мере того, как вторичные лексические значения получают в них явное, т. е. собственно лексическое, выражение.

Традиционная классификация слов по частям речи учитывает грамматическую деривацию значений лишь постольку, поскольку она выражена явными средствами. Факты скрытой деривации для нее, как таковые, не существуют. Словарными единицами, лексемами она оперирует так, как если бы словоизменительные формы и смены синтаксических позиций никакого влияния на классную принадлежность лексического значения не оказывали. Регистрируя различные синтаксические функции слов в предложении, традиционная грамматика не замечает различия между синтаксическими функциями, не меняющими классную принадлежность лексического значения, и синтаксическими функциями, видоизменяющими ее. Она слепо проходит поэтому мимо наблюдающихся в каждом языке противоречий между лексическими единицами и выражаемыми ими значениями.

Именно грамматически производные лексические значения, в силу своеобразных условий их лексической фиксации в языке, вносят беспорядок и путаницу в распределение лексических значений по классам. В принципе возможны два способа распределения категориально-производных лексических значений: 1) совмещение производного значения с основным в одном слове, 2) выражение производного значения особым словом. Каждый язык по-своему использует эти возможности применительно к разным лексическим значениям.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что именно исходные, или базисные, значения, совпадают в грамматических классах слов различных языков. Базисными для субстанциональных слов (имен) являются лексические значения, отображающие чувственно воспринимаемые предметы (физические тела). Вряд ли сыщется поэтому хоть один язык, в котором такие значения оказались бы в составе иного грамматического класса. Базисными для атрибутивных слов являются чувственно воспринимаемые признаки предметов, обладающие относительной устойчивостью, — качественные и количественные признаки. Для предикативных слов базисными являются простейшие, чувственно наблюдаемые изменчивые признаки, — предикаты действия и состояния. Традиционная грамматика интуитивно выделила базисные значения как семантическую основу важнейших частей речи — существительных, прилагательных, числительных, глаголов.

Производные значения в отличие от базисных образуют «подвижной фонд», по-разному распределяемый в разных языках. Субстанциональные значения типа 'мягкость, светлость, горечь' и т. п., или 'быстрота, богатство, слепота' и т. д., либо 'радость, бег, прыжок, копание' и т. д. могут по условиям своей лексической фиксации оказаться вне разряда существительных. Сходным образом атрибутивные значения типа 'относящиеся к морю (морской)', или 'сделанный из железа (железный)', или 'бегущий, который бежит; умерший, который умер; режущий, который режет' и т. д. могут не

попасть (и во многих языках действительно не попадают) в разряд прилагательных. А значения 'быть добрым, быть красным, быть сильным' или 'быть отцом, быть начальником, быть учительницей' могут не входить (и во многих языках действительно не входят) в число глагольных слов.

Важнейшие части речи универсальны, следовательно, лишь в меру выражения ими базисных значений. В остальном же их лексический состав неустойчив и обнаруживает идиоэтнические отклонения. Распределение производных (небазисных) значений по словам производится каждым языком своеобразно, что усиливает разноречивость в традиционной классификации частей речи. Деструктивное влияние морфологического фактора на грамматическую классификацию слов уже давно отмечалось в литературе. Но не менее сильное «возмущающее» влияние оказывают на нее и явления скрытой классной деривации. Отправляясь от лексем при группировке значений по их грамматическим свойствам, традиционная грамматика не выделила специфическую группу производных значений, лексическая фиксация которых принимает сложные и противоречивые формы даже в строе индивидуального, отдельно взятого языка.

Различие основных и производных, базисных и небазисных значений — универсальная особенность языкового строя. Определенные разряды лексических значений, а именно значения, отображающие чувственно воспринимаемые предметы и их внешние признаки, регулярно выступают как базисные значения важнейших грамматических классов, тогда как другие образуют во всех языках вторичные образования, распределение которых по словам носит сложный и противоречивый характер. Обнаруживающееся в лексических значениях различие уровней классной деривации накладывает глубокий отпечаток на грамматическую классификацию слов во всех языках. Оно существенно и само по себе как проявление специфической иерархии в структуре лексических значений.

Главные выводы, к которым мы пришли в настоящем разделе, можно резюмировать следующим образом. На распределение слов по грамматическим классам оказывают воздействие факторы различного порядка. Это прежде всего категориальная структура языка, в которой представлены категории двоякого рода: логико-грамматические категории, играющие относительно подчиненную роль в делении слов и их значений на грамматические классы, но очень важные в плане членения этих классов на подклассы, и семантико-синтаксические категории, определяющие процессы функционирования лексических значений в речи. Кроме категориального фактора в классификации лексических значений и выражающих их слов находят отражение и некоторые универсально-языковые факторы, как различия способов обозначения и процессы грамматической деривации.

4. Речемыслительные и универсально-языковые основания традиционных членов предложения

Из традиционных членов предложения нами рассмотрены уже в предыдущем разделе атрибут с определяемым и предикат. Но предикат был рассмотрен очень бегло в его самых общих связях с предикандумами. Теперь нам предстоит подробнее проанализировать эти связи и выявить семантико-синтаксические и формальные предпосылки недостающих членов предложения — субъекта, объекта и обстоятельства.

Валентные свойства предиката, реализующиеся в предложении, в самом предикате даны в виде «мест», подлежащих заполнению «пробелов». Каждый предикат как бы открывает «вакансии» для замещающих эти «вакансии» предикандумов. В зависимости от количества потенциальных «мест» предикаты распадаются на одноместные, двухместные, трехместные и др. Классификация предикатов по числу «мест» носит внешний характер и не затрагивает качественной природы отношений, предполагаемых предикатом. Но и такое чисто количественное определение предикатов играет немаловажную роль в учении о предикатах. Более существенна, однако, классификация предикатов, основанная на качественной характеристике их валентных свойств.

Внутри предикатов одного и того же количественного типа наблюдаются разнотипные в качественном плане отношения, обусловленные избирательной способностью предиката сочетаться с субстанциональными значениями определенных грамматических подклассов. По условиям своей качественной сочетаемости предикаты подразделяются на отдельные логико-грамматические типы, в общей сложности образующие сложную иерархию оппозиций. Выделение этих типов производится на основе логико-грамматических категорий, свойственных предикатам и их предикандумам. Примером логико-грамматического типа предикатов могут быть предикаты движения или, точнее говоря, активного перемещения в пространстве, которые характеризуются прежде всего «местом» для субъекта движения, в роли которого могут выступать лишь «одушевленные предметы», т. е. люди и способные к активному передвижению животные.

В настоящем разделе нас будут интересовать не логико-грамматические типы предикатов, как таковые, а складывающиеся на их основе семантико-синтаксические типы. Основанием для выделения последних являются специфические отношения между предикандумами, которые могут оказаться различными в пределах одного количественного типа предикатов.

В плане классификации предикатов по семантико-синтаксическим типам решающее значение имеет различие одноместных и многоместных предикатов. На первый взгляд это различие может показаться чисто количественным. Но объединение всех неодно-

местных предикатов в один общий тип, противопоставляемый одноместным предикатам, продиктовано не только количественными, но и семантико-синтаксическими соображениями. Оппозиция одноместных и многоместных предикатов основывается на различии «абсолютных» и «относительных» признаков. Современная логика называет первые из них «свойствами», а вторые — «отношениями».

Абсолютные предикаты выражают признаки, присущие одному объекту безотносительно к другим. Примерами абсолютных предикатов являются *спать, гулять, ходить* (в абсолютном смысле, ср. *Он уже ходит после болезни*), *стоять, плакать, умирать, гореть, зябнуть, вянуть, быть светлым, быть отважным, быть ребенком, быть солдатом* и т. д. Абсолютных признаков в полном смысле слова не бывает. Каждый предикативный признак соотносит свой предикандум не только с самим собой, но подчас и с другими объектами. В предложениях *Он гулял по дорожке, Он стоял под навесом, Она плакала с горя* и т. п. предикаты, названные нами абсолютными, сопряжены с несколькими субстанциональными значениями. Но эти добавочные субстанциональные значения не выступают здесь в функции предикандумов. Они не специфичны для предикатов данного типа и не обязательны для них. Указание на место и причину события в принципе возможно при любом предикате и, следовательно, не специфично для абсолютных предикатов. Отграничение предикандумов от других субстанциональных слов, сочетающихся с предикатами в предложении, не всегда, впрочем, является простым и легким делом. В дальнейшем нам придется еще вернуться к этому вопросу.

В силу своей одноместности абсолютные предикаты не представляют большого интереса для семантико-синтаксического исследования. Конечно, и абсолютные предикаты не однородны и могут быть разбиты на разные логико-грамматические подтипы, каждый из которых характеризуется своей специфической валентностью. Так, например, предикаты активного движения (*ходить, бродить, ползать* и т. д.) сочетаются только с обозначениями одушевленных предметов, а предикаты произвольного движения (*дрожать, качаться, падать* и т. п.) сочетаются и с обозначениями неодушевленных предметов. Но так как в границах каждого подтипа отношения между предикатом и его предикандумом остаются синтаксически неизменными, то необходимости в обозначении специфической функции предикандума не возникает. Если предикандумы абсолютных предикатов и различаются по форме в каком-либо языке (ср. русск. *Я не сплю* и *Мне не спится, Я дрожу* и *Меня знобит*), то эти различия объясняются приводящими обстоятельствами и прямого отношения к делу не имеют. Потребность в выделении синтаксических функций отдельных предикандумов появляется лишь тогда, когда предикандумов при предикате больше одного и когда отношения между предикандумом и логико-грамматическими подтипами, из которых подбираются

предикандумы к данному предикату, усложняются. Одноместные предикаты являются в силу этих обстоятельств нулевым семантико-синтаксическим типом, от которого мы отталкиваемся при определении основных семантико-синтаксических типов, складывающихся на базе многоместных предикатов и их сложных взаимоотношений с предикандумами.

Переходя к анализу многоместных, или «относительных», предикатов, необходимо прежде всего отметить, что семантико-синтаксические отношения между их предикандумами определяются не только логической природой этих отношений. Предложения *А и Б — братья*, *А — брат Б* и *Б — брат А* тождественны по отображаемому ими событию, или «положению дел». Во всех трех предложениях мы имеем дело с многоместным отношением 'быть братом'. Но с точки зрения грамматики эти предложения неравноценны. Только в первом из них предикат одинаково соотносится с обоими предикандумами. В остальных двух он характеризует один из предикандумов относительно другого. Функционально предикат здесь раздваивается: характеризуя один из предикандумов, он лишь ссылается на другой. Функциональное раздвоение предиката связано с функциональным обособлением предикандумов. Один из них (характеризуемый предикатом) выступает в функции субъекта, другой становится дополнительным предикандумом или просто «дополнением» («комплементом»). Субъект в предложении всегда один, тогда как комплементов может быть несколько. Если в функции субъекта выступает некое множество объектов, как в предложении *А и Б — братья*, то все такие объекты объединяются в один групповой субъект. Из общего числа предикандумов при предикате всегда отбирается для роли субъекта один, а все остальные отбрасываются в разряд комплементов.

Попытаемся ближе определить разницу между субъектом и комплементами, а также связанные с ними функции предиката. Проведенное У. Вайнрайхом (см. выше, стр. 149) разграничение двух типов синтаксических сочетаний — «сцепления» (linking) и «включения» (nesting) может сослужить нам при этом полезную службу. Сцеплениями Вайнрайх называет сочетания типа «атрибут — определяемое» и «субъект — предикат», а включениями — сочетания типа «предикат — комплементы». Сцепления, по Вайнрайху, образуют неупорядоченный «пучок» признаков: содержание несубстанционального значения вливается в содержание субстанционального значения, присоединяясь к признакам последнего по законам «конъюнкции классов». Иначе протекает семантико-синтаксический (Вайнрайх называет его «семиотическим») процесс включения. В последнем случае возникает, по Вайнрайху, уже не беспорядочный пучок признаков, а упорядоченная структура, «конфигурация». К признаку в этих случаях необходимо присоединяется указание на его специфическое отноше-

ние к субстанциональному значению. Пользуясь символикой математической логики, Вайнрайх предложил различные формулы для процессов сцепления и включения.

О неприложимости понятия сцепления к атрибутивным сочетаниям уже говорилось выше. Что же касается конструкции «субъект — предикат», то сам Вайнрайх в позднейшей работе признал, что при сведении ее к сцеплению возникают «интуитивные трудности» и что в целом роль сцепления в языке гораздо меньшая, чем он предполагал раньше.⁶⁸ В отличие от Вайнрайха мы полагаем, что сцеплений, в том виде, как их сформулировал Вайнрайх, в языке вообще не существует. Тем не менее мы считаем возможным удержать проведенное Вайнрайхом разграничение, придав термину «сцепление» несколько иной смысл.

Под «сцеплением» мы понимаем такое сочетание несубстанционального значения с субстанциональным, которое ведет к обогащению субстанционального значения. Возникающее в результате сцепления новое значение не является новым значением, в равной мере отличающимся от первых двух. Оно остается субстанциональным значением, отличающимся от прежнего субстанционального значения только новым признаком, перешедшим к нему из несубстанционального слова. Ни сопрягаемые значения, ни результирующее значение не являются при этом простыми конгломератами разрозненных признаков. Каждое из них обладает упорядоченной структурой и является, следовательно, по терминологии Вайнрайха, не «пучком», а «конфигурацией». Элемент порядка в структуру значений вносят категориальные признаки «субстанциональности / несубстанциональности», определяющие собой не только соотношение отдельных признаков внутри значения, но и направление процесса сцепления в целом. Так как слияние значений в процессе сцепления совершается всегда в направлении от несубстанционального значения к субстанциональному, то, не будь в значениях соответствующих категориальных примет, исчезла бы разница между сочетаниями типа *хозяин дома* и *дом хозяина*, *белый снег* и *белизна снега*, *человек долга* и *долг человека* и т. д.

Сочетание «субъект — предикат» сходится с сочетанием «определяемое — атрибут» в том, что оба они относятся к разряду сцеплений. Но отношение этих сочетаний к предложению различно. Приводимые Вайнрайхом примеры типа *Маленький слон не мал* (ср. еще: *И равен был неравный спор*) наглядно показывают, что роли атрибута и предиката не совпадают. Антитеза, заключенная в таких предложениях, оказывается возможной только потому, что сферы функционирования атрибута и предиката строго разграничены. Предикат входит в предложение непо-

⁶⁸ U. Weinreich. Explorations in Semantic Theory. — Current Trends in Linguistics, 3 (ed. T. A. Sebeck). The Hague, 1965, p. 428 (сноска).

средственно, как один из главных его элементов, атрибут же входит в предложение при посредстве определяемого и лишь постольку, поскольку определяемое нуждается в актуализации. Прямое отношения к отображаемому в предложении событию атрибут, следовательно, не имеет. Свое определяемое он соотносит не с компонентами предложения, данными одновременно в синтагматической цепи, а с фоновыми элементами объектного класса, находящимися за пределами предложения и связанными с определением лишь в парадигматическом плане. Пользуясь понятиями математической логики, можно сказать, что предикат выступает в качестве «пропозициональной функции», а атрибут — в качестве «дескриптивной функции».

При всем их различии предикат и атрибут сходны в одном: они оба обладают способностью характеризовать субстанциональные значения. Атрибут характеризует определяемое, а предикат — субъект. Но функция предиката по отношению к своим комплементам не является характеризующей. В процессе включения предикат не характеризует, а имплицитно выражает свои предикандумы. Характеризуя, слово называет тот признак, который оно присоединяет к субстанциональному значению. Имплицитно, оно предполагает определенный признак, не называя его. Чтобы полнее раскрыть функцию предиката по отношению к его комплементам, обратимся к той особенности предикативного значения, которая в последнее время привлекла к себе значительный интерес многих исследователей. Мы имеем в виду ту черту предикативного значения, которую называют «направленностью» или «интенцией».⁶⁹ Интенция, которую не всегда достаточно строго отграничивают от валентности, особенно ярко проявляется в легко конвертируемых двухместных и многоместных предикатах (о понятии конверсии будет сказано несколько дальше). Предложения *Этот мальчик — сын моего соседа* и *Мой сосед — отец этого мальчика* выражают одно и то же событие или «положение дел», но с разных сторон. В одном случае изложение ведется в направлении от сына к отцу, а в другом — от отца к сыну. Это различие подчеркнуто различием предикатов 'быть сыном' и 'быть отцом'. Эти предикаты имеют одинаковую количественную валентность: оба двухместны. Они обладают одинаковой семантико-синтаксической валентностью, в обоих случаях открывающей «места» для субъекта и комплемента (т. е. предикандума в иной, не субъектной функции). Различаются же они своей интенцией, поскольку в функции субъекта выступает то сын, то его отец.

Отношения между валентностью и интенцией предиката могут быть более сложными. Ср. предложения (1) *Винючник торже-*

⁶⁹ См., например: Р. Мразек. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы. — ВЯ, 1964, № 3, стр. 51 и сл. (со ссылкой в интересующем нас вопросе на Э. Паулини).

ства сидел между братом и гостем и (2) Брат и гость сидели по обе стороны от виновника торжества. И на этот раз предложения различаются по своей интенции, но одной интенцией дело не обходится. Если количественная валентность предикатов в обоих случаях трехместная, то семантико-синтаксическая валентность в них неодинакова: предикат 'сидеть между' открывает вакансии для субъекта и двух комплементов, а предикат 'сидеть по обе стороны' — для одного группового субъекта и одного комплемента. Семантико-синтаксическая валентность осталась бы той же, если бы во втором случае мы вместо предиката 'сидеть по обе стороны', предполагающего групповой субъект, взяли бы предикаты 'сидеть по одну сторону' и 'сидеть по другую сторону', которые открывают вакансию для каждого из элементов группового субъекта в отдельности, ср. (3) По одну сторону от виновника торжества сидел брат, а по другую сторону — гость. (Разница между предложениями (2) и (3) обусловлена несимметричностью частичного предиката 'сидеть по бокам'. Если в предложении (2) удалось объединить предикандумы этого предиката в один групповой субъект, то только потому, что язык допускает возможность образования квазисимметричных предикатов типа 'сидеть по обе стороны от кого-то', которые могут быть приложены к групповому субъекту.)

Относительные предикаты, отображающие одно и то же событие и отличающиеся друг от друга своей интенцией, называются конверсивными. Замену предиката (или построенного на базе этого предиката предложения) на конверсивный предикат (или соответственно конверсивное предложение) мы будем называть «интенциональной конверсией». Выше мы оперировали примерами свободной интенциональной конверсии, где каждый из конвертируемых предикатов в равной мере может считаться производным от другого и где, проще говоря, нет возможности определить, какой предикат является основным, а какой — производным от него. Предикаты этого рода мы будем называть свободно конвертируемыми.

Свободно конвертируемые предикаты — не частое явление в языке. Основную массу образуют предикаты с ограниченной способностью к конверсии. Встречаются и такие относительные предикаты, которые вовсе не поддаются конверсии.

Так, например, относительные предикаты активного движения 'итти в, итти к, итти мимо, итти вдоль, подниматься на, входить в, набегать на' и т. п. конверсии, как правило, не допускают. Объекты, мимо которых или вдоль которых идут, на которые поднимаются и т. д., редко становятся субъектами предложений с такими предикатами. Конечно, описательным путем конверсия порой достижима. Предложение *Я поехал на Кавказ* можно, например, заменить предложением *Кавказ был конечной целью моей поездки*. Но хотя предикандум, указывающий на конечную цель,

превращается здесь в субъект, о подлинной конверсии говорить в этом случае нельзя. Это, скорее, парафрастическая интерпретация исходного предложения, а не его конверсия. Мнимо конверсивное предложение отличается от подлинно конверсивного тем, что вносит в предложение ряд дополнительных моментов. Так, в новом предложении переменялся не только предикат (вместо 'поехать' появилось 'быть конечной целью'), но и состав предикандумов: рядом с предикандумом первого лица (упрятанным в притяжательное местоимение) появился предикандум 'поездка', соответствующий предикату первого предложения. Псевдоконверсивное предложение явно утяжеляет изложение: эксплицируя скрытую в локальном компоненте категорию цели, такое предложение меняет лингвистическую модальность высказывания, придавая ему черты делового или научного стиля.

Встречаются псевдоконверсивы и другого вида. Предложение *Многие поколения людей сменились в этом доме* может быть обращено в предложение: *Этот дом видел на своем веку много поколений людей*. Преобразованию подверглась здесь не только интенция, но и вся семантическая структура предиката. Появившийся в новом предложении довесок *на своем веку* усиливает момент олицетворения, внесенный в предикат. Считать такое преобразование грамматической конверсией, нейтральной в стилистическом плане, нет оснований. Любопытная деталь: чтобы добиться конверсии, понадобилось прибегнуть к персонификации. Как скоро увидим, это не случайность.

Предложения с предикатами иных семантико-синтаксических типов легче поддаются конверсии. Таковы, например, предложения с фактивными глаголами. Ср. *Он отослал книгу — Книга отослана им; Гусеницы поедают листья — Листья поедаются гусеницами* и т. д. Средством конверсии может быть при этом не только пассив, но и порядок слов (перенос компонента в позицию субъекта), ср. *Он отослал книгу — Книгу он отослал*. Синтетикоморфологические языки с свободным порядком слов легко обходятся поэтому без развитых форм пассива.

Не все поддающиеся конверсии предикаты являются свободно конвертируемыми. В большинстве случаев такие предикаты обнаруживают четкое распределение по ступени интенциональной деривации: один из соотносительных в интенциональном плане предикатов оказывается основным, а другой — исходным. Традиционная грамматика хотя и не выработала понятия об интенции, но хорошо была знакома с ее формальными обнаружениями. Признав вторичность пассива по сравнению с активом и «обратного» (инверсного) порядка слов по сравнению с «прямым», она интуитивно определила ступени интенциональной деривации.

Интенция предикативного значения вносит дополнительный штрих в предложенную выше трактовку предиката с его характеризующей функцией. Различие включения и сцепления прояв-

ляется не только в дифференцированном отношении предиката к субъекту и к комплементарам, но и в самой структуре предикативного значения, которое, как мы видим, всегда ориентировано на субъект. Каждое предикативное значение отличается семантической «кривизной», «перекосом», односторонним «равнением» на субъект. Выражая то или иное отношение, предикат всегда выделяет один из своих предикандумов, выступающий в роли субъекта. Это значит, что предикат никогда не выражает отношения в чистом виде; к выражаемому отношению всегда добавляется указание на предикандум, возводимый предикатом в субъекты. Это пристрастие к одному из предикандумов приводит к тому, что для выражения одного отношения язык должен иметь в своем инструментарии несколько синонимических предикатов, поскольку требуется выразить данное отношение «со стороны» то одного, то другого предикандума. В языке имеются поэтому наборы комплементарных предикатов, ср. 'быть мужем' и 'быть женой', 'сидеть между' и 'сидеть по обеим сторонам от', 'построить' и 'быть построенным' и т. д. Предикативное значение — это, следовательно, векторная величина, в которой задана вместе с содержанием определенная направленность на субъект.

Следует, однако, заметить, что в языке не всегда имеется достаточный набор комплементарных предикатов для превращения любого предикандума в субъект. В предложении *Спортом он занимается с детства* предикат *заниматься* ориентирован на лицо; комплементарного предиката, который выразил бы то же отношение со стороны объекта занятий, в русском языке нет. Перенос обозначения объекта занятий на первое место компенсирует отсутствие такого предиката. Вместе с тем использование инверсивного порядка слов в целях интенциональной конверсии показывает, что в языках, прибегающих к этому средству, интенция предиката, его характеризующая функция, может вступить в конфликт с формой субъекта. Как будет показано дальше, субъектом в приведенном предложении является *спортом*, именно этим объясняется выдвигание данного слова в позицию субъекта. При свободном порядке слов потребность в комплементарных предикатах уменьшается. Но при этом возникает противоречие между синтетической формой субъекта и позиционной (словопорядковой).

Существование комплементарных предикатов показывает, что субъектами предложения могут стать различные члены отношения, выражаемого предикатом. При одном из комплементарных предикатов субъектом становится один член отношения, при другом — другой. Всякий раз, однако, субъектом становится лишь один из них. Этот факт настолько очевиден, что грамматическая теория не задумывалась над ним. Между тем он заслуживает внимания. В самом деле, почему комплементов при предикате может быть несколько, а субъект всегда один? Причины этого явления коре-

няться, как мы думаем, в некоторых универсальных свойствах языка как специфической семиотической системы.

Одним из таких свойств языковых явлений является линейность речи и обусловленная ею проективность языка.

Еще Х. Штайнталь указывал на то, что отображение реальности обусловлено в какой-то мере свойствами применяемых в этих целях средств. «Каждое изображение (*Darstellung*), — писал он, — по существу своему неадекватно предмету. Тело, протяженное в трех направлениях, изображается художником на плоскости, следовательно, с помощью лишь двух направлений. Язык, протекающий лишь в одном направлении, временном, также изображает это тело. Целиком погруженный в поток времени, язык изображает то, что дано в одновременном „соположении“ предметов в пространстве. Протекая линейно, подобно точке, движущейся в одном направлении, язык воспроизводит поразительное многообразие связей и отношений развертывающейся в бесконечно многих направлениях мысли. Как же был бы он способен на это, не будь он автономен!». ⁷⁰

Подчеркивая автономность изобразительных средств, Штайнталь склонен был порой переоценивать ее степень. Он готов был допустить, что всякое изображение «полностью определяется законами, вытекающими только из природы изобразительных средств, а не из предмета изображения». ⁷¹ В целом, однако, чувство реальности ему не изменяло. Штайнталь отчетливо видел, что воспроизведение реальности в формах языка наталкивается на трудности, вызываемые различием их размерных структур. Речь, как и живопись, не обладает многомерностью реальности. Но, несмотря на их размерную ограниченность, и речь и живопись, каждая на свой лад, все же воспроизводят сложные отношения реальности. Как же это им удастся? Штайнталь не находил ответа на этот вопрос, и, быть может, именно поэтому он колебался в оценке автономности изобразительных средств, считая ее то абсолютной, то относительной.

Сама постановка вопроса о противоречии между линейной структурой речи (Штайнталь, не различавший последовательно речь и язык, говорил о линейности языка) была важным шагом вперед в развитии теории языка. Ф. де Соссюр заметил впоследствии, что линейность речи — это «основной принцип», от которого «зависит весь механизм языка». ⁷² В «Курсе общей лингвистики» этот тезис остался, впрочем, нераскрытым. Если, однако,

⁷⁰ H. Steinthal. Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. Abriß der Sprachwissenschaft, I. Die Sprache im Allgemeinen. Berlin, 1871, S. 62.

⁷¹ Там же.

⁷² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. (Русск. пер.). М., 1933, стр. 80—81.

учесть, что проекционные свойства языка, столь важные для понимания всей его структуры, обусловлены линейностью речи, то справедливость соссюрровских слов не вызовет сомнений.

Основная трудность поставленной Штайнталем проблемы заключается в том, чтобы понять, каким образом речь, оставаясь линейной и соответственно одномерной, преодолевает свою одномерность и воспроизводит сложные отношения объективной действительности. В линейной речи должны, видимо, существовать какие-то дополнительные средства, которые не противоречат ее коренному свойству и в то же время устраняют ограниченность ее. Чтобы создать иллюзию трехмерного пространства на плоскости, геометрия прибегает к проекции, а живопись — к перспективе. Средства проекции и перспективы призваны восполнить недостающую плоскости глубину. Средством преодоления одномерности в речи являются «проективные» формы языка. Язык как бы надстраивает над линией речи дополнительное многомерное пространство, в постоянном контакте с которым речь расширяет свои dimensionальные потенции. Этим «дополнительным пространством» является парадигматика языка.

Язык — это не только богатейшая коллекция языковых единиц (прежде всего слов). В системе каждого языка, независимо от его морфологического строя, даны парадигматические ряды семантико-синтаксических функций, в соответствии с которыми определяется функция лексического значения в речевой цепи. Для достижения этой цели необходимо, чтобы лексическое значение получило формальную примету в виде формы слова или синтаксической позиции — примету, которая отсылала бы к определенной функции в парадигматическом ряду, наподобие того как номерок указывает на место пальто в гардеробе или как шифр, проставленный в библиотечной книге, указывает на ее постоянное место в книгохранилище. Имплицитно содержащаяся в языковой памяти говорящих парадигматическая структура является, таким образом, реестром функций, в опоре на который в речь подставляются дополнительные измерения, отсутствующие в речевом потоке, как таковом.

Впервые, насколько мне известно, о проективных свойствах подчинительных форм языка писал А. А. Потебня. Сопоставляя древнеиндийские парадигматические конструкции целого и части с аналогичными гипотактическими конструкциями, он приходил к следующему заключению: «„Раздавлены слонами ногами“ не бессмысленно: действительно „слонами“, (т. е. их) „ногами“. Только здесь отношение между 2-мя вещами никак не выражено, и они изображены, так сказать, на одной плоскости, без перспективы. И насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия, настолько эти паратактические обороты по типу древнее таких, конечно, тоже восходящих в глубокую древность,

но более согласных с нашей привычкой к объединению мыслей, как „ногами слонов“». ⁷³

В контексте настоящей работы нас интересуют не историко-типологические выводы, к которым приходит Потебня, а его определение подчинительного сочетания как проективного. Чтобы выразить отношение целого и части в самом общем виде, достаточно, как показывает Потебня, поместить их обозначения рядом, без указания на специфический характер отношения между ними. Но часть в данном случае — не только часть целого, но еще и «непосредственно действующая вещь», а целое упоминается здесь лишь в целях актуализации части по вещи, коей она принадлежит. ⁷⁴ Дополнительные отношения этого рода могут быть выражены только с помощью проективного, т. е. подчинительного сочетания.

Выявленные Потебней различия имеют прямое касательство к занимающему нас вопросу. Связи многоместного предиката со своими предикандумами многомерны; с каждым из них предикат связан особыми отношениями. Различия «предшествования / следования», единственно наличные в линейности речи, сами по себе недостаточны для выражения многообразия этих отношений. Помещая один из предикандумов рядом с предикатом, мы исчерпываем единственную возможность выражения, данную в линейной речи, и в дальнейшем вынуждены прибегать к проективным средствам. (Впоследствии мы покажем, что и порядок слов, поскольку он используется для выражения функций других предикандумов, относится к разряду проективных средств.) Единственный предикандум, выражаемый непроективными средствами, есть субъект.

В парадигматическом ряду функций, определяющих отношения предиката к каждому из его предикандумов в отдельности, функция субъекта занимает особое, исходное положение. Она является, как иногда говорят, «немаркированной» или «нулевой». Отношение субъекта к предикату не требует дополнительного уточнения, так как благодаря своей интенции предикативное значение ориентировано на субъект и тем самым резко отграничивает субъект от комплементов. Последние, напротив того, постоянно нуждаются в уточнении специфического отношения каждого из них к предикату. По отношению к комплеентам предикат, как мы видели, не осуществляет характеризующей функции. Имплицируя все свои комплементы в их совокупности, предикативное значение не может служить средством выделения каждого из них в отдельности. Для этого требуются специальные проективные формы.

⁷³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков 1899, стр. 209.

⁷⁴ Там же.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что субъект многоместного предиката — это один из его предикандумов, отличающийся от других особым отношением к предикату и нулевой позицией, выражаемой непроективными средствами. При одноместном предикате субъектом, естественно, является его единственный предикандум. Такое определение субъекта не охватывает, однако, всех сторон этой сложной и в некоторых отношениях противоречивой синтаксической функции.

Еще античные философы и филологи определяли субъект как предмет высказывания («то, о чем говорится в предложении»), а предикат — как высказываемое («то, что говорится о субъекте»). Современные понятия, «темы» и «ремы», в сущности, воспроизводят старые понятия «предмета» и «содержания высказывания», но на новом уровне знаний. В современной науке тема не отождествляется больше с субъектом. Теперь каждый знает, что в роли темы может выступать не только субъект, но и комменты, а в особых случаях даже предикат. Так как соотношение темы и субъекта остается до некоторой степени неясным, то нелишне будет рассмотреть эти понятия подробнее.

В каких же случаях применяется понятие темы?

Тему находят прежде всего в предложениях, где место первого предикандума или единственного предикандума замещается не обычной для данного языка формой субъекта, а формой одного из комментов. Ср. *Ему было весело; Детям дали по прянику; Мастера перевели в другой цех* и т. п. Примеры этого рода встречаются только в синтетических языках со специализированной падежной формой субъекта. В одних примерах форма этого рода отсутствует, в других она налицо, но занимает не первое место в ряду предикандумов. Понятие темы помогает выразить те специфические отношения, которые складываются в таких предложениях. Мы попытаемся, однако, ниже показать, что практикующееся нередко резкое противопоставление понятий темы и субъекта в целом вряд ли оправдано.

О теме говорят и применительно к примерам с так называемым «психологическим субъектом». Если, скажем, до меня донесся телефонный разговор из соседней комнаты и на вопрос *Кто звонил?* мне отвечают *Звонил Иван Петрович*, то психологическим субъектом в ответном предложении будет *звонил*. Предметом речи является здесь телефонный звонок, а не Иван Петрович. Ответ мог бы звучать и так: *Это Иван Петрович звонил; Тот, кто звонил, это Иван Петрович*. В терминах актуального членения можно сказать, что в данном предложении имеет место тематизация предиката. По сути дела в подобных примерах сопрягаются и перекрывают друг друга два события, два факта: кто-то звонил и звонивший есть Иван Петрович. Излишне подробное в данных ситуативных условиях предложение *Тот, кто звонил, это Иван Петрович* хорошо раскрывает двойственную структуру та-

кой пропозиции. Примеры этого рода не связаны с синтетической морфологией и возможны в языке любого строя.

К примерам второго рода, вырастающим на основе перекрытия двух событий, принадлежат также предложения типа *У него родился сын*. Темой такого предложения является *у него*, о нем сообщается, что в его семье появился сын. С темой здесь соотносится словосочетание *родился сын*, которое само по себе выражает целостную пропозицию, но в данном примере выступает в качестве ремы. В сочетании *родился сын* представлена форма субъекта, являющаяся, в сущности, темой пропозиции, выраженной в данном сочетании. Предложение в целом раскрывается как сложная синтаксическая структура с двумя темами различных уровней.

Как в предложениях первого типа, так и в предложениях второго типа мы сталкиваемся со случаями тематизации различных членов предложения, не имеющих обычной для данного языка формы субъекта. Синтаксические структуры указанных типов потому и представляют значительный интерес, что они являются отклонением от господствующей нормы. Все дело в том, что в нейтральном, не деформированном особыми факторами высказывании субъект и есть тема. Если все же эти понятия приходится различать, то потому лишь, что в некоторых условиях форма субъекта либо «детематизируется» полностью, либо получает значение второстепенной темы, а основную функцию темы выполняет слово, не облеченное в форму субъекта.

Из этих процессов нас в первую очередь интересуют процессы тематизации формы компонента, как в предложении *Мастера перевели в другой цех*. Как указывалось выше, инверсивный порядок слов, как и обращение актива в пассив, является средством интенциональной деривации. От пассивной конверсии тематизация формы компонента отличается тем, что процесс деривации осуществляется в ней неявно. При конверсии с помощью пассива резко перестраивается вся морфологическая структура исходного предложения: предикат получает формальную примету, указывающую на сдвиг в его интенции, один из компонентов исходного предложения преобразуется в субъект и соответственно былой субъект преобразуется в компонент. В случае тематизации компонента все происходит иначе. Внешне изменения выражаются только в мене прямого словоупорядка на обратный, но за внешне неизменными формами скрываются значительные изменения в функциональном плане. Субъект исходного предложения сохраняет свою форму, но больше уже не является темой; функция темы переходит к компоненту, переместившемуся на место субъекта. Предикат вопреки своей интенции соотнесен теперь с компонентом как темой. В итоге образуется разрыв между формой предиката и интенцией, формой субъекта и темой.

Для правильного понимания основных синтаксических функций важно не терять из виду, что в предложениях с обратным порядком слов, как и в предложениях некоторых иных типов (ср. *У него родился сын*), субъект и предикат предстают в функционально «сдвинутом» виде. Необходимость различать субъект и тему, предикат и его интенцию возникает главным образом потому, что в таких предложениях функция темы отделена от субъектной формы, а интенция предиката оказывается направленной не в сторону темы, а в сторону утратившей эту функцию формы. В таких предложениях, где тема дана не в форме субъекта, последняя не имеет уже функции субъекта, хотя и сохраняет интенциональную связь с предикатом. Это значит, что функция субъекта и связанная с нею интенция предиката проявляются в чистом и незатемненном виде только в исходных предложениях.

Интенциональная конверсия предложений с помощью пассива или инверсного словопорядка обусловлена, как мы видели, тем обстоятельством, что в исходных по интенции предложениях функцией субъекта облечен лишь один из возможных претендентов на эту функцию. По какому же принципу «отбирается» предикандум для функции субъекта в исходных предложениях? Существует ли вообще какая-либо закономерность в «отборе» предикандума на роль субъекта в таких предложениях и если да, то какая?

Вопрос этот имеет, естественно, смысл только по отношению к предложениям с двухместным и многоместным предикатом, так как в предложениях с одноместным предикатом субъектом является их единственный предикандум.

Что же касается предложений с двухместными и многоместными предикатами, то для некоторых разновидностей таких предикатов этот вопрос решается сравнительно просто. Именно так обстоит дело с предикатами активного движения, один из предикандумов которых обозначает людей или животных, активно перемещающихся в пространстве, а другие — различные пространственные координаты движения. Правило, по которому совершается «отбор» субъекта, устанавливается в этом случае довольно легко: субъектом становится активный предикандум, в предикандумы, выражающие локальные представления, оттесняются как инертные в разряд комплементов.

Основную трудность представляют многоместные предикаты с «местами» для нескольких активных предикандумов. Таковы, например, каузативные предикаты, выражающие отчуждение предмета владения, переход его от одного обладателя к другому. В предложениях с таким предикатом два активных предикандума, один — для обозначения лица, отчуждающего предмет владения, другой — для обозначения лица, присваивающего отчуждаемый предмет. Какой же из этих предикандумов становится субъектом предложения?

Сопоставим предложения *Я дал ему книгу* и *Он взял у меня книгу*. Такие предложения нередко рассматриваются первое как исходное в плане интенции, другое — как его дериват. Но, как правильно заметил Ч. Филмор, для этого нет достаточных оснований.⁷⁵ Конечно, предикаты *давать* — *брать*, *продавать* — *покупать*, *сдавать* — *снимать*, *одалживать* — *брать взаймы* и др., а также структурно схожие с ними предикаты идеального отчуждения типа *учить* (передавать знания) — *учиться* (приобретать знания), *объяснять* — *понимать*, *сообщать* — *узнавать* и т. п. отображают события, теснейшим образом связанные одно с другим. Но так как исход таких событий зависит не только от лица, отчуждающего предмет материального или идеального владения, но и от получателя и так как относительная активность взаимодействующих в данном процессе лиц может быть различной (ср. *Я давал ему деньги, но он не взял; Я получил от него обещанное, хотя это стоило мне больших трудов* и т. п.), то в языке образуются предикаты, позволяющие выразить активность каждого из активных участников такого процесса. Ср. *давать*, *объяснять*, *сообщать* и, с другой стороны, *брать*, *понимать*, *узнавать*.

Приведенные факты, как и многие другие, позволяют думать, что «отбор» одного из предикандумов в субъекты исходных предложений определяется следующим правилом: если двухместный или многоместный предикат предполагает лишь один активный предикандум, а все остальные его предикандумы инертны, то субъектом становится активный предикандум; если же активных предикандумов при относительном предикате несколько, то субъектом исходного по интенции предложения становится тот предикандум, активность которого превалирует в данный момент. Это правило, устанавливающее зависимость субъекта в исходном положении от его активности или степени активности, мы будем в дальнейшем называть «принципом активности».

Может показаться, что принцип активности не всегда выдерживается в языке.

В таких предложениях, как *Он ожидал товарища*, *Старик обрадовался сыну*, *Ребенок испугался крика* и т. п., комплемент на первый взгляд более активен, чем субъект. Относительный предикат выражает в этих случаях психическое состояние, возникающее в субъекте в результате возбуждения извне. Говорить об активности или большей активности субъекта в случаях этого рода едва ли возможно. Вместе с тем не приходится сомневаться в интенциональной первичности таких предложений. Коррелятивные предложения с внешним возбудителем состояния в роли субъекта являются скорее вторичными. Ср. *Товарищ заставил*

⁷⁵ Ch. J. Fillmore. Types of Lexical Information. — Studies in Syntax and Semantics. Ed. F. Kiefer. Foundations of Language «Supplementary Series», v. 10. N. Y.—Dordrecht, 1970, p. 117—118.

его (долго) ждать; Сын (своим приходом) обрадовал старика; Крик испугал ребенка и т. д. На вторичность таких образований указывает как появление в них ряда дополнительных моментов, отсутствовавших в исходных предложениях или содержащихся в них имплицитно, так и метафорический характер некоторых предикатов.

Мы проявили бы, однако, неосмотрительность, если бы поспешили на этом основании отвергнуть принцип активности. Дело в том, что, говоря об активности предикандума, мы имеем в виду вполне определенную категорию, которую следует отличать от других близких к ней категорий. Под активностью мы здесь понимаем способность людей и животных активно перемещаться в пространстве либо еще их способность воздействовать на другие объекты, в том числе на людей и животных. Совершенно очевидно, что активности в этом смысле в предложениях указанного типа мы не найдем. В них отображаются специфические связи событий, а не обособленных объектов. Он ждал товарища значит 'ждал прихода товарища', Старик обрадовался сыну значит 'обрадовался появлению сына', Ребенок испугался крика значит 'испугался чьего-то крика' и т. д.

Сферой действия принципа активности являются только предикаты активного движения и собственно переходные предикаты. К собственно переходным мы относим предикаты, выражающие воздействие одушевленных предметов на другие объекты. Предикаты типа *ждать, радоваться, видеть, любить* и т. д. не попадают в эту рубрику, одни — потому, что в них отсутствует момент воздействия, другие — потому, что в них воздействующим началом является событие, а не обособленный объект. Предикаты второго рода мы будем в дальнейшем называть квазипереходными. На них мы остановимся подробнее несколько позже, когда перейдем к рассмотрению компонентов.

Принцип активности можно распространить и на квазипереходные предикаты, указав, что предикандумы, выражающие целостное событие, не принимаются в расчет при «отборе» субъекта. Одушевленный предикандум при таком предикате окажется тогда единственным предикандумом, способным занять позицию субъекта. Когда Дж. Лайонз говорит, что «переходность связана с различием одушевленных и неодушевленных предметов» и что в «идеальной» или «нормальной» языковой системе субъектом переходного действия является одушевленный предмет, то он формулирует принцип активности в его более общем варианте. Что же касается предложений с неодушевленным предметом в роли субъекта переходного действия, то он расценивает их как своего рода «паразитический нарост» на «нормальном типе».⁷⁶

⁷⁶ J. Lyons. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge (Mass.), 1968, p. 359.

Мы предпочли бы в этом случае говорить о синтаксических структурах разных уровней. Приводимый английским исследователем пример «паразитического» предложения *Wealth attracts robbers* 'Богатство привлекает (точнее: притягивает к себе) грабителей' нельзя, конечно, трактовать как интенциональный дериват предложения *Грабители стремятся к богатству*. По своему содержанию оно гораздо богаче; это, скорее, метафорический парафраз высказывания *Когда грабители узнают, что где-то хранится богатство, они тщатся завладеть им*. Как бы то ни было, но переходный предикат с неодушевленным субъектом принадлежит к другому, более высокому уровню языка, чем переходные предикаты с активным субъектом. Мы сталкиваемся в этом случае с проявлением специфической стратификации уровней, которые следует отличать от уровней интенциональной деривации.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что в системе языка существуют исходные синтаксические структуры с одушевленным субъектом при переходном предикате. Мы не вдаемся здесь в вопрос о теоретических основаниях предпочтительного отношения предиката к предикандуму, выражающему одушевленный предмет. В данном контексте нам важно отметить факт существования исходных переходных структур, на базе которых вырастают различные уровни деривации синтаксических структур.

Остается еще коротко сказать о форме субъектной функции. Подробнее об этом уже говорилось в гл. II. Универсальным способом оформления функции субъекта является, как можно судить по имеющимся материалам, первое позиционное место в предложении. В исходных по своей интенции предложениях субъект всегда предшествует другим предикандумам, независимо от места предиката. В функциональном плане позиция субъекта является нулевой, так как от нее, как скоро увидим, ведется отсчет позиций определенных компонентов в предложении.

Позиционная исключительность субъекта, как первого предикандума в предложении, является всеобщим правилом, действительным как для беспадежных, так и падежных языков. Поскольку падежные языки имеют в своем распоряжении два способа выражения отношений между субъектом и компонентами — словопорядок и падежи, из которых один является универсальным, а другой — идиоэтническим, то тем самым открывается возможность двойного использования падежной формы субъекта: она либо дублирует позиционную форму, либо вступает с нею в конфликт. В последнем случае функцию субъекта сохраняет за собой нулевая позиция, а падеж субъекта, оттесненный на вторичную позицию, получает иную функцию. Падеж субъекта в несубъектной функции претерпевает функциональный сдвиг. В сдвинутой позиции падеж субъекта (именительный, или абсолютный, как бы его ни называли) уподобляется одному из комп-

лементов. С другой стороны, падежи, специализированные в функции комплемента, могут оказаться по той или иной причине выдвинутыми на позицию субъекта и приобрести таким образом функцию субъекта (темы). Эта чехарда позиций и функций, идущая вразрез с основными функциями падежей, в сочетании с господствовавшей долгое время в языкознании «флективной аберрацией» явилась главным источником многочисленных споров и разнобоя в теории грамматики.

В итоге мы приходим к выводу, что субъект предложения — это сложная функциональная категория, обусловленная различными свойствами речевых явлений. В своей основе субъект — это предикандум, единственный предикандум одноместного предиката либо один из предикандумов многоместного предиката. В качестве предикандума он замещает одно из вакантных «мест», открываемых предикатом для субстанциональных значений, и в принципе ничем не отличается от остальных предикандумов данного предиката. Функция предикандума образует семантико-синтаксическую основу категории субъекта, на которую наслаиваются добавочные функции, вытекающие из специфики процесса порождения речи и из семиотической природы языка как проективной системы.

Специфической для субъекта является функция темы, возводящая единственный предикандум одноместного предиката и один из предикандумов многоместного предиката в ранг главного члена предложения наряду с предикатом. Исключительность субъекта, его выдающееся положение объясняется не какими-то особенными логическими свойствами данного предикандума, а особенностями процесса развертывания речи, совершающегося в виде последовательного ряда дихотомий. Еще Потебня отмечал, что «ход человеческой мысли состоит из парных толчков: объясняемого и объясняющего, подлежащего и сказуемого».⁷⁷ Современная грамматика, рассматривающая противоположение группы субъекта и группы предиката как основное звено в процессе порождения речи, подкрепляет догадку Потебни.

Функция темы и функция предикандума, совмещаясь в субъекте, обнаруживают вместе с тем противоречивые тенденции, сказывающиеся на взаимоотношениях субъекта с другими предикандумами. Если основная функция сближает субъект с другими предикандумами и не выделяет его из их общей среды, то функция темы противопоставляет субъект как предикандум, состоящий в особых отношениях с предикатом, всем остальным предикандумам как комплементом. Это противоречие находит разрешение в процессах интенциональной деривации, создающих возможность низведения субъекта до уровня простого комплемента и, наоборот, возвышения одного из комплементов в субъекты.

⁷⁷ Л. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III, стр. 642

Функция темы, превращая предикандум в субъект предложения, придает ему в то же время значимостную функцию исходного члена предложения. Субъект — это не только «то, о чем говорится в предложении». Как единственный предикандум, не требующий специальных форм для выражения своего отношения к предикату, субъект характеризуется исходной позицией при отсчете позиционных функций в предложении — тех самых функций, которые традиционная грамматика интуитивно выделила в падежах, разделив их на «прямой» падеж и «косвенные», а последние — на падежи «прямого» и «косвенного» объекта.

Категорию субъекта часто рассматривают как некую внеязыковую сущность, отождествляемую с «реальным», или «логическим», субъектом (агенсом). Но если не придавать терминам слишком широкого значения, то об агенсе можно говорить только применительно к предикатам действия. Между тем категория субъекта употребляется и при предикатах состояния (ср. *Он болен*), а в пассивных конструкциях при переходных глаголах действия она выделяет не агенса, а объект переходного действия.

Как и всякий иной предикандум, субъект имеет, конечно, некий внеязыковой коррелят. Но то, что превращает данный предикандум в субъект, есть некая функциональная нагрузка, дополнительно присоединяемая к нему. Свойственные субъекту специфические функции темы и исходной позиции в предложении носят внутриязыковой характер и вне языка аналогов не имеют. На семантико-синтаксическую функцию предикандума в субъекте наслаиваются добавочные функции, обусловленные внутренним механизмом языка, его семиотической структурой.

Обратимся теперь к комплеентам, к которым, согласно определению, относятся все предикандумы относительного предиката, кроме субъекта. В отношении комплементов нас будут интересовать вопросы: как проявляются в сфере комплементов позиционные и непозиционные функции и каковы критерии отграничения комплементов от так называемых «обстоятельств»?

О позиционных функциях отчасти уже говорилось выше, при рассмотрении категории субъекта. В числе специфических функций субъекта там упоминалась его способность служить отправной точкой при отсчете позиционных функций. Теперь нам надлежит разобраться в том, что собой представляют эти функции и как они распределяются между комплеентами.

В первом приближении позиционные функции давно уже выделены традиционной грамматикой. Противопоставив именительный падеж как «прямой» всем остальным падежам в парадигме и выделив из косвенных падежей формы прямого и косвенного объекта, традиционная грамматика наметила некую иерархию функций, сущность которой осталась нераскрытой. Понятия «прямизны» и «косвенности», определявшие ступени этой иерархии, не были очерчены сколько-нибудь отчетливо. Интуитивно ощущалось, что

эти понятия отражают какие-то реальные отношения в системе падежей, что именительный падеж действительно возглавляет всю парадигму, а винительный занимает первое место среди объектных падежей. Но попытки выяснить функциональный смысл и теоретические основания этой иерархии долго не предпринимались. В сложившейся ситуации отрицательную роль сыграло и то обстоятельство, что проблема позиционных функций ставилась главным образом применительно к падежам. Складывалось впечатление, будто вся проблема носит идиоэтнический характер и касается лишь падежных языков. Между тем позиционные функции — универсальная особенность языков мира, как падежных, так и беспадежных.

Об одной из позиционных функций, а именно функции субъекта, отчасти уже говорилось выше. Переходя теперь к более детальному рассмотрению позиционных функций, заметим, что в этом плане нас будут прежде всего интересовать относительные предикаты с обязательной содержательной валентностью.

Разграничивая валентность обязательную и факультативную, мы должны всякий раз обращать внимание на то, имеем ли мы дело с содержательным или формальным планом. Между этими планами не существует полного параллелизма и в вопросах валентности. Факультативный в формальном плане комплемент может, в частности, оказаться обязательным в содержательном плане. Так, в предложении *Он сейчас читает* (т. е. 'занят чтением') прямой комплемент отсутствует и, следовательно, формально необязателен. Но в содержательном плане он обязателен. Предикативное значение 'читать' непременно содержит в себе «место» не только для 'читающего', но и для 'читаемого'. Если в данном предложении предмет чтения не упоминается, то потому лишь, что по условиям речевой ситуации он оказался ненужным. Выдвигаемые нами понятия формальной и содержательной валентности могут быть в терминах трансформационной грамматики определены как валентность «поверхностная» и «глубинная».

Ср. еще предложения *Он уже видит* (о больном, к которому вернулось зрение), *Она шьет* (т. е. 'зарабатывает на жизнь шитьем'). В обоих случаях обязательные в содержательном плане комплементы опущены. В первом предложении — потому, что перечисление видимых предметов не имеет смысла ('видит все, что можно видеть'), во втором предложении — потому, что в фокусе интересов говорящего находится род занятий лица, а не продукты его деятельности.

Факультативной в содержательном плане мы называем валентность, которая присуща предикату в самом общем виде. Предикат в этом случае не содержит специфицированных «мест» для каждого из своих комплементов, а указывает лишь на общую категориальную область, к которой они относятся. Предикаты покоя и направленного движения типичны в этом отношении. Они соче-

таются с комплементами, указывающими на пространственные координаты субъекта предложения, предоставляя при этом говорящему выбрать соответствующие координаты из многих возможных. Ср. *Дом стоял среди сосен на берегу залива; Поезд мчался по плоскогорью мимо снежных вершин, над пастбищами и озерами.* В самом значении таких предикатов не содержится ничего, что сделало бы обязательным появление именно такого-то локального комплемента, а не какого-либо другого. Элемент обязательности появляется здесь только тогда, когда с помощью предлога или иного формального показателя уточняется тип пространственных отношений субъекта с одним из комплементов. Присоединяя к себе предлог, предикативное слово получает добавочные значения типа 'быть среди, находиться на, двигаться по, двигаться мимо, двигаться над' и т. п. Уточняясь, оно перестает быть факультативным по своей валентности.

Специфическая валентность предикатов покоя и направленного движения обусловлена не только обобщенностью их пространственной характеристики, но также автономностью каждой пространственной координаты по отношению к другой. В предложении *Дом стоял среди сосен на берегу залива* предикаты 'быть среди' и 'быть на' независимы друг от друга; появление одного из них не влечет за собой автоматически появление другого. Поскольку прямые внутренние связи между комплементами этого рода отсутствуют, вся структура предложения становится рыхлой и готовой распасться на части. Вместо *Поезд мчался по плоскогорью, мимо снежных вершин, над пастбищами и озерами, через туннели* и т. д. можно без ущерба для мысли сказать *Поезд мчался по плоскогорью, проносился над пастбищами и озерами, врывался в туннели* и т. д.

В отличие от предикатов направленного движения предикаты отмеченного движения обладают обязательной валентностью. В таких предикативных словах, как *оставлять, покидать, удаляться, уходить, посещать, приходить, прибывать, приближаться, отправляться, пойти* и т. п., помимо категории направленного движения содержится еще специфицированное «место» для комплемента, без которого предложение с таким предикатом остается неполным. Мы называем выражаемое таким предикатом движение «отмеченным», так как оно как бы отмечено определенной пространственной точкой, придающей ему целенаправленный характер. Для предикатов удаления такого рода точкой является покидаемое место, для предикатов прибытия — место прибытия, для предикатов приближения — пункт сближения и т. д. Подобно предикатам направленного движения и предикаты отмеченного движения могут получать факультативные локальные комплементы, ср. *Он поехал в Крым через Москву; Он ушел из дому на завод* и т. п. При этом, однако, «отмечающий» комплемент остается всегда обязательным.

После того, что было сказано о содержательной валентности, мы можем вернуться к позиционным функциям. Только предикаты с обязательной содержательной валентностью представляют в этом аспекте интерес, да и то не все. Основным очагом, в котором гнездятся позиционные функции, являются собственно переходные предикаты, а также предикаты отчуждения предметов владения.

Собственно переходные предикаты выражают воздействие активного существа, чаще всего лица, на другой предмет. Такие предикаты, как правило, трехместны; они содержат «места» для деятеля, объекта воздействия и для орудия или части тела, с помощью которых осуществляется воздействие на объект. В исходных по интенции предложениях предикандумы, занимающие эти «места», распределяются по позициям следующим образом: позицию субъекта занимает действующее лицо, агенс; позицию прямого компонента занимает подвергающийся воздействию объект, а позицию косвенного компонента — орудие или часть тела, непосредственно воздействующие на объект. При отсутствии указания на действующее лицо позицию субъекта занимает орудие или часть тела, ср. *Широкий нож скрепера резал грунт; Самолет быстро доставил геологов на Урал; Чья-то рука бережно поправила на нем шапку.*

Сходным образом ведут себя и предикаты отчуждения, о которых отчасти уже говорилось выше. Предикаты этого типа также трехместны; кроме «места» для субъекта они содержат еще «места» для отчуждаемого предмета владения и для лица, являющегося партнером субъекта в процессе отчуждения. Изредка при таких предикатах появляется третий компонент, ср. *Он собственной рукой вернул ему долг.* Распределение позиций между предикандумами таких предикатов также предопределено семантическими свойствами предикандумов. В исходных по интенции предложениях позицию субъекта занимает самый активный участник процесса (при предикатах давания — дающее лицо, при предикатах получения и отнимания — присваивающее лицо); позицию прямого компонента занимает предмет отчуждения, а позиции косвенных объектов занимают партнер субъекта и (в редких случаях) орудие или часть тела, с помощью которых реализуется процесс отчуждения.

Можно заметить, что в исходных по интенции предложениях распределение предикандумов по позициям совершается по единому для указанных предикатов правилу: в позиции субъекта всегда находится активное существо (чаще всего лицо), а в позиции прямого компонента стоит инертный объект, подвергающийся воздействию или отчуждению. Позицию косвенного компонента занимают при этом объекты «полуактивные», которые при некоторых обстоятельствах занимают позицию субъекта.

Некоторые фактитивные предикаты отличаются специфическим распределением позиций между компонентами, не всегда укладываемым в сформулированное правило. Ср. *надеть чехол на диван* и *одеть кого-то во что-то*, *обвести город стеной* и *возвести стену вокруг города*, *подарить кому-либо что-либо* и *одарить кого-либо чем-либо*. Может показаться, что выбор прямого компонента в таких предложениях произволен и не подчиняется определенным закономерностям. В реальности, однако, отношения между компонентами отнюдь не беспорядочны. Возможность двоякого размещения компонентов по позициям объясняется здесь тем, что отображаемые в таких предложениях события носят сложный характер и в силу своей сложности подпадают под разные синтаксические модели.

Процесс одевания, например, не является в строгом смысле переходным. Действие, производимое агенсом, лишь внешним образом затрагивает объект, не видоизменяя его внутренних свойств. Перед нами в этом случае, скорее, действие по изменению пространственных отношений между одеждой и телом. В процессе одевания имеют место акты наложения одежды на поверхность тела, акты вдевания в одежду, обволакивания одеждой и т. п. Для целей общего обозначения процесса достаточен какой-либо один из этих моментов. При использовании двух и больше возможностей в языке образуются параллельные предикаты, отличающиеся друг от друга распределением позиций, ср. *облечь кого-то во что-то*, *натянуть сапоги*, *закутать ребенка в одеяло*, *закутать голову платком* и т. д. Многое при этом зависит от того, входят ли в предикативное значение определенные пространственные признаки или нет.

Состав предикативного значения играет существенную роль и в примерах типа *обвести город стеной* и *возвести стену вокруг города*. В одном случае пространственный характер действия выражен в самом предикате, в другом — предикат сам по себе нейтрален в плане пространственной характеристики действия и необходимое уточнение производится с помощью предлога.

Параллелизм конструкций *подарить кому-либо что-либо* и *одарить кого-либо чем-либо* также объясняется зыбкостью границ между отдельными семантико-синтаксическими типами предикатов. Выше уже говорилось о том, что степень относительной активности партнеров процесса отчуждения может быть различной. В некоторых предикатах активность получающего совсем не ощущается. Таковы, например, предикаты снабжения, награждения и т. п. Ср. *Мать снабдила Колю провиантом на дорогу*; *Командир наградил солдата медалью* и т. п. Семантическая близость предиката *дарить* к предикатам давания и снабжения обуславливает возможность его двоякого выражения.

Рассмотренные нами типы параллельных конструкций характеризуются тем, что прямой и косвенный компонент как бы

меняются в них местами. Одна из параллельных конструкций кажется на первый взгляд обращением другой, что напоминает интенциональную деривацию. Только там речь шла о преобразовании комплемента в субъект, а здесь — о преобразовании косвенного комплемента в прямой комплемент. Некоторые факты указывают, однако, на неправомерность такого сравнения. Обращение прямого комплемента в косвенный носит слишком нерегулярный характер, для того чтобы можно было говорить об особом типе синтаксических преобразований. Такому выводу противоречит и другое обстоятельство. Всякая синтаксическая деривация строится на различии производящих и производных, первичных и вторичных образований. Но в нашем случае отсутствуют какие-либо основания для трактовки одной из параллельных конструкций как производящей, а другой — как производной. Перед нами здесь, скорее, синонимические конструкции, возникающие на стыке семантически родственных типов предикатов. В образовании подобных конструкций некоторую роль играет, быть может, и стремление лексически разграничить предикаты, допускающие опущение разных комплементов (ср. *одеть ребенка* и *надеть пальто*).

Перейдем теперь к выяснению сущности позиционных функций, проявляющихся в отношениях между предикандумами.

Проблема позиционных функций встает в связи с иерархическим членением предикандумов на «прямые» и «косвенные». Это членение, проведенное традиционной грамматикой применительно к падежам, носит универсальный характер. Оно прослеживается во всех языках, не только падежных. Разница между падежными и беспадежными языками заключается лишь в способе обнаружения указанных различий: то, что в одних языках проявляется в парадигме падежей, в других выражается порядком слов или другими формальными средствами.

Распадение предикандумов на «прямые» и «косвенные», совершающееся как на уровне всех предикандумов, так и на уровне комплементов, имеет следствием функциональную двойственность прямого комплемента, являющегося косвенным предикандумом по отношению к субъекту и прямым — по отношению к другим комплементом. Чтобы вскрыть функциональный смысл иерархического противоположения прямых и косвенных предикандумов, необходимо выяснить, чем отличается субъект от прочих предикандумов и прямой комплемент — от прочих комплементов.

«Позиционными» мы называем только функции прямых предикандумов. От непозиционных функций косвенных предикандумов они отличаются своей несемантической. Отсутствие взаимно-однозначных отношений между единицами плана выражения и плана содержания ведет в грамматике не только к образованию полифункциональных и изофункциональных форм, но также, при известных условиях, к возникновению формальных содержательных функций наряду с семантическими. Позиционные функции

формальны, тогда как противостоящие им в сфере отношений между предикандумами непозиционные функции семантически. Но формальность позиционных функций не должна пониматься слишком широко. В контексте конкретных высказываний позиционные функции получают семантическое наполнение, без которого они в речи невысказуемы. Будучи формальны сами по себе, в отрыве от других функциональных факторов, позиционные функции являются вместе с тем обязательным звеном в процессе семантико-грамматического осмысления лексических значений в предложении. В дальнейшем мы попытаемся показать, как совершается в предложении эта метаморфоза асемантических функций в семантические. До этого, однако, мы попытаемся уточнить, что мы имеем в виду, говоря о семантико-грамматических функциях в сфере предикандумов.

Каждый предикат определенного семантико-синтаксического типа предполагает набор специфических функций, уточняющих взаимоотношения между предикандумами в предложении. Так, например, предикаты давания предполагают функции предмета владения, лица (или существа), отчуждающего данный предмет, и лица (или существа), присваивающего отчуждаемый предмет. Соответственно предикаты созидания предполагают функции созидаемого объекта, лица (или существа), созидющего данный объект, орудия или части тела, с помощью которых осуществляется процесс созидания, и материала, из которого создается данный объект. Как показывают приведенные примеры, состав семантико-грамматических функций существенным образом меняется от одного семантико-синтаксического типа предикатов к другому. Открывая «места» для своих предикандумов, каждый тип предикатов тем самым определяет репертуар семантико-грамматических функций, обогащаясь которыми, субстанциональные значения получают доступ к этим «местам».

Морфологическое воплощение семантико-грамматической функции может быть непосредственным или опосредованным. В случае непосредственного выражения грамматическая форма сама по себе выражает определенную семантико-грамматическую функцию, и дополнительных указаний на этот счет в общем не требуется. Во втором случае семантико-грамматическая функция выражается позиционной формой, которая никакой семантико-грамматической информации с собой не несет. Чтобы раскрыть имплицитную такую форму в речи семантико-грамматическую функцию, нужен вспомогательный интерпретационный механизм.

Примерами форм, непосредственно выражающих семантико-грамматические функции, могут служить: форма предикандума орудия при фактивных предикатах (специальный орудийный падеж, как творительный в русском, орудийный предлог, как франц. *par*, англ. *with* и т. п.); форма предикандума лица (или, шире, существа), в интересах которого совершается процесс отчуждения,

выражаемый предикатами давания (дательный падеж или предлоги типа франц. *à*, англ. *to* и т. п.); форма предикандума цели при предикате движения (ср. русск. *поехать в город*, лат. *ire Romam* и т. п.). Семантико-грамматических форм в любом языке много, тогда как позиционных форм несколько, иногда только две — это формы субъекта и прямого объекта, представленные в аналитических языках в виде форм словопорядка, а в синтетических языках — в виде синтетических форм, чаще всего падежей.

Как же выражается семантико-грамматическая категория с помощью позиционных форм?

Форма субъекта ближайшим образом выражает только тему. Выделяя предикандум, облеченный функцией темы, форма субъекта оставляет невыраженной семантико-грамматическую функцию, характеризующую отношение предикандума к отображаемому в предложении событию. Между тем каждый предикандум призван не просто называть объект, участвующий в данном событии. В предикандуме должно еще содержаться указание на семантико-грамматическую функцию, уточняющую «место» данного предикандума при предикате. Без такого указания предикандум слеп, как слепая неотчетливая, выцветшая от времени печать. Как же преодолевается функциональная ограниченность позиционной формы в предложении, каким образом достигается уточнение семантико-грамматической категории с помощью формы, непосредственно выражающей только формальную, в сущности, функцию темы?

В структуре всякого языка существует интерпретационный механизм, система интерпретационных правил, позволяющих установить имплицитную форму субъекта семантико-синтаксическую категорию.

Для одноместных предикатов сложных правил не требуется, так как семантико-синтаксическая категория единственного предикандума легко выводится из значения предиката. При предикатах состояния такой предикандум может, естественно, обозначать лишь субстрат состояния, ср. *Он спит, Ему не спится; Он зябнет, Ногам было зябко* и т. д., где во всех случаях субстрат состояния однозначно выражен предикандумом. Равным образом при одноместных предикатах движения единственный предикандум всегда обозначает движущийся предмет, ср. *Маятник качается, Дым медленно поднимается кверху, Больной метался в бреду* и т. д.

Многместные предикаты с факультативной содержательной валентностью также не требуют сколько-нибудь сложных правил семантико-грамматической интерпретации. При предикатах активного движения в функции темы выступает обычно лишь предикандум, выражающий движущееся существо. Форма субъекта, выделяя тему, одновременно выделяет в этих случаях и движущу-

щееся существо. Семантико-грамматическая категория движущегося существа не получает поэтому специального выражения. Другие предикандумы такого предиката имеют семантико-грамматические показатели. Ср. *Машины шли по асфальтовой дороге вдоль дюн*, где локальные предикандумы выражены с помощью предлогов и управляемых ими падежей.

Относительные предикаты с обязательными (в содержательном плане) предикандумами предъявляют большие требования в плане семантической интерпретации субъекта. Определение логико-грамматической категории предикандума, выделенного формой субъекта, осложняется теперь тем обстоятельством, что в функции субъекта может выступать едва ли не любой предикандум такого предиката. Семантическая интерпретация позиционной функции осуществляется теперь при помощи сложного механизма, учитывающего различия уровней и интенциональной деривации и правила распределения логико-грамматических функций на каждом уровне.

Подобно субъекту, и прямой комплемент требует раскрытия семантико-синтаксической категории выделенного им предикандума. По расшифровке функции субъекта наступает очередь прямого комплемента, процесс расшифровки которого также опирается на правила распределения семантико-синтаксических функций между позиционными формами на том или ином уровне интенциональной деривации.

Чтобы покончить с позиционными функциями, необходимо еще коротко остановиться на вопросе о взаимоотношении позиционных функций и выражающих их форм. Господствующий в строе языка принцип асимметрии формы и содержания проявляется и в сфере позиционных функций, порождая гипертрофию форм и противоречивые тенденции в их парадигматике и синтагматике. Начать хотя бы с того, что области употребления позиционных и непозиционных форм не всегда разграничены достаточно строго. Предикандумы одного и того же типа могут выделяться то с помощью позиционных, то с помощью непозиционных форм. Примером таких колебаний может служить единственный комплемент предикатов пользования в русском языке ср., с одной стороны, *использовать что-либо, употребить что-либо, пустить в ход что-либо* и, с другой стороны, *пользоваться чем-либо, воспользоваться чем-либо, орудовать чем-либо, оперировать чем-либо*. Позиционной форме винительного падежа здесь противостоит непозиционная форма творительного падежа, обычно употребляемая в функции предикандума орудия при фактитивных предикатах. Ср. также *прибегнуть к чему-либо*, где в аналогичном случае использована другая непозиционная форма.

Источником многочисленных осложнений и непоследовательностей в строе позиционных функций служит синтетическая морфология. Наряду со словопорядковыми формами, являющимися

универсальным средством выделения позиционных функций, в синтетических языках в тех же функциях употребляются еще особые синтетические формы, чаще всего падежи. Сосуществование в строе одного языка двух серий изофункциональных форм не остается без последствий для выражаемых ими функций и распределения последних по формам.

Наиболее последовательно и ясно позиционные функции представлены в аналитических языках, где единственным способом их выражения является словопорядок. Субъект для таких языков может быть определен как предикандум в функции темы, непосредственно не обнаруживающий свою семантико-синтаксическую категорию. Субъект относительного предиката легко опознается здесь по его месту в предложении; он всегда стоит впереди других предикандумов. Соответственно и прямой комплемент в таких языках может быть определен как комплемент, семантико-синтаксическая функция которого остается невыраженной. Прямой комплемент — это либо единственный комплемент данного предиката, либо комплемент, отличающийся от других именно невыраженностью своей семантико-синтаксической категории. В предложении он выделен местом по отношению к субъекту. Он следует всегда за субъектом, причем несущественно, следует ли он непосредственно за субъектом или нет. Иначе говоря, место прямого комплемента по отношению к другим комплементом в этом отношении нерелевантно. Семантико-синтаксическая неформленность субъекта и прямого комплемента отвечает позиционной сущности этих категорий, содержание которых конкретизируется всякий раз с помощью аппарата семантической интерпретации.

В синтетических языках отношения между позиционными формами и их функциями становятся более сложными и запутанными. Словопорядковые формы сохраняют свою значимость и для этих языков. Но теперь к ним присоединяются синтетические формы, которые, взаимодействуя с словопорядковыми формами, то просто избыточно оттеняют их, то берут на себя дополнительные функции, внося тем самым пестроту и разноречивость в структуру позиционных форм.

Из синтетических форм, выражающих позиционные функции, наиболее широко распространены падежи. Поэтому в дальнейшем, говоря о синтетических позиционных формах, мы будем иметь в виду главным образом падежные формы.

Противоречия, порождаемые взаимодействием словопорядковых и падежных форм, нередко проявляются уже в самом строении падежной системы.

Падежи выражают разнообразные функции именных членов предложения — атрибутивные, предикативные, функции предикандумов и обращения. Решающее значение для строения падежной системы имеют функции предикандумов, как позиционные, так и непозиционные. Функции предикандумов образуют иерар-

хию, главенствующее место в которой занимает функция субъекта. На следующей ступеньке этой иерархии располагается функция прямого компонента, все же непозиционные предикандумы скопом противостоят обоим позиционным функциям как функции другого уровня. Легко заметить, что иерархия основных падежных функций повторяет иерархическую структуру словопорядковых форм. В падежных формах, как и в формах словоупотребления, ведущую роль играют позиционные функции и прежде всего функция субъекта. Традиционное деление падежей на «прямой» и «косвенные» и косвенных падежей — на падежи «прямого» и «косвенных» объектов воспроизводит, таким образом, ступенчатость позиционных функций (определяемую порядком их поступления в механизм семантической интерпретации) и противопоставленность позиционных функций непозиционным. Функциональной немаркированности субъектного падежа, как исходного падежа парадигмы, во многих языках сопутствует формальная немаркированность. Субъектный падеж выступает в этом случае как «абсолютный», лишенный формальной приметы падеж.

Распределение позиционных функций по падежам может не совпадать с их распределением по падежным формам. В языках номинативного строя двум позиционным функциям соответствуют два отдельных падежа, именительный и винительный. В языках неноминативного (эргативного) строя параллелизм падежных и словоупотребительных форм нарушен. Обе позиционные функции совмещаются здесь в одном падеже (именительном).

Существование двух полярных функций в одном падеже эргативного строя возможно лишь потому, что словоупотребление способствует их размежеванию в контексте предложения. Только занимая место после субъекта, именительный падеж выражает функцию прямого компонента. С позиционной двусмысленностью именительного падежа сопряжена другая особенность эргативного строя, а именно — отсутствие в ней единого падежа субъекта. В функции субъекта подвизается теперь несколько падежей, употребление которых зависит от типа предиката. При непереходных предикатах (а в некоторых языках — только при непереходных предикатах инертного состояния) в функции субъекта употребляется именительный падеж. При переходных предикатах (в некоторых языках также при предикатах движения) эту миссию берет на себя эргативный падеж. Существуют также эргативные языки, в которых при предикатах восприятия и аффекта в роли субъекта выступает особый падеж (дательный).

Разделение единой функции субъекта между несколькими падежами существенно видоизменяет ее содержание. Она не имеет уже больше того обобщенно-формального характера, который присущ ей в соответствующей словоупотребительной форме. Каждый субъектный падеж выражает более конкретную функцию, например субъекта непереходного предиката, субъекта переходного предиката,

ката, субъекта предиката восприятия и душевного переживания. Функции субъектных падежей заметно приближены теперь к семантико-синтаксическим категориям предикандумов, но полностью с ними все же не совпадают. Потребность в семантической интерпретации позиционных функций не отпадает и в этом случае, так как количество семантико-синтаксических категорий предикандумов, способных выступать в функции субъекта, значительно превосходит число субъектных падежей эргативного строя.

Своеобразие эргативной падежной системы сказывается, таким образом, в остром разладе между словопорядковыми и падежными позиционными формами. Словопорядковые формы, являющиеся основным средством выражения позиционных функций в любом языке, характеризуются симметрией формы и содержания: каждой позиционной функции соответствует одна и только одна словопорядковая форма. В эргативной системе падежей, напротив того, господствует резкая асимметрия. Несоответствие между формой и содержанием проявляется здесь уже в исходной падежной форме, объединяющей в себе функции субъекта и прямого комплемента. Обогащение прямого падежа за счет функции низшего уровня уравнивается сужением сферы его употребления в функции субъекта. Именительный падеж эргативного строя выражает функцию субъекта только применительно к единственному предикандуму непереходных предикатов или — еще уже — применительно к единственному предикандуму непереходных предикатов инертного состояния. Для выражения субъекта при других предикатах используются косвенные падежи. В итоге единая функция субъекта предстает в своем единстве только в словопорядковой форме. В падежной системе она раздроблена на части и распределена между несколькими падежами.

В языках номинативного строя наблюдается бóльшая согласованность между падежными и словопорядковыми формами. Каждой позиционной функции теперь соответствует не только своя словопорядковая форма, но и свой обособленный падеж. Но внешняя стройность номинативной системы падежей не должна вводить в заблуждение. Случаи использования падежей вразрез с их позиционными функциями — далеко не редкость и в номинативных языках. Безличные предложения с валентными предикатами и предложения с инверсивным словопорядком — наглядное тому свидетельство.

Безличные предложения с валентным предикатом бессубъектны лишь с точки зрения традиционной грамматики, опознающей субъект лишь в форме именительного падежа. Определяя субъект как единственный предикандум одноместного предиката или как один из предикандумов относительного предиката, выступающий в функции темы и не специфицирующий своего семантико-синтаксического отношения к предикату, мы необходимо

найдем этот член предложения и в безличных конструкциях с валентным предикатом. В предложениях типа *Его вдруг осенило*, *Ему не работалось* и т. п. субъект выделен уже тем, что это единственный предикандум или предикат. В безличных предложениях типа *Ветром задудло свечу* субъект выделен позицией первого предикандума. То обстоятельство, что в безличных предложениях номинативного строя в функции субъекта выступают косвенные падежи, несколько сближает номинативный строй с эргативным. Существенное различие между ними заключается в том, что в номинативных языках косвенные падежи не столь отчетливо и резко специализированы в «дробных» функциях субъекта, как в эргативных языках. Мы не встречаем здесь таких функций, как субъект предиката движения, субъект переходного действия, субъект восприятия и аффективного состояния. Некоторые элементы специализации косвенных падежей в функции «частичного субъекта» проглядывают, впрочем, и в безличных предложениях. Так, дательный падеж нередко используется здесь для выражения аффективного или иного состояния, совершающегося помимо воли и желания лица (ср. *Мне стыдно*; *Мне страшно*; *Мне больно*; *Мне хочется*; *Мне не спится*), а творительный — для выражения произвольной активности стихийной силы (ср. *Течением реки унесло утенка в колесо мельницы*; *Ветром снесло с нее платок*). Элементы частичного сходства не должны, однако, заслонять от нас коренных различий между безличными конструкциями номинативного строя и специфическими конструкциями эргативного строя. Специализация косвенных падежей в функции субъекта проводится в номинативных языках не столь последовательно и строго, как в языках эргативного строя. К тому же она не касается здесь таких фундаментальных пластов синтаксического строя, как инертные и активные, переходные и непереходные конструкции.

В предложениях с инверсивным словопорядком употребление падежей вразрез с позиционными функциями вызывается не особенностями управления предикативных слов, а потребностями интенциональной деривации. Отклонение от прямого порядка слов является таким же средством тематизации одного из компонентов предиката, как и преобразование предложения с помощью страдательного залога. Случаи инверсивного порядка слов не отрицают, а по-своему подтверждают тот факт, что господствующей нормой в языках номинативного строя является употребление позиционных падежей в соответствии с их основными функциями.

Различия в структуре падежной парадигмы — вот что прежде всего отличает эргативный строй от номинативного. Хотя все падежные языки допускают употребление косвенных падежей в функции субъекта, но мера и характер такого употребления существенно образом зависят от строя падежной системы. Эрга-

тивный строй закрепляет за некоторыми косвенными падежами функцию субъекта в качестве их первичной функции. Таков прежде всего эргативный падеж, обладающий функцией субъекта при активных и каузативных предикатах. В языках номинативного строя косвенные падежи получают функцию субъекта лишь вторично в результате отклонения от первичных функций, закрепленных за ними в системе падежей.

При всех расхождениях между языками эргативного и номинативного строя между ними имеется, однако, и глубокое сходство, проявляющееся в том, что здесь, как и там, в качестве средства выражения позиционных функций используются не только падежи, но и словопорядок. Универсальные словопорядковые формы и в падежных языках несут на себе основную нагрузку по выражению позиционных функций, открывая тем самым возможность для использования падежных форм в функциях вторичного порядка.

Из основных членов предложения нерассмотренными в настоящей главе остались еще обстоятельства.

Принятые в грамматиках и терминологических словарях определения обстоятельств сводятся, как правило, к простому перечету их синтаксических функций без указания на то, что их объединяет. Недоучет специфики этих членов предложения сказывается и в том, что при их рассмотрении функциональные критерии нередко подменяются лексико-семантическими. Так, например, локальные комплементы в ряде случаев причисляются к обстоятельствам места на том лишь основании, что, как и последние, они выражают пространственные отношения. Академическая грамматика русского языка относит к обстоятельствам места такие локальные комплементы, как *из лесу* в *Я вышел из лесу*, *с улицы* в *С улицы доносился шум*, *к фронту* в *Поезд шел к фронту* и др.⁷⁸ Но значения слов сами по себе еще не определяют типа семантико-синтаксических отношений, в которые слова данного типа вступают в предложении. Имена, и в частности локальные имена, могут выполнять разнотипные синтаксические функции в предложении. Чтобы отграничить обстоятельства от комплементов, недостаточно ориентироваться на одни лишь лексические значения. Надо еще выявить характер их отношения к валентности предиката.

Если, как в только что приведенных примерах, локальное имя «насыщает» валентность предиката, замещая предусмотренную его «номенклатурой мест» пустую клетку, то перед нами не обстоятельство, а один из предикандумов, комплемент. Предикаты *выходить* и *доноситься* имеют «места» для обозначения не только движущегося предмета, но также исходной точки движения. Равным образом *идти* в качестве предиката целенаправленного дви-

⁷⁸ Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. М., 1954, стр. 583—584.

жения имеет «места» не только для движущегося предмета, но также для точек, отмечающих путь и конечную цель движения. Конечно, заполнение этих «мест» в конкретном высказывании не всегда обязательно. Комплементы этого рода могут быть опущены то ли в силу их самоочевидности в данных ситуативно-контекстуальных условиях, то ли потому, что говорящий сознательно отвлекается от них. Факультативность комплементов не упраздняет, однако, их имплицитной связи с органической валентностью предиката, его «номенклатурой мест».⁷⁹

Локальные комплементы могут выражаться не только существительными, но также наречиями, в том числе и местоименными, и фразеологизмами. Ср. *Войска продвигались вперед, Куда-то ехали машины, Он уехал бог знает куда* и т. п. Наречия типа *вперед, мимо, внутрь* и т. п. выражают направление движения по отношению к какому-либо предмету, который хотя и не называется по имени, но легко восстанавливается из контекста. Местоименные наречия типа *куда-то* также подразумевают определенную пространственную точку, хотя и неизвестную говорящему. Как бы ни выражался локальный комплемент, во всех случаях он непосредственно вытекает из валентности предиката, который, выражая движение или местонахождение предиката, открывает «место» для такого комплемента.

С соответственными изменениями сказанное относится и к обстоятельствам места. Далеко не всякое имя, наречие или фразеологическое сочетание наречного характера, обычно рассматриваемое как обстоятельство времени, в действительности является таковым. В таких предложениях, как *Арзрум... основан около 415 году; Перевязки начинались сразу после завтрака и кончались в девять вечера; Поезд опоздал на целых два часа* и т. п., темпоральные характеристики действия являются не обстоятельствами, а комплементами. Предикаты типа *быть основанным, начинаться, кончаться, опаздывать* и т. п. заключают в себе «место» для комплемента времени, без которого они невысказуемы. При некоторых условиях такой комплемент может быть опущен, но в содержательном плане он обязателен. Внутренняя связь с валентностью предиката отличает и в данном случае комплемент от близкого по значению обстоятельства.

К мнимым обстоятельствам, хотя и по иным основаниям, следует еще отнести многие из так называемых «определяющих обстоятельств», выражающихся наречиями, существительными и фразеологизмами наречного характера. В предложениях *Мне стало очень весело; Было адски холодно; Костер разгорался все ярче* выделенные разрядкой слова являются не обстоятельствами, а атрибутами. Определяя предикаты, они

⁷⁹ G. Helbig, W. Schenkel. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1969, S. 34.

актуализируют их значения путем указания на свойственный им признак. Такие атрибуты не всегда соотнесены с предметным именем, но и тогда, когда предметное имя налицо, они соотносятся с ним косвенно, через предикат. Как признаки признаков, они являются атрибутами вторичного порядка.

Вряд ли можно безоговорочно отнести к обстоятельствам и многие случаи так называемого обстоятельства меры. В таких предложениях, как *Свадьба стоила пятьсот рублей*, *Деталь весила больше двух тонн* и т. п., сами обозначения меры (рубли, тонны) обусловлены валентностью предикатов и являются, скорее, комплементами, нежели обстоятельствами. Что же касается числительных при них, то это количественные атрибуты. То же можно сказать об обозначениях мер в предложениях *Улица тянулась верст на пять*, *Ремонт продолжался пять дней* и т. п.

Обстоятельства отличаются от других членов предложения тем, что в состав предложения они входят на правах чужеродного вкрапления, присоединенного к нему извне. Прямого отношения к внутренней структуре предложения они не имеют и от валентности предиката не зависят. Выполняя характеризующую функцию, они характеризуют не тот или иной отдельно взятый член предложения, а все предложение в целом.

Относительная независимость от внутренней структуры предложения, придающая обстоятельству своего рода «экстерриториальный статус», ярко проявляется в обстоятельствах места и времени. Обстоятельства этого рода, хотя и уточняют пространственные и временные границы отображаемого в предложении события, внутренне связаны с этим событием не больше, чем со всяким другим, отмеченным теми же пространственными и временными границами. Этим объясняется тот факт, что уточняемое для данного предложения обстоятельство времени или места часто сохраняет свою актуальность для целой серии последующих предложений в пределах данного текста. Так, обстоятельственное сочетание в доме *Облонских* из начальной фразы «*Анны Карениной*» (*Все смешалось в доме Облонских*) сохраняет силу и для последующих предложений на протяжении нескольких глав.

Особый статус обстоятельств места и времени позволяет им развертываться в целостные предложения обстоятельственного характера. С таких предложений нередко начинается повествование, ср. в рассказах Чехова: *Купе первого класса. На диване, обитом малиновым бархатом, полулежит хорошенькая дамочка*; или: *Передняя. В углу ломберный столик*; или еще: *Серое осеннее утро. Еще нет и восьми часов, а в Пятисобачьем переулке необычайное движение*. Предваряя дальнейшее изложение, такие «обстоятельственные предложения» резко очерчивают место и время событий, с которыми нас собираются познакомить.

Способность обстоятельств места и времени развертываться в предложение указывает на родство пространственных и временных значений этого рода с содержанием предложений. Дело в том, что предложения, как указывалось выше, отображают какие-то события, а в роли обстоятельств места и времени выступают событийные имена. Предложение с обстоятельством времени или места выражает, таким образом, связь двух событий, из которых одно образует темпоральный или локальный фон для другого.

То же с некоторыми вариациями можно сказать и о других обстоятельствах. Обстоятельственные члены предложения всегда вырастают на почве взаимодействия, сцепления, перекрывания двух и более событий. Ср. *Он по рассеянности забил в дробовник тройной заряд* (т. е. был рассеян и потому забил тройной заряд); *Я от испуга дух перевозжу едва* (т. е. испугался и поэтому едва перевозжу дух); *За отсутствием доктора, больных принимал фельдшер Курятин* (доктор отсутствовал и по этой причине больных принимал фельдшер); *Я вышел на воздух освежиться* (вышел, чтобы освежиться); *Они ушли в лес за грибами* (ушли, чтобы собирать и принести грибы); *При всем желании я не могу выполнить эту Вашу просьбу* (я очень желаю выполнить Вашу просьбу, но не могу) и т. д. Во всех приведенных примерах с обстоятельствами причины, цели, условия и т. д. обстоятельства представляют собой либо непосредственное обозначение события, либо обозначение одного из элементов события — предиката или одного из его предикандумов, — по которому легко восстанавливается подразумеваемое событие (за грибами = чтобы принести грибов). Отношение между свернутым в обстоятельство событием и основным событием, отображенным в предложении, может быть различным. Во всех случаях, однако, обстоятельство является следствием вкрапления в предложение указания на другое событие.

Утверждение, что обстоятельство возникает на пересечении двух и более событий, не должно быть понято в том смысле, будто всякое сцепление событий непременно ведет к образованию обстоятельств. Не надо забывать, что важнейшей чертой обстоятельства является его относительная автономность в предложении, выражающаяся в структурной независимости от валентности предиката и обусловленных ею членов предложения. Если при сращении событий в рамках одного предложения основное событие (т. е. событие, определяющее структуру всего предложения) подчиняет себе другое, превращая его в предикандум или атрибут, то второе событие теряет свою автономность и обстоятельства не порождает. Предложения с предикатом речи и мысли или предикатом аффекта предполагают сочетание двух событий. Ср. *Его известили о приезде матери*, где налицо два события: приезд матери и извещение об этом; *Учитель остался очень до-*

волен ответами своих учеников, где также разные события: ответы учеников и реакция учителя. Связь событий в приведенных примерах предугадана валентностью предикатов, в «номенклатуре мест» которых резервирована пустая клетка для событийного предикандума.

Обстоятельство — это член предложения, выражающий событие, сопряженное с событием, составляющим основное содержание предложения. Но не всякий член предложения, выражающий некое событие в составе предложения, является обстоятельством. Спецификой обстоятельства является его независимость от валентности предиката. Обладая относительной автономностью, обстоятельство остается за рамками внутренней структуры предложения, образуемой предикатом, его предикандумами и атрибутами к ним. Оно непосредственно не соотносится ни с одним из членов внутренней структуры в отдельности; оно соотносится только с содержанием предложения в целом.

Традиционная грамматика не учитывала в должной мере роль предикативной валентности. Специфический характер обстоятельства, как репрезентанта предложения в предложении, не был поэтому ею разгадан, как не была разгадана семантико-синтаксическая природа и других членов предложения, в некотором отношении схожих с обстоятельством. Мы имеем в виду так называемые обособленные члены предложения и вводные слова, которые, подобно обстоятельству, являются вкраплениями в основную структуру предложения.

Вообще говоря, репертуар членов предложения, выделенных традиционной грамматикой, далеко не охватывает все многообразие компонентов предложения, реально представленных в структуре языков. Не учтены в должной мере синтаксические образования, вырастающие из взаимодействия и «перекрывания» событий. К таким синтаксическим образованиям относятся, в частности, члены предложения, до некоторой степени дублирующие функции «главных членов предложения», субъекта и предиката. «Вторые» субъекты и предикаты, зачастую появляющиеся в предложениях рядом с «первыми» или «основными», обычно не опознаются в качестве особых членов предложения.

В предложениях типа *Он приехал больной, Он ушел из дому голодный, Он вернулся из театра довольный* и т. п. — два предиката, из которых один, выраженный прилагательным, является основным, а другой, выраженный глагольной формой, играет подчиненную роль. Основными высказываниями являются в этих примерах 'он был болен, голоден, доволен'. Глагол присоединяется к ним для уточнения времени и обстоятельств, сопутствовавших состоянию субъекта. В терминах порождающей грамматики можно было бы сказать, что ядерные предложения типа *Он был болен* являются здесь матричными, а глагольный предикат присоединяется путем вкрапления в матричную структуру элемента

другого ядерного предложения. Сочетание двух предикатов различных уровней отражает здесь переплетение двух событий, имеющих общих предикандум и определенным образом сопряженных одно с другим.

Из сопряжения двух событий возникают, думается нам, и предложения с двумя субъектами типа *У него родился сын*. На первом месте в таких предложениях стоит указание на лицо, с которым произошло какое-то событие. За первым субъектом следует расчлененное выражение события, в котором появляется новый субъект, непосредственный носитель действия или состояния, выраженного глагольным предикатом.

Так как отношения между сопрягаемыми событиями и условия включения компонента одного предложения могут быть весьма многообразными, то и типы включаемых членов предложения не исчерпываются теми разновидностями, которые были упомянуты нами выше. Для детального рассмотрения типов сопряженных предложений время еще не созрело. Для этого требуется подробно разработанное учение о семантико-синтаксических типах предложений и предваряющая такое учение типология предикативной валентности.

5. Некоторые выводы

Как показал проведенный выше анализ, в основе традиционных частей речи лежат универсальные категории двоякого рода: речемыслительные и универсально-языковые. Первые из них прямо или косвенно проистекают из процессов расчленения синкретических образов событий или «положений дел» на составные семантические элементы; вторые же вырастают из специфических условий речевой коммуникации и из проективных свойств языка как знаковой системы, ориентированной на преобразование отображенных в элементах сознания многомерных отношений действительности в одномерные отношения линейной речи.

Речемыслительные категории распадаются, как мы видели, на лексико-грамматические и семантико-синтаксические категории. Лексико-грамматические категории носят классифицирующий характер; в опоре на них производится распределение лексических значений по грамматическим классам. Семантико-синтаксические категории определяют функции лексических значений в составе предложения. Категории одного и другого рода находятся в тесной корреляции между собой, но соотношения между ними неоднозначны.

Основными лексико-грамматическими категориями являются категории субстанции и признака, позволяющие разделить все пойкиотетические лексические значения и выражающие их назывные слова на субстанциональные и призначные. Последние в свою очередь делятся на атрибутивные и предикативные лексические значения и соответственно слова.

Различие субстанциональных и призначных значений позволяет осуществить простейшую синтаксическую связь между двумя значениями. В таком сочетании реализуется элементарнейший процесс «сложения смыслов» (Л. В. Щерба), сущность которого заключается в том, что призначное значение присоединяет к интенционалу субстанционального значения новый признак. Такое сочетание воспроизводит единый референт. Субстанциональное значение называет этот референт путем указания на класс объектов, к которому он принадлежит; призначное значение выделяет в референте признак, позволяющий отличить данный элемент класса от других элементов того же класса. Раскрывая содержание референта с разных сторон, лексические значения превращаются в таком сочетании в экспликандум и экспликанд.

Различие атрибутивных и предикативных значений позволяет дифференцировать экспликанд и уточнить его с помощью дополнительных семантико-синтаксических функций. Предикативные значения выполняют интегративную функцию в предложении; выступая в качестве пропозициональных функций, они превращают сочетающиеся с ними субстанциональные значения в предикандумы. Атрибутивные значения выполняют актуализирующую функцию; присоединяясь к одному из субстанциональных членов, они преобразуют виртуальное понятие о денотате в конкретизированный образ референта.

Лексико-грамматические категории находятся в естественной корреляции с семантико-синтаксическими категориями. Атрибутивные значения используются прежде всего в качестве атрибутов, а предикативные — в качестве предикатов. Несколько сложнее обстоит дело с семантико-синтаксическими функциями субстанциональных значений. По отношению к предикату субстанциональное значение выступает как предикандум, а по отношению к атрибуту — как детерминандум (определяемое). Семантико-синтаксическая функция субстанционального значения определяется, стало быть, косвенно, в зависимости от семантико-синтаксической функции сочетающегося с ним призначного слова. Этим объясняется, что одно и то же субстанциональное значение может быть употреблено одновременно как в функции предикандума, так и в функции определяемого.

Кроме первичных семантико-синтаксических функций, к которым относятся функции предиката и атрибута, предикандума и определяемого, имеются еще и вторичные функции, обусловленные отчасти процессами перекрывания элементарных предложений. На этой почве возникают различные обстоятельственные члены предложения, а также дополнительные предикаты и предикандумы. Вторичные семантико-грамматические категории рассматривались нами лишь вскользь.

Связь грамматических классов с семантико-синтаксическими категориями объясняет нам, почему число грамматических клас-

сов в языке невелико. Оно прямо или косвенно определяется численностью первичных семантико-синтаксических функций. Лексико-грамматические и коррелирующие с ними семантико-синтаксические категории, как первичные, так и вторичные, не исчерпывают, однако, всей сети речемыслительных категорий, на которой базируется язык. В категориальном инвентаре языковых форм имеются еще категории логико-грамматического, или, если угодно, онтологического, характера, которые выражены в языке неявно и слабо учтены традиционной грамматикой. Из категорий последнего рода мы упоминали лишь немногие, например категории предмета и признака, качества и количества, действия и состояния. Логико-грамматические категории не образуют самостоятельных грамматических классов лексических значений, они служат основой для дальнейшей дифференциации основных грамматических классов на подклассы. Так, например, субстанциональные значения делятся на подклассы предметных и не предметных субстанциональных значений; предметные значения в свою очередь подразделяются на активные («одушевленные») и инактивные («неодушевленные») предметные значения, а значения «одушевленных» предметов делятся на подклассы лиц («разумных существ», людей) и не-лиц («неразумных существ», т. е. животных). Валентные свойства слов, их способность сочетаться с другими словами в составе предложения, зависит не только от грамматических классов выражаемых ими значений, но в неменьшей мере и от их подклассов.

Подчинение логико-грамматических категорий лексико-грамматическим категориям объясняется тем, что любое лексическое значение должно обладать способностью функционировать в роли члена предложения. Для того чтобы призначные значения могли функционировать в языке в качестве определяемых и предикандумов, язык приравнивает их функционально к предметным значениям, подводя их под общую категорию субстанции. Утверждая, что субстанциональные значения, как 'бег' и 'холод', «мыслятся как предметы», школьная грамматика явно смешивает онтологическую категорию предметности с лексико-грамматической категорией субстанции. Категория субстанции не фиктивна. Онтологической предпосылкой субстанциональности являются различия ступеней опосредованности признаков в их отношении к предмету. Фиксируя свое внимание на отношении признака первого порядка к признаку второго порядка, говорящий вправе на время отвлечься от отношения признака первого порядка к предмету. В синтаксическом плане такой подход оправдывается тем, что признак второго порядка в такой же мере эксплицирует значение первичного признака, как первичный признак эксплицирует значение предметного референта. Из всего этого, однако, не следует, что призначное субстанциональное значение должно рассматриваться как предметное. Из этого следует лишь то, что субстанцио-

нальный признак может при некоторых обстоятельствах ошибочно приниматься за предмет.

Состав лексико-грамматических классов и синтаксических функций значительно осложняется вследствие того, что к лексико-грамматическим классам и к семантико-синтаксическим функциям подключается ряд универсально-языковых функций, возникающих на базе универсальных свойств актов речевой коммуникации и проективных свойств языка. Ситуативные и контекстуальные моменты, сопутствующие речевой коммуникации, вызывают появление в языке специфического класса дейктических лексических значений, а также дейктических синтаксических категорий, как грамматическое время, особые формы пространственной ориентации ('здесь, там, туда, сюда') и т. п. На базе проективных свойств языка возникают дополнительные синтаксические функции темы и ремы, а также специфические позиционные функции субъекта и прямого объекта, предполагающие формы интенциональной деривации предложений (пассив, инверсивный порядок слов и др.), а также механизм семантической интерпретации позиционных функций.

Существенную роль в системе универсальных грамматических функций играют еще трансляционные функции (термин Л. Теньера), служащие целям перевода лексических значений из одного лексико-грамматического класса в другой. Необходимость в функциях этого рода возникает вследствие того, что логико-грамматическая категориальность лексических значений не нейтральна по отношению к классной принадлежности этих значений. В составе каждого грамматического класса имеются лексические значения, составляющие его семантическую основу, его базисный слой. Предметные значения образуют базисный слой субстанциональных значений, качественные и количественные признаки — базисный слой атрибутивных значений, а признаки действия и состояния — базисный слой предикативных значений. Для преобразования классной принадлежности базисных лексических значений в языке применяются специальные формальные средства. Эти средства, видоизменяя классную принадлежность лексического значения, не всегда переводят выражающее это значение слово из одной части речи в другую, вследствие чего могут возникнуть противоречия между грамматическими классами лексических значений и грамматическими классами выражающих их слов.